

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И ФОРМАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА

СЕРИЯ «БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА
«ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ»
ОСНОВАНА В 2010 Г.

**Редакционная коллегия серии
«Библиотека журнала
«Эпистемология & философия науки»**

- ◆ член-корреспондент РАН *И.Т. Касавин* (председатель),
Институт философии РАН
- ◆ доктор философских наук *И.А. Герасимова*, Институт
философии РАН
- ◆ доктор философских наук *Н.И. Кузнецова*, Российский
государственный гуманитарный университет
- ◆ доктор философских наук *Л.А. Микешина*, Московский
педагогический государственный университет
- ◆ доктор философских наук *А.Л. Никифоров*, Институт
философии РАН
- ◆ доктор философских наук *В.Н. Порус*, Национальный
исследовательский университет «Высшая школа эконо-
номики»
- ◆ доктор философских наук *В.П. Филатов*, Российский
государственный гуманитарный университет
- ◆ член-корреспондент РАН *Б.Г. Юдин*, Институт филосо-
фии РАН

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Философия языка и формальная семантика

Под редакцией
П.С. Куслия

МОСКВА • АЛЬФА-М • 2013

УДК 61.25
ББК 87.4
Ф56

*Сборник рекомендован к изданию
Ученым советом Института философии РАН
Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства образования
и науки Российской Федерации (соглашение № 8259 от 06.08.2012)*

Рецензенты:

доктор философских наук *В.И. Шалак*, доктор философских наук,
профессор *Е.Г. Драгалина-Черная*

Философия языка и формальная семантика : сборник статей ; под ред. П.С. Куслия. — М. : Альфа-М, 2013. — 240 с. — (Библиотека журнала «Эпистемология и философия науки»).

ISBN 978-5-98281-383-1

Задача, которую ставили перед собой редактор и авторы сборника, была двойной: во-первых, познакомить читателя с предметом исследования и концептуальным аналитическим аппаратом формальной семантики — дисциплины, находящейся на стыке философии языка, логики, теоретической лингвистики и т.п. Во-вторых, предложить его вниманию помимо пропедевтических также и исследовательские тексты в области философии языка и формальной семантики. В сборнике представлены статьи современных отечественных философов, логиков и лингвистов — как молодых исследователей, так и специалистов.

Для всех, кто интересуется современными проблемами формальной философии языка, логики и теоретической лингвистики.

**УДК 14
ББК 87.4**

*В оформлении переплета использован фрагмент работы
художника Эля Лисицкого «Проун 19D», (1922)*

ISBN 978-5-98281-383-1

© Институт философии РАН, 2013
© «Альфа-М». Оформление, 2013

Содержание

От редактора	6
ЛИНГВИСТИКА И ФОРМАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА	8
<i>С.Г. Татевосов</i> • Семантика события как эмпирическая проблема	8
<i>Е.В. Вострикова</i> • Против теории номинального ограничения естественно-языковых кванторов	43
ЛОГИКА И ФОРМАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА	71
<i>И.Б. Микиртумов</i> • Семантическая неоднозначность и «техническая» прагматика	71
<i>Г.К. Ольховиков</i> • Метаязыковые дескрипции и прагматика именования.	89
ФИЛОСОФИЯ И ФОРМАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА	129
<i>П.С. Куслий</i> • Проблема третьего прочтения и семантика сообщений о верованиях	129
<i>Д.Б. Тискин</i> • Имена, сфера действия и модальные контексты	161
<i>А.В. Мигла</i> • Подходы к истолкованию пустых терминов в предложениях с интенциональными глаголами	175
ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ	189
<i>В.А. Ладов</i> • Проблема языка интенциональных контекстов в рамках дискуссии реализма и антиреализма	189
<i>А.З. Черняк</i> • Содержание утверждения в двухмерной перспективе	211
Сведения об авторах	238

От редактора

Предлагаемый вниманию читателя сборник статей представляет собой исследования в области формальной семантики естественного языка. Данное направление ориентировано на формальную экспликацию значения выражений естественного языка (его репрезентативного фрагмента) и может считаться современным продолжением классической логической семантики, ориентированной на интерпретацию выражений формализованных языков логики.

Традиция формально-семантических исследований берет свое непосредственное начало в работах Р. Монтегю и Н. Хомского, однако корнями уходит в проблематику, исследовавшуюся классиками аналитической философии – Г. Фреге, Б. Расселом, У. Куайном, представителями львовско-варшавской школы. Современная формальная семантика представляет собой масштабный междисциплинарный исследовательский проект, объединяющий исследования в области философии языка, логики, теоретической лингвистики и ряда других связанных дисциплин.

Центры, проводящие исследования в области формальной семантики, находятся во многих странах мира, в частности в США, Великобритании, Голландии, Германии, Франции, Испании. Плодотворное взаимодействие философов, логиков и лингвистов на протяжении долгого времени осуществлялось и в СССР, однако после его распада возникла некоторая пауза. В последние годы в России можно наблюдать новое сближение в работе представителей указанных дисциплин. Это сближение стремится отразить настоящий сборник. Авторы вошедших в него статей – отечественные философы, логики и лингвисты, исследующие проблемы строгого объяснения значения выражений естественного языка, применяющие или, наоборот, критикующие методы формально-семантического анализа.

Многие статьи сборника содержат и пропедевтическую часть, способствующую не только введению читателя в конкретную проблему, но и его лучшему пониманию более общих проблем, задач и методов формальной семантики. Ряд статей посвящены классическим проблемам философии языка, знакомым специалистам по аналитической философии.

Среди авторов сборника аспиранты, молодые ученые и активно работающие профессионалы. Его целевую аудиторию также составляют как молодые исследователи, так и действующие специалисты.

Работы, вошедшие в сборник, были подготовлены при поддержке двух грантов: ФЦП «Кадры» (мероприятие 1.2.2 «Формально-семантические методы в философии языка», соглашение 8259) и проекта РГНФ № 11-03-00608а «Референция: логико-философский анализ». Ссылки на поддержку РГНФ указаны в каждой статье отдельно.

П.С. Куслий

С.Г. Татевосов

Семантика события как эмпирическая проблема

«События – это такие вещи, которые происходят, – говорится в Стэнфордской философской энциклопедии, – такие вещи, как рождение и смерть, гром и молния, взрывы, свадьбы, икота, взмах рукой, танцы, улыбки, прогулки. Образуют ли такие вещи самодостаточную метафизическую категорию – вопрос, который привлек и долго удерживал интерес философов, особенно во второй половине XX в. Однако вряд ли могут быть сомнения в том, что человеческое восприятие, деятельность, язык и мысль обнаруживают самоочевидную привязанность к сущностям такого рода». Не будучи специалистом по философии события, автор этих строк не берется обсуждать метафизическое измерение этого понятия. Задача настоящей статьи – изложить минимальную сумму наблюдений о естественном языке, которые дают эмпирические аргументы в пользу того, что события существенно необходимы для понимания и объяснения семантической стороны языка. Признавая события особым родом вещей, семантическая теория получает серьезные эмпирические преимущества по сравнению с возможными альтернативами, для которых события не имеют самостоятельного онтологического статуса и рассматриваются, например, как отношения между индивидами или реконструируются посредством обращения к свойствам временных интервалов.

1. События как индивиды

Первое, очень простое, но в то же время исключительно важное наблюдение, которое обычно связывают с именем Д. Дэвидсона, состоит в том, что естественные языки располагают средствами референции к событиям. Рассмотрим предложения:

(1) Jones buttered the toast in the bathroom with a knife at midnight.

Джонс намазал тост маслом в ванной ножом в полночь.

(2) Джонс сделал это.

«Удивительные происходят вещи! — пишет Д. Дэвидсон¹. — Джонс сделал это в ванной ножом в полночь. Что он сделал? Намазал хлеб маслом. Язык, с помощью которого мы описываем действия, слишком привычен для нас, чтобы мы сразу могли заметить необычное. Необычно то, что *это* в *Джонс сделал это* имеет референцию. Референтом, видимо, выступает некоторая сущность, некоторое действие, которое затем характеризуется определенным образом».

Аргумент Дэвидсона действительно неотразим. *Это* в *Джонс сделал это* обозначает событие ровно в том же смысле, в котором *это* в (2) обозначает обычного, «вещественного» индивида.

(3) Володя взял что-то со стола и съел это.

С точки зрения референции естественный язык относится к событиям и обычным индивидам одинаково — в том смысле, что такие выражения, как местоимение *это*, могут иметь своим референтом и то и другое. Если это так, то самое простое и интуитивно привлекательное предположение, объясняющее эту возможность, состоит в том, что события — тоже индивиды, хотя и особого рода.

Сделав первый шаг, мы вслед за Дэвидсоном можем двигаться дальше. Если события — это индивиды, мы можем ожидать от них индивидоподобного поведения, например вступления в отношения с другими индивидами. Должно быть возможно приписать им те или иные дескрипции. Не было бы удивительным, если бы они обнаружили способность подвергаться квантификации. Все эти ожидания обладают важным положительным свойством: они поддаются эмпирической проверке, и оказывается, что проверка дает положительный результат. Разберем это на еще одном примере, который обсуждает Д. Дэвидсон:

(4) a. Jones buttered the toast.

Джонс намазал тост маслом.

b. Jones buttered the toast in the bathroom.

Джонс намазал тост маслом в ванной.

c. Jones buttered the toast in the bathroom with a knife.

¹ Davidson D. 1980. The Logical Form of Action Sentences // Essays on Actions and Events. 3 edition. Clarendon Press, 1980. P.105–122. Изначально опубликовано в: The Logic of Decision and Action. Pittsburg : University of Pittsburg Press, 1967.

Джонс намазал тост маслом в ванной ножом.

d. Jones buttered the toast in the bathroom with a knife at midnight.

Джонс намазал тост маслом в ванной ножом в полночь.

Чем примечательна парадигма предложений в (4)? Все они содержат одно и то же предикатно-аргументное ядро, которое образуется глаголом *butter* «намазывать маслом» и двумя именными выражениями — *Jones* «Джонс» (подлежащее) и *the toast* «тост» (прямое дополнение). Различаются предложения наличием и количеством обстоятельств — обстоятельством места *in the bathroom* «в ванной», инструментальным обстоятельством *with a knife* «ножом» и временным обстоятельством *at midnight* «в полночь». Но главное свойство этих предложений состоит в том, что они связаны отношением следования так:

(5) $d \rightarrow c \rightarrow b \rightarrow a$

Если верно, что Джонс намазал хлеб маслом в ванной с помощью ножа, верно и то, что Джонс намазал хлеб маслом в ванной (как и то, что он намазал хлеб маслом с помощью ножа, а также то, что он намазал хлеб маслом). Из того, что Джонс намазал хлеб маслом, не следует, однако, что он сделал это в ванной.

Очевидно, что любой носитель русского или английского языка имеет совершенно отчетливые суждения на этот счет, а значит, семантика, дисциплина, изучающая языковые значения, должна уметь объяснить эти суждения. Между тем объяснение, которое могла предложить семантика, какой мы ее знали до Дэвидсона, выглядело малоизящно.

Стандартным метаязыком тогдашней семантики были различные варианты предикатной логики, которые приглашали нас понимать предложения естественного языка как *n*-местные отношения с заполненными аргументными позициями. Предложению (4a) естественным образом сопоставлялся двухместный предикат (6a), аргументами которого выступают Джонс и тост. Как быть с предложением (4b)? Для него приходится предположить трехместный предикат (6b), выражающий отношение между тем, кто намазывает масло, тем, на что намазывается масло, и местом, где все это происходит. Рассуждая так же, для (4c) мы получаем четырехместное отношение (6c), а для (4d) — пятиместное отношение (6d):

(6) a. $\text{buttered}_2(\text{Jones}, \text{the.toast})$;

b. $\text{buttered}_3(\text{Jones}, \text{the.toast}, \text{in.the.bathroom})$;

- c. buttered₄(Jones, the.toast, in.the.bathroom, with.a.knife);
 d. buttered₅(Jones, the.toast, in.the.bathroom, with.a.knife,
 at.midnight).

Главная проблема состоит в том, что (6a–d) не способны объяснить, почему предложения (4a–d) связаны отношением следования так, как они связаны в (5). Buttered₂, buttered₃ и т.д. — это разные предикаты. Тот факт, что, например, (6c) истинно, имеет для истинности (6b) не больше последствий, чем истинность любого другого трехместного отношения для истинности любого другого двухместного отношения.

Дело можно поправить, предположив, что в действительности в (4a–d) мы всегда имеем дело с одним и тем же предикатом. Естественно, для этого надо отталкиваться от самого сложного, пятиместного случая (6d). У нас появляется пятиместный предикат, выражающий отношения между всеми участниками и всеми обстоятельствами, которые могут быть задействованы в ситуации намазывания маслом. Те элементы этого отношения, которые в предложениях (4a–d) эксплицитно не выражены, придется анализировать как переменные, связанные квантором существования:

- (7) а. $\exists p, i, t$ [buttered(Jones, the.toast, p, i, t)];
 б. $\exists i, t$ [buttered(Jones, the.toast, in.the.bathroom, i, t)];
 в. $\exists t$ [buttered(Jones, the.toast, in.the.bathroom, with.a.knife, t)];
 д. buttered(jones, the.toast, in.the.bathroom, with.a.knife,
 at.midnight).

Нетрудно убедиться, что отношения следования в (5), которых мы хотели добиться, теперь вытекают из нашей семантики. Если, например, верно, что Джонс намазал хлеб маслом в ванной с помощью ножа в полночь, (7d), верно и то, что Джонс намазал хлеб маслом в ванной с помощью ножа в некоторый момент, (7c), как и требуется. (Обратное, как и требуется, неверно.)

За этот результат, однако, приходится дорого заплатить: чтобы проанализировать значение любого простого предложения, нам требуется ввести в его семантику очень много информации — о времени, месте, способе осуществления и т.д. Как заметил Э. Кенни¹ по схожему поводу, «чтобы сформулировать, в чем состоит значение предложения типа *Брут заколол Цезаря*, мы вынуждены ис-

¹ Kenny A. Action, Emotion, and Will. L. : Routledge and Kegan Paul, 1963.

пользовать предикат, описывающий, пусть даже с известной недоопределенностью, всю историю мироздания».

События позволяют выйти из этого тупика. Как уже было сказано выше, если события — это индивиды, мы ожидаем, что язык располагает средствами для описания их отношений с другими индивидами. Какие языковые единицы выражают отношения между индивидами и событиями? Ответ, к которому нас подводит Дэвидсон, прост и изящен: это естественно-языковые глаголы.

До Дэвидсона мы привыкли думать о них как о единицах, описывающих исключительно отношения между индивидами. Глагол *butter* можно понимать как в (6a) — как отношение между тем, кто намазывает масло, и тем, на что оно намазывается. Но, как видно из обсуждения выше, это в конечном счете с неизбежностью приводит нас к трудноразрешимым эмпирическим проблемам. Если понимать глаголы иначе — как *отношения между индивидами и событиями* — проблемы снимаются и мы получаем критически важный эмпирический аргумент в пользу внедрения событий в лингвистическую теорию.

Рассмотрим, как этот новый взгляд на глагол позволяет выйти из затруднений, с которыми мы столкнулись при анализе обстоятельственной модификации в (4)–(7).

Первый шаг: дополним предикаты, которые раньше выражали отношение между индивидами, новой аргументной позицией, соответствующей событию. Прюделав эту манипуляцию, мы получим возможность анализировать предложение в (4a) следующим образом:

(8) $\exists e$ [*buttered*(e, Jones, the.toast)].

Если в (6a) предикат «намазывать маслом» выражает отношение между Джонсом и тостом, то новый предикат — это отношение между Джонсом, тостом и событием, в котором первый намазывает маслом второй. Событие представлено в (8) переменной, которая связывается квантором существования. Простые утвердительные предложения тем самым выражают утверждения о наличии в текущем мире события, обладающего определенными дескриптивными свойствами и определенным составом участников.

Второй и последний шаг. Введя события и пробегающие по ним переменные в состав семантического представления, мы получаем возможность говорить о предикатах над событиями — одноместных предикатах, имеющих событие в качестве единственного аргумен-

та. Именно так, как одноместные предикаты над событиями, мы будем анализировать обстоятельства. «В ванной», «с помощью ножа», «в полночь» – это предикаты, обозначающие множества событий, совершившихся соответственно в ванной, с помощью ножа и в полночь. Соединив обстоятельства с предикатно-аргументным ядром предложения простой конъюнкцией, мы получим в качестве семантического представления предложений (4a–d):

- (9) a. $\exists e$ [buttered(e, Jones, the.toast)];
 b. $\exists e$ [buttered(e, Jones, the.toast) \wedge in.the.bathroom(e)];
 c. $\exists e$ [buttered(e, Jones, the.toast) \wedge in.the.bathroom(e) \wedge with.a.knife(e)];
 d. $\exists e$ [buttered(e, Jones, the.toast) \wedge in.the.bathroom(e) \wedge with.a.knife(e) \wedge at.midnight(e)].

(9a–d) успешно решают проблему, с которой мы столкнулись выше. Логические отношения следования между предложениями делаются полностью эксплицитными. Поскольку $p \wedge q \rightarrow p$ для любых p и q , (5) вытекает из (9a–b) без всяких дополнительных допущений. В то же время логическая структура (9a–d) более точно соответствует структуре соответствующих английских предложений. В каждом из (9a–d) представлена та и только та информация, которая эксплицитно выражена языковыми средствами: в (9a–d) в отличие от (6a–d) не требуется предполагать имплицитных обстоятельств места, времени и способа, связанных квантором существования. Опасности, о которой говорил Кенни («весь мир в одном предикате»), удается благополучно избежать. Признание за событиями собственного онтологического статуса – существенно необходимый шаг в решении проблемы. Поэтому материал, который мы только что обсудили, становится важным аргументом в пользу превращения семантической теории естественного языка в *семантику событий*, тот вариант теоретико-модельной семантики, в котором у событий есть собственное место в онтологическом компоненте модели.

2. Дэвидсон и неодавидсонизм

Важность семантики событий для анализа значения в естественном языке осознавалась в лингвистике постепенно. Для многих семантистов идеи Дэвидсона долгое время оставались чем-то концептуально привлекательным, но имеющим мало отношения к

практической жизни. Ситуация изменилась, когда в 1990 г. Т. Парсонс защитил диссертацию¹, в которой показал, что дэвидсоновская семантика с известными модификациями дает возможность увидеть огромную совокупность старых семантических проблем в совершенно новом свете.

Основное новшество, которое ввел Парсонс в семантическую теорию, связано с анализом аргументной структуры предиката. В (9a–d), например, мы имели дело с трехместным предикатом *butter*, выражавшим отношение между Джонсом, тостом и событием, в котором первый намазывает маслом второй. Парсонс предложил смотреть на это немного по-другому. Что сообщают нам следующие предложения?

(10) Caesar died.

Цезарь умер.

Парсонс полагает, что с интуитивной точки зрения предложения типа (10) представляют собой совокупность из трех более или менее независимых компонентов информации о событии:

(11) Некоторое событие *e* таково, что

e — это событие умирания и

участник этого события — Цезарь и

e достигает кульминации в прошлом.

Если это верно, то в качестве семантического представления (10) следует использовать не (12), как это сделал бы Дэвидсон, а (13), в котором все три компонента (11) представляют собой отдельные формулы, связанные конъюнкцией:

(12) $\exists y.died(Caesar)(e)$;

(13) $\exists e[Dying(e) \wedge Object(e, Caesar) \wedge Culminate(e, before\ now)]$

↑ ↑ ↑ ↑

Default verb subject tense.

«Три компонента, — пишет Т. Парсонс, — которые отчетливо выделяются в структуре английского предложения — подлежащее, глагол и видовременная морфология, — становятся отдельными конъюнктами, определяющими событие, в котором умирает Цезарь. Глагол указывает, что рассматриваемое событие —

¹ См.: *Parsons T. Events in the Semantics of English: A Study of Subatomic Semantics. Cambridge : MIT Press, 1990.*

это событие умирания. Подлежащее указывает, что Цезарь — участник этого события. Видовременная морфология указывает, что событие кульминирует до момента произнесения предложения».

Таким образом, главное различие между дэвидсоновской и *неодэвидсоновской* семантикой события проявляется в том, как анализируется глагол и его аргументы. В первом случае для переходного предложения (1) мы принимаем трехместное отношение (14). Во втором случае глагол — это одноместный предикат над событиями. Участники события привязываются к нему с помощью особых двухместных отношений — *тематических ролей*, таких, как агенс, тема, инструмент и т.д.

(14) Дэвидсоновская семантика события

$\exists e [\text{butter}(\text{the.toast})(\text{Jones})(e)]$.

(15) Неодэвидсоновская семантика события

$\exists e [\text{butter}(e) \wedge \text{agent}(\text{Jones})(e) \wedge \text{theme}(\text{the.toast})(e)]$.

В чем преимущества неодэвидсоновской семантики перед дэвидсоновской? Самое очевидное: она позволяет сделать явными систематические сходства между участниками разных событий. Чем глагол «есть» похож на глагол «писать»? Дескриптивные свойства ситуаций, которые описываются этими глаголами, радикально различны. В одном случае происходит кусание, жевание и проглатывание, в другом — движение пищащего инструмента по некоторой поверхности, сопровождающееся возникновением текста. Эти глаголы, однако, сближаются тем, что их участники, те, которым в предложениях (16) и (17) соответствует подлежащее, поразительно похожи:

(16) Володя ест яблоко.

(17) Феликс пишет письмо.

Как Володя в (16), так и Феликс в (17) имеют много общего: оба выступают целеполагающими инициаторами описываемой ситуации, оба контролируют ее осуществление, оба могут прекратить ее по собственной воле. В этом смысле «есть» и «писать» — члены одного и того же класса глаголов, а именно глаголов, первый аргумент которых является агенсом. Агенс — это участник событий, обладающих определенным набором свойств, которые показаны ниже:

- (18) $\forall x \forall e [\text{agent}(x)(e) \rightarrow$
 $x \text{ is a volitional initiator of } e \wedge$
 $e \text{ is under immediate control of } x \wedge \dots]$.

Более подробный список свойств агенса можно найти, например, в основополагающей статье Д. Даути¹. Для нас важно другое: только неодэвидсоновская семантика открывает путь выделения естественных классов глаголов на основании семантических сходств их аргументов. Например, глаголы «есть» и «писать» попадают в один класс: их объединяет то, что внешний аргумент предиката в обоих случаях — это агенс. Глагол «открывать» устроен иначе. Различие видно благодаря примерам:

(19) Володя открыл окно.

(20) Порыв ветра открыл окно.

В отличие от «писать», «есть» и аналогичных глаголов «открывать» не требует, чтобы главный участник ситуации непременно обладал агентивными свойствами. Он одинаково уместен как в предложениях, где открытие окна стало результатом целенаправленных усилий (19), так и в предложениях, предполагающих, что это произошло, например, благодаря вмешательству стихии (20). Порыв ветра — не агенс: он не обладает способностью к целенаправленному поведению и возможностью остановить действие по собственному усмотрению. Для участников ситуации, которые вызывают изменения состояния других объектов, не будучи агенсами, предлагались разные обозначения. Мы воспользуемся термином «эффлектор», который используется, в частности, в работах Р. ван Валина и А.Е. Кибрика².

Таким образом, по поводу глаголов типа «открывать» выстраивается простое обобщение: в качестве внешнего аргумента они допускают и агенса, и эффлекторы. Лексическое значение этих глаголов накладывает на свойства внешнего аргумента меньше ограничений, чем у «писать» и «есть»: в этом качестве подходит любой *каузатор*, от которого каузально зависят происходящие в других сущностях изменения. В один класс с «откры-

¹ См.: Dowty D.R. Thematic Proto-Roles and Argument Selection // Language. 1991. Vol. 67, № 3. P. 547–619.

² См.: Van Valin R.D. Exploring the Syntax-Semantics Interface. Cambridge : Cambridge University Press, 2005; Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб. : Алетейя, 2003.

вать» попадает глагол «ломать» и многие другие глаголы разрушения и уничтожения:

(21) Володя сломал деревцо.

(22) Буря сломала деревцо.

Итак, глаголы типа «есть» и «писать», с одной стороны, и типа «открывать» и «ломать» — с другой, попадают в разные естественные классы с точки зрения свойств внешнего аргумента — соответственно класс агентивных глаголов и класс глаголов с каузатором. Неодэвидсоновская семантика позволяет сделать это различие всецело эксплицитным:

(23) $\parallel \text{писать} \parallel = \lambda y. \lambda x. \lambda e. \text{write}(e) \wedge \text{agent}(x)(e) \wedge \text{theme}(y)(e);$

(24) $\parallel \text{открывать} \parallel \lambda y. \lambda x. \lambda e. \text{open}(e) \wedge \text{causer}(x)(e) \wedge \text{theme}(y)(e).$

В дэвидсоновской системе каждый глагол вводит уникальное отношение между событием и его участником. Для «писать» это отношение (25), для «есть» — отношение (26), для «открывать» — (27) и т.д. (во всех случаях внутренним аргументом выступает участник ситуации, обозначенный переменной y):

(25) $\lambda x. \lambda e. \text{write}(y)(x)(e);$

(26) $\lambda x. \lambda e. \text{eat}(y)(x)(e);$

(27) $\lambda x. \lambda e. \text{open}(y)(x)(e).$

Во всех случаях это разные — и очень частные — отношения: отношения между пишущим и писанием, едоком и поеданием, открывателем и открыванием. Для теории остается невидим тот факт, что первое и второе похожи настолько, что допускают отождествление в терминах агенса, а третье отличается от обоих в достаточной степени, чтобы рассматриваться как нечто самодостаточное, каузатор. При дэвидсоновском анализе предикатного значения такие сходства и различия каждый раз представляют собой случайное совпадение.

Как можно видеть из примеров, внутренний аргумент у Парсонса также внедряется в семантическое представление с помощью семантического отношения. В (23)—(24) это отношение *theme*, или тема, или, как его чаще именуют в российской традиции, *пациенс*. Пациенс — участник события, также обладающий несколькими характерными свойствами: в отличие от агенса он не

контролирует осуществление ситуации, даже будучи одушевленным; он выступает безынициативной точкой приложения чужих усилий; он подвергается изменениям и т.д. Если рассуждения такого рода верны, появляется возможность говорить и о семантических классах глаголов с точки зрения свойств внутреннего аргумента. «Писать», «есть» и «открывать» попадают, как нетрудно заметить благодаря (23)–(24), в один семантический класс – класс глаголов с пациенсом.

Впрочем, не все согласны, что агенс и пациенс имеют одинаковый семантический статус. В недавней литературе широко обсуждались разные соображения на этот счет. А. Кратцер¹, в частности, отмечает: «Действия имеют агенсов независимо от того, как мы описываем сами действия. Пациенсы лишены этой концептуальной автономности. Они намного жестче привязаны к своим глаголам». Поэтому, утверждает Кратцер, адекватный анализ предикатного значения состоит в том, что внешний аргумент соединяется с событием по-неодэвидсоновски, а внутренний – по-дэвидсоновски, т.е. без помощи семантической роли. Анализ в таком духе показан для глагола «писать»:

(28) || писать || = $\lambda y. \lambda x. \lambda e. \text{write}(y)(e) \wedge \text{agent}(x)(e)$.

Почему Кратцер считает, что (28) – это правильный взгляд на вещи? Ключевой ее аргумент состоит в том, что пациенсы в отличие от агенсов не обладают *свойством аддитивности*. Об аддитивности применительно к семантическим ролям можно говорить в следующем случае. Пусть индивид x участвует в роли R в событии e , а индивид y – в этой же роли в событии e' . Тогда вместе индивиды x и y , $x \oplus y$, участвуют в роли R в сложном событии $e \oplus e'$, состоящем из e и e' . Агенсы отдельных подсобытий суммируются, и получается коллективный агенс большего события.

Чтобы увидеть асимметрию пациенсов и агенсов, можно рассмотреть простой сценарий. Володя, Феликс и Надя сажают дерево. Володя находит подходящее место и выкапывает яму, Феликс покупает дерево, привозит его на место и размещает в яме, Надя добавляет удобрение и присыпает корни землей. Можно утверждать, что дерево посажено коллективными усилиями всех участников. Сложное событие посадки дерева складывается из отдельных собы-

¹ Kratzer A. The Event Argument and the Semantics of Verbs. Ms. Amherst : University of Massachusetts, 2003.

тий, у каждого из которых собственный агенс. Все вместе они составляют аддитивный агенс сложного события.

Иначе обстоит дело с пациенсом. В каждом отдельном событии пациент свой — место посадки, яма, дерево, удобрение, земля. Однако объединение всех этих сущностей не дает нам пациента события посадки дерева; пациенсом посадки выступает только дерево, но не прочие объекты, участвовавшие в отдельных подсобытиях. В отличие от агенсов пациенты в общем случае не суммируются, когда из более элементарных событий мы создаем более сложное. Если предполагать, что аддитивность — это общее свойство семантических ролей, то такой семантической роли, как пациент, не существует.

Это дает нам вслед за Кратцер аргумент в пользу асимметричного анализа аргументов предиката, как в (28). Внешний аргумент соединяется с событием посредством указания на роль, которую он играет в этом событии; отношение внутреннего аргумента к событию определяется лексическим значением глагола и для каждого глагола сугубо индивидуально.

3. Имена и глаголы

Если верно, что события — особый род вещей, естественный язык обладает возможностью референции к событиям и квантификации событий, а семантика, с которой мы отныне имеем дело, — это семантика событий, становится осмысленным простой вопрос, который до Дэвидсона невозможно было даже сформулировать. В чем состоят сходства и различия выражений естественного языка, обозначающих события и обычные индивиды?

Различия, безусловно, бросаются в глаза. Индивиды имеют более отчетливую пространственную локализацию и менее отчетливую временную (представим себе, например, такой объект, как город Рим). События, напротив, чаще всего вложены в ясные временные рамки, но характеризуются более или менее размытыми пространственными границами (вообразим такое событие, как захват Рима готами). Сходства, однако, интереснее и нетривиальнее, особенно те из них, которые проявляются не непосредственно, а через свойства языковых выражений, описывающих индивиды и события.

Немецкий семантист Манфред Крифка был, по-видимому, первым, кто предложил эксплицитную семантическую теорию, по-

казывающую, что предикаты естественного языка, обозначающие индивидов и события, обладают одинаковыми или похожими свойствами. Два наиболее важных понятия, описывающих эти сходства, — понятия *кумулятивности* и *квантованности*¹. Первое характеризует естественно-языковые предикаты с точки зрения того, как отдельные индивиды, которые входят в их экстенционал, соотносятся с суммами индивидов.

Предикат, обозначаемый существительным «вода», кумулятивен: сумма двух порций воды является водой. Аналогично существительное во множественном числе «яблоки» обозначает кумулятивный предикат: если соединить две совокупности, каждую из которых можно назвать словом «яблоки», получившуюся совокупность можно будет назвать этим же словом. Напротив, предикаты типа «яблоко» или «пять яблок» (в той степени, в которой «пять яблок» можно рассматривать как предикат) не кумулятивны. Если взять объект, обозначаемый выражением «пять яблок», и еще один такой же объект, их сумму нельзя будет описать как «пять яблок»; подходящий для этого предикат — «десять яблок».

Второе понятие — *квантованность* — характеризует предикаты с точки зрения того, как обозначаемые ими объекты соотносятся со своими собственными частями. Существительное «яблоко» выражает квантованный предикат, поскольку никакая часть объекта, который называется словом «яблоко», не входит в означаемое «яблоко». Предикат «вода», напротив, не квантован: порция воды, отделенная от большей порции воды, не перестает быть водой.

В общем случае кумулятивными и неквантованными являются предикаты, обозначаемые неисчисляемыми существительными и существительными во множественном числе. Об эмпирической реальности такого класса предикатов свидетельствует среди прочего то, что многие языковые выражения чувствительны к кумулятивности/неквантованности. Скажем, такое выражение, как «много», успешно соединяется в осмысленное семантическое целое именно с кумулятивными и неквантованными предикатами: мы можем сказать «много воды» и «много книг», но не «много книги». (Чтобы последнее выражение стало осмысленным, существительное «книга» должно претерпеть семантический сдвиг. «Много книги» может

¹ См.: *Krifka M. Thematic Relations as Links Between Nominal Reference and Temporal Constitution // Lexical matters ; Sag I., Szabolsci A. (eds.). Stanford : CSLI, 1992. Krifka M. The Origins of Telicity // Events and Grammar ; S. Rothstein (ed.). Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 1998.*

обозначать большое количество субстанции, образующейся после того, как книгу измельчили с помощью аппарата для уничтожения бумаг. В этом случае, однако, предикат «книга» более не является квантованным.)

Крифка был, разумеется, не первый, кто заметил, что выражения типа «вода» и «яблоко» отличаются с точки зрения соотношения целого и частей. Например, известнейший американский лингвист Дж. Гринберг описывал это же свойство как *структурированность*: «Если я разрезаю мясо на две части, я получаю мясо в количестве двух кусков, но если я разрезаю собаку на две части, у меня по-прежнему только одна собака, а именно мертвая. Отличительное свойство собак... — это, по-видимому, наличие внутренней организации, делающей их интегрированным и органичным целым... Мы можем называть этот признак [+/-структурированность]»¹. Однако именно Крифка, по-видимому, впервые эксплицитно указал, что понятия кумулятивности и квантованности применимы к выражениям не только с именной, но и с событийной референцией. Действительно, глагольные предикаты характеризуются в терминах кумулятивности и квантованности в той же степени, что и именные. Например, предикат «гулять» кумулятивен и неквантован, а предикат «растать» — квантован и некумулятивен.

Если некоторое событие e , продолжавшееся с 8.30 до 9.00, можно описать с помощью «гулять», и это же верно для другого события e' , длившегося с 9.00 до 10.00, то сумма этих двух событий $e \oplus e'$, которая занимает временной интервал с 8.30 до 10.00, — это тоже событие, для описания которого подходит предикат «гулять»². Точно так же любая часть события e , например ta , которая имела место с 8.40 до 8.45, описывается предикатом «гулять».

¹ Greenberg J.H. Numeral Classifiers and Substantial Number: Problems in the Genesis of a Linguistic Type // Working Papers on Language Universals. 1972. Vol. 9. P. 22–23.

² Тот факт, что события примыкают друг к другу во времени, не является в этом рассуждении решающим. Точно так же для предикатов типа «вода» не является решающим возможность физически соединить две порции воды в одном пространстве. Предикат «гулять» — это предикат над самими событиями, а не над временными интервалами, которые занимают эти события, как и «вода» — предикат над индивидами, а не над областями пространства, которые занимают эти индивиды. Кумулятивность (как и квантованность) — это свойство, которое касается самих событий и индивидов, рассматриваемых независимо от времени и пространства. Поэтому примыкание событий во времени, а индивидов в пространстве — лишь удобный способ сделать рассматриваемое свойство явным и наблюдаемым.

Если мы возьмем собственную часть события, описываемого предикатом «снеговик растаял» (в дэвидсоновском формате — $\lambda y.melt(snowman)(e)$), это не будет событием «снеговик растаял», поскольку в ходе части события растаяла только часть снеговика. Точно так же два события «снеговик растаял» в сумме не образуют события «снеговик растаял», а образуют событие «снеговик растаял дважды» или «два снеговика растаяли».

Для кумулятивных и неквантованных событийных предикатов находятся свои выражения со значением меры, которые ведут себя так же, как «много» в комбинации с предикатами над индивидами. Например, обстоятельство «два часа» допускается для «гулять», но вызывает неграмматичность в сочетании с «растаять»:

(29) Володя (по)гулял два часа.

(30) *Снеговик растаял два часа.

Другое проявление этого различия — отношения логического следования между предложениями в прогрессиве и предложениями в перфекте — можно увидеть в английском и других похожих языках:

(31) a. John is walking.

Володя гуляет.

b. John has walked.

Володя погулял.

(32) a. The snowman was melting.

Снеговик тает.

b. The snowman has melt.

Снеговик растаял.

Нетрудно убедиться, что истинность (31a) влечет за собой истинность (31b). Напротив, если (32a) истинно, то (32b) ложно.

Свойства предикатов, которые проявляются в (29)–(32), известны в лингвистической семантике как *предельность* и *непредельность*. Предикаты типа «растаять» предельны: они описывают ситуации, которые достигают внутреннего предела, или кульминации, такой стадии развития, когда у одного из участников возникает новое состояние, а продолжение ситуации делается физически и/или логически невозможным. Например, процесс таяния снеговика с неизбежностью прекращается, когда весь снеговик переходит в новое агрегатное состояние. События, которые описываются предикатами типа «гулять», не кульминируют: в них самих не содержится никако-

го внутренне необходимого предела, по достижении которого продолжение делается невозможным. Гуляние может остановиться в любой своей точке, но в любой точке может и продолжаться.

Исследования предельности интенсивно развивались в 1960–1980-е гг., но именно Крифка, опираясь на семантику событий, сделал два принципиально важных шага. Во-первых, он увязал предельность с квантованностью и кумулятивностью событийного предиката, а во-вторых, показал, что предельность глагольного предиката имеет точные корреляты в именной сфере.

Кроме уже отмеченных корреляций можно выделить еще одну, достаточно нетривиальную. Из определений кумулятивности и квантованности следует, что если предикат квантован, то он не кумулятивен, а если кумулятивен, то не квантован. Чаще всего некумулятивные предикаты естественного языка действительно квантованы (например, «яблоко» или «растать»), а неквантованные кумулятивны (например, «вода» и «гулять»). Возможны, однако, предикаты, которые не являются ни кумулятивными, ни квантованными. Например, выражение «немного яблок», если рассматривать его как предикат, неквантовано: если пять яблок входят в его экстенционал, то входят и четыре, и три яблока. При этом он не является и кумулятивным: если, например, x – это четыре яблока, а y – пять яблок, то вероятно, что x и y по отдельности входят в означаемое «немного яблок», а их сумма – нет. То же можно сказать о предикате «немного погулять»: если верно, что прогулка продолжительностью 30 мин – это «немного погулять», то это же верно и для более короткой прогулки. Однако две прогулки по 30 мин, соединенные в общую прогулку продолжительностью час, скорее всего не описываются как «немного погулять».

Список сходств индивидуальных и событийных выражений можно продолжать. Но мы хотим привлечь внимание читателя к смежной (и более важной) проблеме. Тот факт, что свойства тех и других можно объяснить, привлекая один и тот же понятийный аппарат и одни и те же единицы анализа, дает нам достаточно сильный аргумент в пользу семантики событий. Однако есть и еще более сильный аргумент. Понятия кумулятивности и квантованности не просто применимы и к именным и к глагольным выражениям естественного языка. Кумулятивность и квантованность именных выражений непосредственно воздействует на кумулятивность и квантованность глагольных, а происходит так

потому, что для определенного класса предикатов структура обозначаемой ситуации изоморфна структуре ее участника. Чтобы увидеть это воздействие, обратимся к примерам:

- (33) a. John *ate* an apple in an minute || *for a minute.
 Он съел яблоко за минуту || *минуту.
 b. John *ate* three apples in an minute || *for a minute.
 Он съел три яблока за минуту || *минуту.
 c. John *ate* the apples in an minute || *for a minute.
 Он съел (эти) яблоки за минуту || *минуту.
- (34) a. John *ate* apples for an hour || *in an hour.
 Он ел яблоки час || *за час.
 b. John *ate* soup for an hour || *in an hour.
 Он ел суп час || *за час.

В естественных языках существуют глаголы, которые могут возглавлять либо предельную, либо неопредельную глагольную группу в зависимости от того, какими свойствами обладает один из аргументов. В (33а–с) форма Simple Past глагола eat (есть) допускает только предельную интерпретацию, а прямым дополнением является именная группа (ИГ) с исчисляемым существительным в единственном числе, именная группа с числительным и определенная множественная именная группа. В (34а–b), где в позиции прямого дополнения представлена неопределенная ИГ во множественном числе или ИГ с неисчисляемым существительным, неопредельна. Это видно благодаря сочетаемости с обстоятельствами типа «два часа» и «за два часа»: первые, как мы уже видели, способны соединяться только с неопредельными, а вторые – только с предельными глагольными предикатами.

Примеры (33)–(34) показывают, что информация о характере протекания события – о том, достигает ли оно предела или нет, – заключена не в глаголе, а в его аргументе. Варьируя аргумент, мы манипулируем предельностью. Это явление, называемое *аспектуальной композицией*, привлекало внимание семантистов с начала 1970-х гг. (первооткрывателем, по-видимому, следует признать нидерландского семантиста Х. Веркейла¹).

¹ См.: Verkuyl H.J. On the Compositional Nature of the Aspects. (Foundations of Language Supplementary Series. Vol. 15.) Dordrecht : Reidel, 1972; Verkuyl H.J. A Theory of Aspectuality. The Interaction between Temporal and Atemporal Structure. (Cambridge Studies in Linguistics. Vol. 64.) Cambridge : Cambridge University Press, 1993. Verkuyl H.J. Aspectual Issues. Structuring Time and Quantity. (CSLI Lecture Notes. Vol. 98.) Stanford : CSLI Publications, 1999.

Но как такое возможно, если именные группы, например *an apple* или *the apples*, обозначают или индивиды, или обобщенные кванторы над индивидами, т.е. множества множеств индивидов? Откуда у таких выражений возникает потенция передавать какую бы то ни было информацию о характере развертывания ситуации во времени?

На интуитивном уровне не так уж трудно выстроить рассуждение, показывающее, почему, например, (33а) предельно. Мы едим яблоко. Яблоко занимает определенную часть пространства. Чем дольше мы едим, тем большая часть яблока съедена и тем меньший сегмент пространства занимает оставшаяся часть. В тот момент, когда съедено все яблоко, оно исчезает, а поедание с неизбежностью прекращается. Предел, или кульминация, в случае предиката «есть яблоко» определяется свойствами яблока – тем, что в некоторый момент оно исчерпывается.

Чем отличается *an apple* «яблоко» / *three apples* «три яблока» / *the apples* «(эти) яблоки» от *apples* «яблоки» или *soup* «суп»? Допустим, перед нами гора яблок. По всей видимости, мы можем с помощью английского предложения (34а) правдиво описать ситуацию, в которой мы съели минимум два яблока. Если мы съели три, четыре, двести пятьдесят восемь яблок, (34а) все равно будет истинным. К куче яблок мы можем добавлять новые яблоки, и то, что мы едим, по-прежнему будет яблоками, а то, чем мы занимаемся, по-прежнему можно будет описать с помощью (34а). В означаемое именного выражения *apples* входят любые совокупности яблок; не существует такого n , что совокупность из n яблок входит в означаемое *apples*, а начиная с $n + 1$ – больше не входит. В противном случае совокупность рано или поздно была бы исчерпана – ровно как в случае с единственным яблоком. Однако такого n нет, и поэтому у ситуации «есть яблоки» нет внутреннего, связанного с совокупностью яблок предела. Такие же рассуждения можно воспроизвести и для *soup* «суп», который отличается от «яблоки» только тем, что в его означаемом не вычленяются естественные атомарные единицы, такие, как отдельные яблоки.

Таким образом, на интуитивном уровне у нас есть объяснение, почему предельность глагольного предиката тип *eat X* зависит от свойств аргумента X : внутренняя структура X определяет внутреннюю структуру ситуаций, в которых X подвергается поеданию.

Сформулировав это обобщение, требуется сделать следующее наблюдение:

(35) Все именные группы, занимающие позицию прямого дополнения в (33) и аналогичных предложениях, если рассматривать их как именные предикаты, квантованы, а именные группы в (34) кумулятивны.

Как только факт, обозначенный в (35), становится очевидным, делается отчетливым обобщение:

(36) Глагольная группа, если анализировать ее как предикат над событиями, кумулятивна (= неопредельна), когда прямое дополнение кумулятивно, как это имеет место в (34), и квантована, когда прямое дополнение квантовано, как в (33).

Остается объяснить, почему такая закономерность имеет место. Крифка¹ строит объяснение, опираясь на понятие *инкрементальности*. Инкрементальность – это свойство (точнее, набор свойств), которым обладает *отношение между событием и его участником*, т.е. семантическая роль. Она имеет место тогда, когда части события находятся в одно-однозначном соответствии с частями участника. «Есть яблоко» – предикат, который выражает именно такое отношение: развитие события «есть яблоко» в точности соответствует частям яблока, которые поедаются. По мере того как ситуация «есть яблоко» продвигается, яблоко исчезает. Когда яблоко съедено полностью, ситуация завершается.

Более строго, отношение θ между объектом и событием является инкрементальным, если оно удовлетворяет пяти условиям. Первое называется *отображение в подобъекты*. Оно состоит в том, что если объекты и события находятся в инкрементальном отношении, то любой собственной части события соответствует некоторая собственная часть объекта. Например, отношение между событием, описываемым предикатом «есть яблоко», и пациенсом «яблоко» удовлетворяет этому условию, поскольку чем большую часть события мы берем, тем большая часть яблока оказывается в него вовлечена. Напротив, отношение между событием, описываемым предикатом «чесать нос», и пациенсом «нос» не удовлетворяет данному

¹ См.: *Krifka M. Nominal Reference, Temporal Constitution and Quantification in Event Semantics // Semantics and Contextual Expression*; R. Bartsch, J. van Benthem, P. van Emde Boas (eds.). Dordrecht : Foris Publications, 1989. *Krifka M. Thematic Relations...*; *Krifka M. The Origins of Telicity.*

условию: в общем случае неверно, что чем больше мы чешем нос, тем большая часть носа оказывается почесана.

Второе условие — *отображение в подсобытия* — представляет собой зеркальное отражение свойства отображения в подобъекты: если объекты и события находятся в инкрементальном отношении, то любой собственной части любого объекта соответствует некоторая собственная часть события. В случае с предикатом «есть яблоко» и пациенсом «яблоко» условие отображения в подсобытия снова удовлетворяется: чем большую часть объекта мы берем, тем большая часть события «есть яблоко» ему соответствует. Условие не выполняется, например, для «толкать тележку перед собой»: неверно, что чем большую часть тележки мы берем, тем большая часть события «толкать тележку» ей соответствует.

Третье условие — *уникальность объектов* — одно из важнейших свойств, которым обладают отношения между ситуацией и ее участником у большинства глагольных предикатов естественного языка. Оно требует, чтобы в одной и той же ситуации не участвовало более одного участника с одинаковой ролью. Например, любая ситуация, обозначаемая глаголом «есть», имеет только одного участника, который ест, и только одного участника, который поедается. Глаголов, для которых это условие не выполняется, немного. Один из них — «(при)касаться». По всей видимости, если верно, что Володя прикоснулся к Надиной руке, то верно и то, что Володя прикоснулся к Наде. Это означает, что в одной и той же ситуации в одной и той же роли выступают два участника — индивид (Надя) и его собственная часть (Надина рука).

Четвертое условие — *уникальность событий*: мы требуем, чтобы один и тот же участник события с определенной ролью не участвовал в этом качестве в более чем в одном событии. Например, одно и то же яблоко нельзя съесть дважды, а одно и то же письмо нельзя дважды написать. Уникальность событий в первую очередь характеризует глаголы созидания и уничтожения — «есть», «писать», «строить», «сносить» и т.п. Прочие глагольные предикаты, как правило, лишены этого свойства, ср.: «видеть», «касаться», «ходить», «читать» и т.п.

Наконец, последнее важное условие отношений между событиями и их участниками — *кумулятивность*. Это свойство состоит в том, что если, например, в одной ситуации бегал Володя, а в другой Феликс, то в совокупности этих двух ситуаций бегали Володя и Феликс.

Это свойство мы уже обсуждали выше: оно выполняется для отношений между событием и его агентивным участником, но не для любых отношений между событием и его пациентивным участником.

Отношения, которые удовлетворяют пяти перечисленным условиям, называются *строго инкрементальными*. Строго инкрементально, в частности, отношение между описываемой ситуацией и пациенсом глаголов созидания и уничтожения (таких, как «есть яблоко» и «писать письмо»). В случае глагольных предикатов типа «красить забор», «играть сонату» и «читать книгу» отношение между ситуацией и забором, сонатой и книгой строго инкрементальным не является, поскольку не обладает свойством уникальности событий (и, как легко показать, также свойством отображения в подобъекты): во всех этих ситуациях допускаются повторы, когда, например, одна и та же часть книги прочитывается дважды, т.е. участвует в двух разных событиях. Отличительная особенность таких отношений, однако, состоит в том, что их можно представить как сумму строго инкрементальных.

Пусть, например, речь идет о ситуации, в которой происходит прочтение книги, состоящей из трех глав, причем вторая глава прочитывается дважды. Пусть e_1 — это прочтение первой главы книги c_1 , e_{21} и e_{22} — два прочтения второй главы c_2 , а e_3 — прочтение третьей, последней главы c_3 . Отношение R между книгой и событием, таким образом, выглядит как множество из четырех пар: $\{ \langle e_1, c_1 \rangle, \langle e_{21}, c_2 \rangle, \langle e_{22}, c_2 \rangle, \langle e_3, c_3 \rangle \}$. Очевидно, $e = e_1 \oplus e_{21} \oplus e_{22} \oplus e_3$ — это прочтение всей книги b ($b = c_1 \oplus c_2 \oplus c_3$). Однако и собственная часть e , в частности $e_1 \oplus e_{21} \oplus e_3$, — это тоже прочтение всей книги b , а значит, R не обладает свойством уникальности событий. Отношение R лишено и свойства отображения в подобъекты: один и тот же объект c_2 соответствует и событию $e_{21} \oplus e_{22}$, и его собственным частям e_{21} и e_{22} . Можно заметить, тем не менее, что множество R — это объединение двух множеств $R_1 = \{ \langle e_1, c_1 \rangle, \langle e_{21}, c_2 \rangle, \langle e_3, c_3 \rangle \}$ и $R_2 = \{ \langle e_{22}, c_2 \rangle \}$, причем как R_1 , так и R_2 являются строго инкрементальными. Отношение, которое можно представить как объединение строго инкрементальных отношений, можно, вслед за Криффой, называть *общеинкрементальным*.

Различие между строго инкрементальными и общеинкрементальными отношениями имеет сравнительно мало последствий для лингвистического поведения глаголов и глагольных групп. Намного важнее граница между инкрементальными отношениями и теми,

которые не являются ни общеинкрементальными, ни строго инкрементальными. Среди последних – отношения, обозначаемые предикатами типа «смотреть на звезды», «гулять по лесу», «толкать тележку перед собой» и т.п.

Как показывает Крифка, если участник и ситуация находятся в инкрементальном отношении, свойства инкрементального аргумента, обозначающего этого участника, определяют свойства предиката, содержащего ситуацию в своем экстенсionale. Например, в (33)–(34) отношение между ситуацией «есть» и ее пациенсом инкрементально, а значит, кумулятивность / квантованность пациента задают свойства ситуации. Поскольку в (33a) пациент «яблоко» квантован (никакая часть яблока не является яблоком), квантованным (т.е. предельным) является и глагольный предикат «есть яблоко». Напротив, «суп» в (34b) кумулятивен (если x – это суп и y – это суп, то $x \cup y$ – это также суп), и это свойство переносится на предикат «есть суп», который оказывается кумулятивным, т.е. непредельным. Это же верно для кумулятивной инкрементальной темы «яблоки» в (34a)¹.

Если отношение между индивидом и событием, в котором тот участвует, не инкрементально, кумулятивность / квантованность именных предикатов не имеет никаких последствий для предельности / непредельности глагольных. Например, предикаты типа *push the cart* (толкать тележку), как и предикаты типа *push carts* (толкать тележки), непредельны независимо от кумулятивности и квантованности аргумента.

Таким образом, перед нами еще один эмпирический аргумент в пользу семантики событий: семантические свойства выражений, обозначающих индивиды, предсказуемым образом влияют на свойства выражений, обозначающих события. Если в нашей семантике события отсутствуют, это обобщение невозможно не только объяснить, но даже сформулировать.

4. События и время

Будет не совсем верно сказать, что семантика события вызвала полное и безоговорочное воодушевление среди семантистов, занимающихся исследованием естественного языка. Часть из них, на-

¹ См.: *Krifka M. Thematic Relations...*; *Krifka M. The Origins of Telicity*; *Татевосов С.Г. Акциональность в лексике и грамматике*. М. : Языки славянских культур, 2013.

пример Веркейл¹, настаивали на том, что взгляд на события как на особый род индивидов, придающий им статус теоретического примитива, методологически и эмпирически уязвим. События, говорят сторонники этого направления, не элементарны: они представляют собой совокупность изменяющихся во времени свойств обычных вещей. Событие, в котором Брут заколол Цезаря, полностью определяется свойствами Брута и Цезаря и временной динамикой этих свойств. Последний, например, в момент, который мы принимаем за начало описываемой ситуации, обладает свойством «быть живым», а в некоторый другой момент, о котором мы говорим как о завершении ситуации, — свойством «не быть живым».

Для семантического анализа естественного языка достаточно предикатов, обозначающих свойства и отношения между индивидами, если к ним прилагается какой-то механизм, позволяющий выразить идею, что одни и те же свойства и отношения у одних и тех же индивидов могут быть разными в разное время. Добиться этого можно разными способами — например, введя у предикатов эксплицитный временной аргумент, как в (37), или сделав интерпретирующую функцию чувствительной к временному параметру, как в (38):

(37) || заколоть || = $\lambda y.\lambda x.\lambda t.$ stab(y)(x)(t) = функция, которая применяется к индивидам y и x и временному интервалу t и возвращает значение «1», если и только если x заколол y в t ;

(38) || заколоть ||^t = $\lambda x.\lambda y.$ stab(y)(x) = функция, которая применяется к индивидам y и x и возвращает значение «1» тогда и только тогда, когда x заколол y в t .

Анализ времени необходим для семантической теории естественного языка по независимым причинам. Практически все известные языки умеют выражать грамматическими средствами информацию о временной локализации происходящего. Например, из предложения «Володя пришел в Смольный» любой носитель русского языка извлекает информацию, что приход Володи произошел до того момента, который мы рассматриваем как «здесь и сейчас». Если оказывается, что все сказанное выше о событиях можно эффективно перевести на язык временных интервалов, то,

¹ См.: Verkuyl H.J. A Theory of Aspectuality...; Verkuyl H.J. Aspectual Issues...

сообразуясь с принципом, известным как бритва Оккама, мы отсечем от наших построений события как избыточную сущность.

А. фон Штехов в поздних работах¹ пошел именно по этому пути (не вдаваясь, впрочем, в метафизические аспекты событийности): семантическая теория, предположил он, справится со своей эмпирической задачей и без обращения к событиям. Любому событию соответствует интервал во времени, и характеристики события можно пытаться реконструировать через характеристики того временного отрезка, в течение которого событие имеет место. Для «писать», например, вместо предиката над событиями в дэвидсоновском формате, повторяемом как (39), у нас будет предикат над временными интервалами в (40):

(39) || писать || = $\lambda y. \lambda x. \lambda e. \text{write}(y)(x)(e)$;

(40) || писать || = $\lambda y. \lambda x. \lambda t. \text{write}(y)(x)(t)$.

После насыщения именных аргументных позиций (40) превратится в предикат над временными интервалами. Например, (41) можно предложить в качестве семантического анализа глагольной группы «Володя писа- письмо»:

(41) || Володя писа(-ть) письмо || = $\lambda t. \text{write}(\text{letter})(\text{Volodja})(t)$.

Здесь (41) – множество временных интервалов, в течение которых Володя и письмо находились в отношении написания. Его событийный аналог в (42) – это множество событий, в которых Володя пишет письмо.

(42) || Володя писа(-ть) письмо || = $\lambda e. \text{write}(\text{letter})(\text{Volodja})(e)$.

Нетрудно убедиться, что если каждому событию в экстенционале событийного предиката в (42) сопоставить интервал, в течение которого событие реализуется во времени, мы получим в точности множество временных интервалов из экстенционала предиката в (41). Более того, оказывается, что отображение событий во временные интервалы сохраняет такие свойства, как кумулятивность и квантованность. Мы понимаем, например, что событийный предикат квантован, поскольку никакая собственная часть события, в котором Володя написал письмо, не является событием, в котором

¹ См.: Stechow A. von. Syntax and Semantics: An Overview. Ms. University of Tübingen, 2009; Stechow A. von. Tenses in Compositional Semantics. Ms. University of Tübingen, 2010.

Вася написал письмо. Точно так же если (41) обозначает интервалы, в течение которых Володя написал письмо, то неверно, что Володя написал письмо на любом из их собственных подынтервалов. Квантованность превращается в свойство антиподынтервала:

- (43) Предикат над временными интервалами обладает свойством антиподынтервала тогда и только тогда, когда если он принимает значение «1» на интервале t , он принимает значение «0» на любом собственном подынтервале t .

Примерно в таком же духе значительную часть наших рассуждений о том, как устроены события и обозначающие их языковые выражения, можно переформулировать в терминах временных интервалов. Есть случаи, когда теория, опирающаяся на временные сущности, имеет даже преимущества перед событийной теорией. Б. Тейлор¹, например, обсуждает, чем различаются языковые выражения, описывающие состояния и динамические ситуации. Состояния, такие, как (44a–b), и динамические ситуации (45a–b) для грамматики естественного языка неравнозначны. В английском языке вторые допускают форму прогрессива, а первые нет (ср. (46)–(47)).

- (44) Состояния
 а. John knows English.
 Джон знает английский язык.
 б. John is in New York.
 Джон находится в Нью-Йорке.
- (45) Динамические ситуации
 а. John walked in the park.
 Джон погулял в парке.
 б. John built a house.
 Джон построил дом.
 в. The train arrived.
 Поезд прибыл.
- (46) а. *John is knowing English.
 Джон знает английский язык.
 б. *John is being in New York.
 Джон находится в Нью-Йорке.

¹ Taylor B. Tense and Continuity // Linguistics and Philosophy. 1977. Vol. 1.

(47) a. John is walking in the park

Джон гуляет в парке.

b. John is building the house.

Джон строит дом.

c. The train is arriving.

Поезд прибывает.

Поиски семантической подоплеки грамматических противопоставлений такого рода продолжались длительное время, и в этой области были сформулированы две идеи. Первая состояла в том, что такие грамматические формы, как английский прогрессив, описывают ситуации как обладающие временной динамикой и темпорально неоднородные. Предикаты типа «гулять в парке», «строить дом» и «прибывать» в (45a–c) отвечают этому требованию прогрессива и поэтому совместимы с ним; (44a–b) описывают статичные положения дел, которые не меняются с течением времени и не допускают такой языковой подачи, которую наводит прогрессив.

Представители другой линии теоретизирования исходили из противоположного предположения: прогрессивы обладают стативизирующим эффектом, а (44a–b) плохи в комбинации с ними потому, что стативны с самого начала. Кто прав в этом споре, не так уж важно. Важно другое: и для того и для другого направления критически важно понимать, что в точности такое стативность и стативные глаголы.

Тейлор предложил простой и интуитивно убедительный критерий демаркации стативов и нестативов. Глаголы, описывающие состояния, обладают свойством *истинности в точке*. Чтобы оценить истинность высказываний в (44a–b), достаточно момента времени: применительно к любому моменту либо верно, что Володя знает английский язык / находится в Нью-Йорке, либо нет.

Предикаты в (45a–c) устроены иначе. Рассмотрим *walk* («ходить, гулять»). Если взять мгновенный временной срез движения, например вырезать кадр из киноплёнки, на которой заснята прогулка, собственно движения мы не увидим — все предметы будут покоиться (именно это наблюдение лежит в основе известного парадокса «Стрела Зенона»). Чтобы оценить, происходит ли какое-либо движение, требуется по меньшей мере сравнить положение вещей в два разных момента. В общем случае понять, истинны ли (45a–c), невозможно, если рассмотреть единственную точку на

временной оси; об истинности предложений такого рода осмысленно говорить применительно к (ненулевым) *временным интервалам*. Именно таким способом Тейлору удается придать достаточно строгий смысл идее изменения, на которую опирается разграничение состояний и динамических ситуаций: чтобы увидеть временную динамику, необходим интервал; глядя на отдельные моменты, мы можем лишь узнать, имеет ли место то или иное состояние.

В контексте нашего обсуждения важно то, что критерий Тейлора опирается не на внутреннюю структуру означаемого глагольного предиката, а на *интервальные свойства* предложений, построенных на его основе. Идея об истинности в точке лежит принципиально в иной плоскости, чем соображения о том, как соотносятся элементы экстенционала предиката, на которые опираются такие характеристики, как кумулятивность и квантованность, с помощью которых мы разводим событийные предикаты по разным классам.

Говоря о временном интервале, мы представляем его себе как совокупность моментов времени. И естественный язык нас в этом поддерживает: выражения, обслуживающие его временную сферу, позволяют говорить и о моментах, и об интервалах (ср., например: «в этот момент» и «в этот период»). Однако складывается впечатление, что сконструировать событие аналогичным образом невозможно. Если целое событие, такое, как «построить дом», естественно соотносится с интервалом, в течение которого оно имеет место, то какой элемент события мы ставим в соответствие отдельному моменту времени? Есть ли что-то такое, из чего событие строительство дома складывается так же, как интервал, в течение которого оно осуществляется, складывается из отдельных моментов? Ответ на этот вопрос далеко не очевиден. А если это так, критерий истинности в точке трудно, если не невозможно, адекватно изложить на языке семантики событий. Мы оказываемся в ситуации, когда темпоральная семантика получает эмпирическое преимущество.

5. Назад к событиям: роли, причинность и каузация

Является ли частная проблема, с которой сталкивается семантика событий, знаком глобальной неудачи? По всей видимости, нет до тех пор, пока мы можем быть уверены, что существуют языковые явления, для понимания которых темпоральная семантика непригодна. Непригодность может иметь разные проявления, мы рассмотрим два из них.

Перейдя от событийной семантики к темпоральной, мы должны совершенно по-другому представлять себе семантические роли. Роли агенса, пациенса и другие мы до сих пор понимали как отношения между индивидами и событиями. Если мы говорим об индивиде, что он агент, то он агент в конкретном событии, причем всякое событие, благодаря свойству уникальности событий, имеет не более одного агенса. Можем ли мы попросту заменить событийную переменную в (48) на временную в (49) без потери семантического содержания?

(48) $\lambda x \lambda e. \text{agent}(x)(e)$;

(49) $\lambda x \lambda t. \text{agent}(x)(t)$.

По всей видимости, нет; (49) должно выражать отношение между индивидами x и временными интервалами t такое, что x представляет собой агенса на интервале t . Но что значит, что некоторый индивид — это агент на интервале t ? Придать этому понятию осмысленную интерпретацию не очень просто. Наверное, мы можем сказать, что быть агентом на интервале t значит обладать агентивными свойствами в каждой точке этого интервала. Однако агентивные свойства, как мы их знаем и как они сформулированы в (18), неизменно характеризуют роль индивида в событии. Агент — это тот, кто способен по собственной воле прекратить происходящее. И мы не можем просто заменить это «происходящее» на соответствующий ему временной интервал: утверждение «агент — это индивид, способный по собственной воле прекратить временной интервал» является бессмыслицей.

Как мы только что отметили, у каждого события есть уникальный участник с определенной ролью. Однако это же нельзя сказать о временных интервалах. Интервал может в общем случае соответствовать более чем одному событию — хотя бы потому, что некоторые события в мире происходят одновременно. Следовательно, для каждого интервала в общем случае возможно более одного агенса, более одного пациенса и т.д. Конструирование семантических ролей в терминах интервалов тем самым будет принципиально отличаться от того, которое обсуждалось в терминах событий (см.: п. 3). Мы будем иметь интервалы с тремя агенсами, понимая, что это агенты трех разных событий, осуществившихся на протяжении интервала. Но поскольку событий в теории больше нет, эта простая интуиция станет невыразимой. Временные проекции событий содержат значитель-

ную информацию о самих событиях, однако идентификация событий и их участников через временные проекции проблематична.

В этот момент, как кажется, становится совершенно ясно, что далеко не все, что мы можем сформулировать на языке семантики событий, без затруднений переводимо на язык темпоральной семантики. Ниже мы обсудим другое явление, показывающее (более чем убедительно, на наш взгляд) еще одну область, где темпоральная семантика не выдерживает эмпирического давления, а событийная семантика приобретает серьезные преимущества.

Явление называется каузативизация. *Каузативизация* — это представленная в грамматиках многих языков возможность перейти от описания одного события (обозначим его как *e*) к описанию другого, а именно: такого события *e'*, благодаря которому произошло *e*. Вот пример этого явления в японском языке:

(50) Taroo-ga Hanako-ni pizza-o tabe-sase-ta.
 T.-NOM X.-DAT пицца-ACC есть-CAUS-PAST
 Таро сделал так, чтобы Ханako съела пиццу.

В предложении (50) представлен глагол *tabe* («есть») и его аргументы — *та*, кто ест (Ханako), и то, что поедается (пицца). Однако предложение в целом описывает не только событие, в котором Ханako съела пиццу. Оно сообщает, что поедание было вызвано некоторым другим событием («сделать так, чтобы»), участником которого выступает Таро. Эта информация присутствует в предложении благодаря морфеме *-sase-*, расположенной в глаголе непосредственно за корнем. Без этой морфемы мы имели бы обычное переходное предложение «Ханako съела пиццу».

В русском языке нет каузативизации, похожей на ту, которую мы видим в (50): он не располагает специальной морфемой, которая превращает глаголы типа «есть» в глаголы типа «делать так, чтобы (съ)ел». (Похожие семантические отношения выражаются в русском языке описательными конструкциями типа «заставить съесть», «понудить съесть» и т.п. Сюда же относятся лексические пары глаголов типа открыть — открыться, нагреть — нагреться и т.д.) Тем не менее каузативизация, в большей или меньшей степени напоминающая (50), засвидетельствована в сотнях генетически и ареально независимых языков. Естественные языки охотно выражают грамматическими средствами каузальные связи между явлениями.

Каково в точности семантическое содержание каузативизации и как это явление располагается в системе аргументов за или против се-

мантики события? Мы можем выстроить следующую цепочку рассуждений. Каузативизация выражает каузальное отношение. Каузальное отношение можно задать на событиях, но нельзя определить на временных интервалах. Следовательно, перед нами явление, при анализе которого семантику события нельзя заменить темпоральной семантикой. А это значит, что редукционистские аргументы, приведенные в п. 4, становятся неубедительными. Мы по-прежнему нуждаемся в семантике события не только по концептуальным, но и по эмпирическим соображениям.

Выстроим это рассуждение более подробно. В философской литературе существует несколько теорий каузации¹. В лингвистической семантике преобладает так называемая контрфактическая теория, сформулированная, в частности, К. Льюисом² и приспособленная к анализу семантики естественных языков Д. Даути³.

Льюис предположил, что для описания и объяснения естественно-языковых каузальных отношений ключевым является понятие каузальной зависимости. В последующей литературе каузальная зависимость определяется как отношение либо между событиями, либо между пропозициями, однако общая идея всегда одна и та же. Предположим для конкретности, что речь идет о пропозициях. Пропозиция ϕ каузально зависима от пропозиции ψ тогда и только тогда, когда обе пропозиции истинны в актуальном мире, и событие e , описываемое пропозицией ϕ , не имело бы места, если бы не имело места событие e' , описываемое пропозицией ψ . В нашем случае это означает, что Ханак не съела бы пиццу, если бы Таро не сделал того, что он сделал.

Выражение «не имело бы места» следует понимать следующим образом: возможные миры, в которых не осуществились оба события e и e' , больше похожи на актуальный, ближе к нему, чем миры, в которых событие e' , описываемое ψ , осуществилось, а ситуация e , описываемая с помощью ϕ , нет⁴.

¹ См., например, обзор в: *Kistler M. Causation in Contemporary Analytical Philosophy // Quaestio. 2002. Vol. 2.*

² См.: *Lewis D. Causation // Journal of Philosophy. 1973. Vol. 70.*

³ См.: *Dowty D.R. Word Meaning and Montague Grammar. The Semantics of Verbs and Times in Generative Semantics and in Montague's PTQ. Dordrecht : Reidel, 1979. P. 104–105.*

⁴ Чтобы перейти от этого определения каузальной зависимости к определению непосредственно каузации, требуется сделать еще несколько технических шагов. Поскольку это не слишком существенно для нашего сюжета, мы отсылаем читате-

Критически важно, что каузальное отношение, основанное на понятии каузальной зависимости, можно определить на пропозициях, как это делают Льюис и Даути, можно на событиях, как, например, у Кратцер или Дж. Рэмченд¹, но никак не возможно на временных интервалах. Насколько осмысленно говорить о том, что один временной интервал каузально зависим от другого? По всей видимости, нинасколько, если только мы не хотим выразить банальную мысль о линейности времени. Если интервал t следует за интервалом t' , то, очевидно, если бы перед началом t' наступил конец времен и t' не имел бы места, не было бы и t . Однако это верно для любых двух интервалов, связанных отношением временного следования, и такое понимание каузальной зависимости ничего не дает для анализа каузальности в естественном языке. Каузальные отношения между явлениями мироздания не сводимы к временно-предшествованию, и мы явно не хотим сказать, что в (50) поедание пиццы каузально зависит от любого предшествующего действия Таро.

Но если это так и отношения каузальности невозможно реконструировать во временных терминах, мы понимаем, что темпоральная семантика в чистом виде — неподходящий инструмент для анализа предложений типа (50). У нас появляется новый веский довод, чтобы говорить о событиях либо прямо, либо по меньшей мере опосредованно — в терминах описывающих их пропозиций. В этой аргументации недостает единственного шага: подтверждения того, что предложения типа (50) действительно выражают отношение между двумя различными событиями. (Назовем событие, которое в (50) обозначает исходный глагол «есть», каузируемым событием, а событие «сделать так, чтобы» — каузирующим.) Показать это — значит исключить возможность, представленную в (51)–(52) (в неодавидсоновском формате):

(51) $\parallel \text{Hanako pizza eat} \parallel = \lambda e.\text{eat}(e) \wedge \text{agent}(\text{Hanako})(e) \wedge$
 $\text{theme}(\text{pizza})(e);$

ля к упомянутому выше Даути и последующей литературе.

¹ См.: *Kratzer A. Building Resultatives // Events in Syntax, Semantics, and Discourse*; *C. Maienbaum, A. Wollstein-Leisen (eds.)*. Tübingen : Niemeyer, 2005; *Ramchand G. Verb Meaning and the Lexicon: A First Phase Syntax*. Cambridge : Cambridge University Press, 2008.

(52) || Taroo [Hanako pizza eat]-CAUSE || = $\lambda e.eat(e) \wedge$
 agent(Hanako)(e) \wedge theme(pizza)(e) \wedge causer(Taroo)(e).

Здесь (51) – семантическое представление исходного глагола «есть» после насыщения всех позиций для индивидуальных аргументов. Это предикат, обозначающий события, в которых Ханako поедает пиццу; (52) – семантическое представление того, что получается после каузативизации, обозначающее события, в которых Ханako поедает пиццу и Таро выступает каузаторм. При таком анализе вклад каузативизации – это новый участник тех же самых событий. Тем самым (51) и (52) соотносятся как множество и подмножество, а каузального отношения в (52) вовсе нет, поскольку нет различных событий, которые могли бы в него вступить. А без каузального отношения, выраженного эксплицитно, мы не имеем оснований утверждать, что темпоральная семантика проигрывает событийной в анализе случаев типа (50).

То, что показано в (51)–(52), – распространенный взгляд на каузативизацию¹. Он, однако, не может быть верен по целому ряду причин². Анализ в терминах каузального отношений между событиями критически необходим для объяснения целого ряда важных фактов³. Не имея возможности изложить здесь все аргументы, ограничимся одним, который связан с интерпретацией обстоятельств:

(53) Taroo-wa Hanako-ni san-kai yonakani oki-sase-ta.
 T.-TOP X.-DAT 3-раз ночью просыпать-
 ся-CAUS-PAST.

1. Таро сделал так, что Ханako проснулась ночью три раза.
2. Таро три раза сделал так, что Ханako проснулась ночью⁴.

Предложение (53) неоднозначно. При первой интерпретации оно сообщает нам, что тоекратно имела место каузируемая ситуация. Каузирующая ситуация, возможно, осуществилась однократно. Предложение истинно, например, при следующем сценарии: Таро включил будильник, который был запрограммирован прозвонить в два, три и четыре часа ночи. При звонке будильника Ханako каждый раз просыпалась. Вторая интерпретация выглядит иначе.

¹ См., например: *Falk Y. Causativization // Journal of Linguistics*. 1991. Vol. 27, № 1.

² Обсуждение этих причин см. в: *Pylkkänen L. Introducing Arguments : PhD dissertation*. Cambridge : MIT, 2002; Lyutikova, Tatevosov, to appear.

³ См.: *Ibid.*

⁴ *Shibatani M. The Languages of Japan*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

В этом случае сообщается, что каузирующая ситуация имела место трижды; такое возможно, например, если Таро три раза за ночь шумел под дверь спальни Ханako. Поскольку каждый акт каузации успешно завершался, трижды имела место не только каузирующая, но и каузируемая ситуация – Ханako трижды просыпалась.

Как такое возможно? С анализом типа (52) никак. Предположим для простоты, что обстоятельство «три раза» анализируется, как и обстоятельства из п. 1, в качестве предиката над событиями:

(54) $\lambda y.three.times(e)$.

Соединяя (54) с глагольной группой из (53) конъюнкцией, получаем:

(55) $\parallel Taroo Hanako three times wake.up-CAUSE \parallel = \lambda e.wake.up(e) \wedge agent(Hanako)(e) \wedge causer(Taroo)(e) \wedge three.times(e)$.

Здесь (55) обозначает события, в которых Ханako просыпается, Таро выступает каузаторм, и все это происходит три раза. Это похоже на вторую интерпретацию (53.2). Однако первую интерпретацию получить невозможно: (53.1) сообщает нам, что каузируемая, но не каузирующая ситуация осуществилась трижды. Однако с точки зрения анализа в (55) это одно и то же событие, поэтому выразить троекратное пробуждение отдельно от троекратной побудки невозможно. Анализ в (55) терпит неудачу.

В этом состоит один из решающих аргументов в пользу альтернативного анализа. Каузативизация состоит не в том, что в структуре предиката появляется новый участник с ролью каузатора, а в том, что добавляется новое событие, после чего образуется сложная событийная структура, состоящая из двух компонентов:

(56) $\parallel Taroo Hanako three times wake.up-CAUSE \parallel = \lambda e.\exists e'[wake.up(e') \wedge agent(Hanako)(e') \wedge cause(e')(e) \wedge causer(Taroo)(e)]$.

Выражение (56) обозначает каузирующие события e , которые вызывают к жизни событие e' , в которых Ханako просыпается. Каузаторм в e выступает Таро. С двухэлементной событийной структурой мы можем объяснить две интерпретации предложения в (53) без каких-либо затруднений и дополнительных допущений. Если обстоятельство в (54) привязывается к каузируемому событию, возникает (53.1), если же к каузирующему – интерпретация (53.2):

(57) $\parallel \text{Taroo Hanako three times wake.up-CAUSE} \parallel =$
 $\lambda e.\exists e'[\text{wake.up}(e') \wedge \text{agent}(\text{Hanako})(e') \wedge \text{three.times}(e') \wedge$
 $\text{cause}(e')(e) \wedge \text{causer}(\text{Taroo})(e)].$

(58) $\parallel \text{Taroo Hanako three times wake.up-CAUSE} \parallel =$
 $\lambda e.\exists e'[\text{wake.up}(e') \wedge \text{agent}(\text{Hanako})(e') \wedge \text{cause}(e')(e) \wedge$
 $\text{causer}(\text{Taroo})(e) \wedge \text{three.times}(e)].$

Таким образом, материал наречной модификации указывает на то, что в структуре каузативов имеется по меньшей мере два элемента – каузирующий и каузируемый. Наличие этих двух элементов делает необходимой эксплицитную репрезентацию каузального отношения между ними. Эксплицитная репрезентация каузального отношения возможна в терминах событий, как это сделано в (57)–(58), но невозможна в терминах временных интервалов. События оказываются существенно необходимы для анализа естественно-языковой каузальности.

6. Заключение

Мы прошли по следующему маршруту. Отправной точкой послужили наблюдения Дэвидсона о том, что естественный язык использует референцию к событиям. Вместе с Дэвидсоном мы увидели, что полное осознание этого факта позволяет нам получить существенный выигрыш в семантическом анализе таких явлений, как отношения следования между предложениями, содержащими обстоятельственные модификаторы. Мы двинулись дальше и от дэвидсоновской семантики события перешли к неодавидсоновской, отличительная особенность которой – эксплицитное использование семантических ролей, двухместных отношений между индивидами и событиями. С внедрением ролей в семантическую теорию стало возможным выделение и описание естественных классов глаголов с точки зрения их аргументной структуры. Далее мы увидели сразу несколько проявлений ожидаемого параллелизма структуры именных и глагольных выражений и пришли к выводу, что и те и другие можно осмысленно охарактеризовать в терминах мерологических понятий кумулятивности и квантованности. Более того, мы увидели, что семантическая структура предикатов над индивидами и событиями не просто подчиняется общим ограничениям: кумулятивность/квантованность одного влечет за собой в предсказуемом классе случаев кумулятивность/квантованность другого.

Дойдя до этой точки, мы остановились и осмотрелись, пытаюсь понять, не слишком ли далеко мы зашли и в какой степени нами по-прежнему руководит эмпирическая необходимость. Мы отметили, что некоторые результаты семантики событий воспроизводимы на языке темпоральной семантики без потери содержания, а где-то темпоральная семантика даже получает преимущество. Однако немедленно выясняется, что изгнать события из теории невозможно. Вместе с событиями мы с высокой вероятностью утрачиваем семантические роли и, что намного важнее, теряем возможность адекватного анализа каузации в языке. Сохраняя события, мы избавляем себя от мучительных поисков сложных ответов на простые вопросы.

В завершение хотелось бы подчеркнуть тот аспект проблемы, который вынесен в заголовок настоящей статьи. События – не прихоть теоретизирующего, а ответ на эмпирическую потребность. Совершившись поначалу за пределами лингвистической семантики, сдвиг теоретической перспективы очень быстро показал любому практикующему семантисту и то, насколько подвижна граница между лингвистикой и философией, и то, как плодотворны могут быть обе дисциплины, когда они работают вместе.

Е.В. Вострикова

Против теории номинального ограничения естественно-языковых кванторов¹

Статья посвящена проблеме ограничения области действия естественно-языковых кванторов (выражений типа «каждый мальчик», «большинство девочек» и т.д.). Когда такие выражения употребляются в языке, речь практически никогда не идет обо всех мальчиках в мире или о большинстве из всех вообще девочек. Подразумеваются скорее индивиды из определенной релевантной группы. В статье исследуются основные подходы к проблеме ограничения области действия естественно-языковых кванторов. На основании данных русского языка формулируется аргумент против теорий так называемого номинального ограничения. Исследуется ряд следствий этого аргумента.

Проблема ограничения области действия квантора и теория номинального ограничения

В статье обсуждается проблема ограничения области действия естественно-языковых кванторов. Примером естественно-языкового квантора может быть слово «каждый»:

(1) Каждый студент сдал экзамен на «отлично».

(2) $\forall x$ (студент (x) \rightarrow сдал экзамен на «отлично»(x)).

Переведем предложение (1) на язык первопорядковой логики предикатов, используя квантор всеобщности (2).

В теории обобщенных кванторов, сформулированной в работах Мостовски, Монтегю, Барвайза и Купера, Вестершала, значение кванторов представлено как отношение между классами. Существительное, с которым сочетается слово «каждый», обозначает класс, который называется ограничителем области действия квантора, а сказуемое обозначает класс, который называется областью действия квантора.

Несложно заметить, что в естественном языке недостаточно ограничить область действия квантора «каждый» только классом сту-

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 11-33-00130a2) и РФФИ (проект № 12-06-00386a).

дентов, как в (1). Если бы область действия квантора всеобщности была ограничена только студентами, то предложение (1) могло бы утверждать, что все студенты всего мира сдали экзамен на «отлично». Однако я вполне могу использовать (1) для того, чтобы сообщить лишь о некоторой группе студентов моего класса или моего университета. Каким образом можно объяснить этот факт в рамках проекта формальной семантики?

Один из предложенных в литературе ответов на данный вопрос состоит в том, что следует обратиться к прагматике, чтобы дать адекватное объяснение этому феномену. Такой ответ предлагается сторонниками минимализма в семантике. Кент Бах, например, полагает, что (1) действительно означает, что все студенты всего мира сдали экзамен на «отлично». Согласно минимализму, семантически предложение сообщает только то, что в буквальном смысле сообщают произносимые слова, из которых оно состоит. Таким образом, произнося (1), мы произносим предложение, которое в буквальном смысле является ложным. Слушатель пытается понять, что говорящий имел в виду, произнося очевидно ложное предложение, он пытается интерпретировать (1), руководствуясь тем, что кооперативный собеседник руководствовался максимальной информативности и хотел сообщить что-то интересное и содержательное.

Однако это объяснение не является, на мой взгляд, достаточно хорошим. Слишком много предложений, которые мы произносим, являются ложными с этой точки зрения. Одно из преимуществ формальной семантики состоит в том, что она позволяет объяснить, как мы можем понимать значение новых предложений, зная значение составляющих их выражений и способ их сочетания друг с другом. Однако в данном случае роль семантики остается минимальной. Мы должны задействовать более общие принципы рациональности каждый раз, когда произносим предложение, содержащее квантор.

Согласно другой концепции, произнося предложение (1), мы имплицитно интерпретируем его как относящееся к определенной группе людей или конкретной ситуации. Мы как бы сужаем наш универсум сущностей до определенного класса. Однако иногда в одном и том же предложении мы хотим говорить о более широком универсуме и менее широком. Рассмотрим пример (3). Если сузить универсум до шведских теннисистов, то каким образом интерпре-

тировать остаток предложения, где речь идет об иностранных теннисистах?

- (3) Швеция забавное место. Каждый теннисист хочет быть как Моника Селеш, но все ненавидят иностранных теннисистов.

Теория, рассмотренная в настоящей статье, лишена недостатков как первого, так и второго подхода. Согласно этой теории, в логической форме предложения содержатся элементы, которые отсутствуют в произносимой (фонологической) форме предложения. То есть в предложении содержится больше элементов, чем произносится. Эти произносимые элементы — переменные, которые приобретают свое значение из контекста предложения, именно они ограничивают область действия кванторов. Однако мы не должны постулировать невидимые переменные только потому, что того требует наша теория. Если эта теория является истинной, то должен существовать способ выявить эти переменные. Мы знаем, что переменные могут получать свое значение из контекста предложения. Но мы также знаем, что переменные могут быть связанными соответствующими кванторами. Действительно, естественно-языковые кванторы могут быть зависимы от других кванторов и получать связанное прочтение, как показывает пример (4):

- (4) В большинстве стран, которые я посетил, каждый теннисист старается быть как Моника Селеш¹.

Предложение (4) не просто означает, что «каждый теннисист пытается быть как Моника Селеш». «Каждый теннисист» выбирает различные классы людей, в зависимости от страны («каждый теннисист в этой стране»). Здесь мы обнаруживаем пример так называемого связанного прочтения квантифицированной DP².

По мнению Кая фон Финтеля³, мы можем объяснить это прочтение, если предположим, что каждый определитель сопровождается индексом семантического типа $\langle e, t \rangle (f_n(v_m))$ — такого же типа, как и тип сущностей, обозначаемых существительными, т.е. одноместный предикат. У этой переменной (я, следуя за фон Финтелем,

¹ *Fintel K. von. The Semantics and Pragmatics of Quantifier Domains. Vilem Mathesius Lectures. Prague, 1998.*

² «Determiner phrase» — фраза определителя.

³ *Fintel K. von. Restriction of Quantifier Domains : PhD dissertation. Amherst : University of Massachusetts, 1994.*

буду называть ее «ресурсной переменной») есть позиция аргумента, занятая переменной типа e (v_m):

$$(5) [[\text{Каждый}_{f(v)}]]^g (A)(B) = 1 \text{ iff } A \cap g(f(v)) \subseteq B.$$

Переменная, занимающая позицию аргумента v в $f(v)$, может быть связана вышестоящим оператором. В случае с предложением (4) значение « $f(v)$ » приблизительно «в v », а его аргумент (v) связан квантором «в большинстве стран». В целом это дает нам прочтение, близкое к «в большинстве стран, которые я посещаю, каждый теннисист в этой стране...».

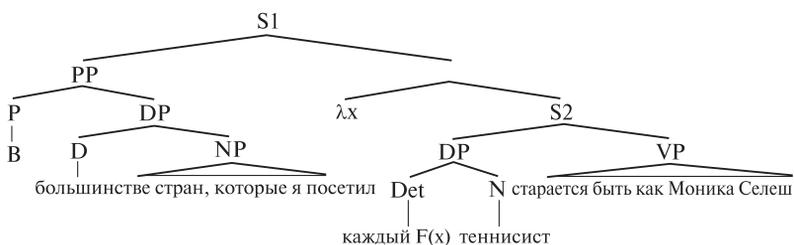

Рис. 1

Эта структура (рис. 1) оспаривалась в работах философов Дж. Стенли и З. Сцабо¹, предложивших концепцию номинального (от nominal – связанный с именем, именной) ограничения, согласно которой скрытая переменная-ограничитель прикрепляется к существительному, а не к самому определителю.

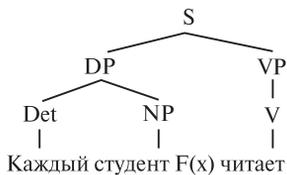

Рис. 2.

В данной статье я подвергну критике концепцию номинального ограничения. На основе данных из русского языка я покажу, что структура, изначально предложенная К. фон Финтелем (рис. 2), является правильной и дополнительный ограничитель

¹ См.: Stanley J., Szaby Z. On Quantifier Domain Restriction // Mind & Language. 2000. Vol. 15, № 2–3. P. 219–261; Stanley J. Language in Context: Selected Essays. Oxford University Press, 2007.

области действия квантора должен прикрепляться к определителю, а не к существительному. Также я проанализирую аргументы, предложенные Стенли и Сцабо, и покажу, каким образом мог бы на них ответить сторонник концепции фон Финтеля.

Связанное прочтение определенных дескрипций

Данные английского языка. Один из аргументов против концепции номинального ограничения был предложен в работах П. Элбурна¹.

Рассмотрим следующие предложения:

(6) John fed [no cat of Mary's]₁ before he bathed it₁.

Джон не покормил ни одной Машиной кошки, пока он не искупал ее

(7) John fed [no cat of Mary's]₁ before he bathed [the/that cat of Mary's]₁.

Джон не покормил ни одной Машиной кошки, пока он не искупал Машину кошку

(8) # John fed [no cat of Mary's]₁ before he bathed [Mary's cat]₁.

Джон не покормил ни одной Машиной кошки, пока он не искупал Машину кошку.

Элбурн показывает, что связанное прочтение определенной дескрипции возможно в (7), но невозможно в (8). Несложно объяснить, каким образом связывание возможно в (6). Мы интерпретируем «ее» как переменную, таким образом, она может быть связана в (6). В случае с определенной дескрипцией мы предполагаем, что определитель «the» сопровождается индексом типа одноместного предиката $\langle e, t \rangle$, и интерпретируем его аргумент как x_1 в (7'):

(6') [no cat of Mary's] [λx_1 [John fed x_1 before he bathed x_1]];

(7') [no cat of Mary's] [λx_1 [John fed x_1 before he bathed [[the]_{Fx1} cat of Mary's]]

Контраст между предложениями (6) и (7) сложно объяснить, опираясь только на семантику притяжательной конструкции, по-

¹ См.: *Elbourne P. Implicit Content and the Argument from Binding // Proceedings of Semantics and Linguistic Theory XVIII* ; ed. by T. Friedman and Satoshi Ito. Ithaca : Cornell University, 2008. P. 284–301.

скольку кажется, что семантика “Mary’s cat” (преноминальная конструкция, т.е. притяжательная фраза стоит до имени существительного) и “the cat of Mary’s” (постноминальная конструкция, т.е. притяжательная фраза стоит после имени существительного) в точности одинаковы. Эта конструкция представляет собой определенную дескрипцию, обладающую структурой “The x [Cat(x)&R(y , x)]”¹, где переменная для отношений R получает значение в контексте. Например, в нашем случае значением R могло бы быть что-то вроде «принадлежащая...», но в случае с «книгой Ладова» ее значением могло бы быть «написанная...». Индивидуальная переменная «у» может быть связанной («Каждая мать₁ любит своего₁ сына»), или приписывающая функция может приписать ей значение в контексте произнесения предложения.

Элбурн² предложил теорию, согласно которой контраст между (5) и (6) можно объяснить тем, что определитель «the» присутствует в одном случае и отсутствует в другом и именно определитель отвечает за связывание определенных дескрипций. В случае с “Mary’s cat” “Mary’s” занимает позицию определителя, и поскольку определитель отсутствует, связывание невозможно. В структуре “Mary’s cat” отсутствуют переменные, доступные для связывания, поэтому данная дескрипция может указывать только на одну конкретную кошку.

Данные русского языка. В русском языке отсутствуют артикли. Исследователи расходятся в мнении о том, каков статус таких слов, как «каждый», «этот», «все». Согласно теории Бошковича, эти выражения имеют статус прилагательных в некоторых языках, в том числе русском. Рассмотрим русские варианты предложений (6) и (7):

(9) * Ваня не покормил [ни одной Машинной кошки]₁, [Машину кошку]₁ не помыв.

(10) * Ваня не написал рецензии [ни на одну книгу Ладова]₁, [книгу Ладова]₁ не прочитав.

¹ См.: Partee B. Bound Variables and Other Anaphors // Theoretical Issues in Natural Language Processing. 2 (TINLAP-2) ; ed. by D.L. Waltz. Urbana, IL: University of Illinois. 1978. P. 79–85. Reprinted in: Partee B.H. Compositionality in Formal Semantics: Selected Papers by Barbara H. Partee. Oxford : Blackwell, 2004. P. 110–121.

² См.: Elbourne P. Op. cit.

Оба предложения являются грамматически некорректными в русском языке. Можно также отметить, что тип притяжательной конструкции не влияет на прочтения, которые эти предложения имеют: (9) является преноминальной конструкцией, (10) постноминальной.

Существует ли способ улучшить эти предложения? Да. Можно добавить определитель «этот» к фразе с притяжательной конструкцией. В отличие от английского русские преноминальные притяжательные конструкции могут сочетаться с определителями (в английском невозможна конструкция **“this Mary’s cat”*):

(11) Ваня не покормил [ни одной Машиной кошки]₁, [эту Машину кошку]₁ не помыв.

(12) Ваня не написал рецензии [ни на одну книгу Ладова]₁, [эту книгу Ладова]₁ не прочитав.

Предложения (11) и (12) хотя и являются несколько странными, но не являются грамматически некорректными. В обоих случаях прочтение, согласно которому определенная дескрипция с определителем «этот» не указывает на одну конкретную вещь, имеет связанное прочтение. В случае (11) Ваня имел дело с несколькими Машинными кошками, каждую из которых он сначала мыл, а потом кормил; (12) сообщает о том, что Ваня всегда читает книгу Ладова (т.е. речь не идет о какой-то одной книге), прежде чем написать на нее рецензию.

Тот факт, что связывание приходит и уходит с определителем, является очень интересным и потенциально имеет важные последствия для нашей теории. Однако прежде чем мы можем решить, является ли это новым интересным аргументом в пользу теории фон Финтеля, нам предстоит ответить на два отдельных вопроса: почему присутствие выражения «этот» позволяет получить связанное прочтение и почему связывание невозможно без него.

Хорошо известно, что семантика выражений «этот» и «тот» должна включать некоторого рода индексный элемент. Мы также знаем, что сложные демонстративы (типа «тот мальчик», «та красивая занавеска»), в английском содержащие слово *“that”*, могут с легкостью получать связанное прочтение. Если в действительности семантика индексных выражений включает такой индексный элемент, который может быть связан, то мы не можем сказать, в действительности ли присутствие «этот» позволяет по-

лучить связанное прочтение, потому что это определитель, который содержит переменную для ограничения области действия квантора, или потому что семантика индексных выражений включает элемент, который может быть связан. В литературе нет согласия в вопросе о том, какова семантика выражений «этот» и «тот», но по всей видимости если допущение о том, что их семантика включает переменную типа $\langle e, t \rangle$, позволяет вывести большинство доступных прочтений для сложных демонстративов в английском и русском языках (указательное, анафорическое, связанное):

$$(13) \text{[[that } C(x)\text{]]}^{\text{g}}(\text{[[cat]])} = \lambda P. \lambda x [\text{g}(C)(x) \& P(x)] (\lambda y. \text{cat}(y)) = \\ \lambda x [\text{g}(C)(x) \& [\lambda y. \text{cat}(y)](x)] = \lambda x [\text{g}(C)(x) \& \text{cat}(x)].$$

В зависимости от контекста переменная C может получать следующие прочтения:

1) для указательного прочтения: $[[C(x)]]^{\lambda x. x = a/C} = \lambda x. x = a$, где a — это та вещь, на которую мы указываем;

2) для анафорического, но не связанного прочтения (как в предложении «Ваня выберет число. Это число может быть нечетным»¹) $[[C(x)]]^{\text{выбранное Ваней } (x)/C} = \lambda x. \text{выбранное Ваней } (x)$;

3) для случаев связанного прочтения, как в примерах (11) и (12): $[[C(x)]]^{\lambda x. R(x,y)/C} = \lambda x. R(x,y)$ (любое релевантное отношение R of type $\langle e, \langle e, t \rangle \rangle$).

Таким образом, если индексный элемент типа $\langle e, t \rangle$ является частью семантики «этот», то этот факт может объяснять, почему связанное прочтение доступно в примерах (11) и (12). Однако контраст между (9)–(11) и (10)–(12) все равно может быть аргументом против теории номинального ограничения. Если бы ресурсная переменная прикреплялась к существительному, возможность связанного прочтения в (9) и (10) не зависела бы от присутствия определителя «этот».

Второй вопрос состоит в том, почему определенные выражения в притяжательной конструкции не получают связанного прочтения в (9) и (10). На этот интересный вопрос сложно дать определенный ответ, потому что мы не знаем, существуют ли какие-нибудь определители в русском. Хотя невозможно сказать, действительно ли «этот» делает связанное прочтение допустимым, потому что это оп-

¹ Пример построен на основе примера из: *King J. Complex Demonstratives*. Cambridge, MA : MIT Press, 2001.

ределитель, мы видим, что без этого выражения связывание невозможно в принципе.

Перед нами несколько путей. Один из них состоит в том, чтобы взять решение, предложенное Элбурном для английского, и применить его здесь: связывание невозможно, потому что притяжательные конструкции (преноминальные и постноминальные) исключают присутствие определителя, позиция определителя может быть занята выражениями «Ладова» или «Машина». Эту позицию сложнее обосновать для русского языка, потому что мы видели, что в русском существует позиция для определителя даже в преноминальной притяжательной конструкции (см. (11)). Однако можно сказать, что данные выражения занимают эту позицию, когда она свободна.

Есть и другой путь. Обратим внимание на тот факт, что связывание определенных фраз в русском даже без присутствия притяжательной конструкции в значительной мере более ограничено, чем в английском. Мы можем увидеть это на примерах (14) и (15):

(14) Редактор уже отослала [каждую статью]₁ [автору статьи]₁.

(15) Маша не поговорила [ни с одним политиком]₁, пока [политик]₁ не вступил в Единую Россию.

В (14) и (15) кажется, что определенная дескрипция в русском просто указывает на конкретный объект, но связанное прочтение возможно, если мы добавим к дескрипции «этот».

(14') Редактор уже отослала [каждую статью]₁ [автору этой статьи]₁.

(15') Маша не поговорила [ни с одним политиком]₁, пока [этот политик]₁ не вступил в Единую Россию.

Предполагает ли этот контраст между русским и английским, что в русском языке отсутствуют артикли (даже в логической форме предложения) и отсутствует ресурсная переменная, поскольку ей некуда прикрепиться?

Большинство аргументов в пользу существования определителей в русском основываются на особом статусе определенных выражений, таких, как, например, «этот». Но даже если мы можем доказать, что некоторые выражения в русском языке являются определителями, из этого не следует, что в нем есть непроизносимые определенные артикли. Язык может иметь некоторые определители, но другие типы определителей могут отсутствовать в этом

языке. Однако есть по крайней мере один класс примеров, в которых связывание определенных дескрипций кажется возможным в русском:

- (16) [Ни один декан] не отчислит [студента], если [студент] пропустил занятия по болезни.

В (16) «студент» во второй части предложения не может быть связано неопределенным выражением «студент» в первой части предложения, поскольку они не находятся в советующих структурных отношениях: «студента» не с-командует словом «студент». Условное предложение «если» является адьюнктом к глагольной группе «отчислит студента». Это означает, что потенциально [ни один декан] может быть тем квантором, который связывает определенную дескрипцию [студент]. Однако возможно также, что связывание в этом случае возможно из-за особой семантики условных предложений. Хотя я не могу объяснить, почему связывание определенной дескрипции в (16) является возможным, условные предложения этого типа — единственный известный мне случай, когда связывание определенных дескрипций возможно в русском языке. Стоит отметить, что связывание невозможно, если определенная дескрипция содержит притяжательную конструкцию:

- (17) *[Ни один музей] не выбросит [картину Пикассо], если [картина Пикассо] запачкалась.

Ора Матушански обратила мое внимание на то, что «этот» — не единственное выражение в русском, которое может улучшить (9) и (10). Таким же образом работают некоторые прилагательные, такие, как «данный», «вышеупомянутый», «вышеуказанный», «вышеприведенный»:

- (12') Ваня не написал рецензии [ни на одну книгу Ладова]₁, [данную книгу Ладова]₁ не прочитав.

Можно также заметить, что в русском в большинстве случаев можно заменить «этот» на «данный» и наоборот. Таким образом, либо слово «данный» также является определителем в русском (в пользу этого говорит тот факт, что «данный» имеет ограниченное употребление с другими определителями, такими, как «каждый», «все»), либо оно является индексным выражением семантического типа $\langle e, t \rangle$ и может принимать любое из трех значений, которые я

перечислила для индексного элемента «этот», включая значение ресурсной переменной.

Все прилагательные, принадлежащие к классу «вышеупомянутый», являются очевидно отношениями, возможно, что они предполагают отношение между выражением и некоторой сущностью. В любом случае в русском языке для связывания дескрипций эксплицитно используются выражения со значением отношения.

В данном разделе я отстаивала точку зрения, согласно которой русские определенные фразы могут получать связанное прочтение, только если в их структуре присутствует произносимый определитель или специальное прилагательное. Если реальное положение ограничителя, который отвечает за связывание, — на определителе, этот факт русского языка получает прямое объяснение.

Критика аргументов в пользу теории номинального ограничения

Один из аргументов в пользу теории номинального ограничения состоял в том, что данная теория может предложить лучшее объяснение для контекстной зависимости прилагательных, особенно таких, как «умелый». Согласно другому аргументу, теория номинального ограничения способна предложить лучшее объяснение ограничению прилагательных в превосходной степени. Я покажу, что оба аргумента несостоятельны. В русском языке существует различие между атрибутивными и предикативными прилагательными. Атрибутивное прилагательное модифицирует существительное, которое следует за ним («умный студент»). Предикативное прилагательное является просто предикатом, за ним не следует существительного («умен»).

От предикативных прилагательных может быть образована превосходная степень, что означает, что существительное в некоторых случаях просто отсутствует и соответственно не может отвечать за контекстную зависимость.

Прилагательные и их класс сравнения. Один из принципиальных аргументов в пользу теории номинального ограничения основывается на зависимости значения прилагательных от контекста¹. Вос-

¹ См.: *Stanley J.* Op. cit.

произведем эти аргументы и покажем, что вопрос о зависимости значения прилагательных от контекста должен решаться отдельно от проблемы ограничения области действия квантора.

Аргумент в пользу номинального ограничения связан с контекстной зависимостью таких предикатов, как «умелый», «знаменитый»:

(18) Он умелый скрипач.

Здесь существительное «скрипач» не определяет класс сравнения прилагательного «умелый». Человек может быть умелым скрипачом для студенческого концерта и при этом не быть умелым для профессионального концерта в консерватории. Дж. Стенли¹ утверждает, что этот факт может получить естественное объяснение, если ресурсная переменная прикрепляется к существительному: умелый NP $f(x) \in D \langle e, t \rangle$.

Ресурсная переменная принимает значение « x , который играет здесь». Теория Стенли состоит в том, что прежде чем мы соединим значение выражений «умелый» и «скрипач», мы должны найти пересечение класса скрипачей с классом людей, которые играют на соответствующем мероприятии:

(19) умелый (скрипач (x) & играет здесь (x)).

Я отвечу на данный аргумент следующим образом. Во-первых, покажу, что прилагательные должны быть способны вводить собственный класс сравнения вне зависимости от того, модифицируют они существительное или нет. Во-вторых, покажу, что анализ Стенли не совместим с идеей о том, что «умелый» является интенциональным предикатом.

Существительные не могут фиксировать класс сравнения наречий и предикативных прилагательных. Согласно предложению Стенли, существительное отвечает за то, чтобы снабдить прилагательное соответствующим классом сравнения даже в тех случаях, когда прилагательное кажется предикативным. Значение прилагательного «маленький» зависит от контекста:

(20) Этот слон маленький.

Здесь (20) не означает, что слон является маленьким объектом, поскольку слоны достаточно крупные животные. Предложение озна-

¹ См.: *Stanley J.* Op. cit.

чает, что этот слон является маленьким по сравнению с другими представителями того же вида животных.

В (20) после прилагательного «маленький» не следует существительного, прилагательное выглядит предикативным в поверхностной форме предложения. Можно предположить, что логическая форма (20) содержит удаленное существительное после прилагательного «маленький». Стенли предлагает рассматривать (20) как сокращение:

(21) Этот слон маленький [слон].

Удаленное существительное, согласно этой теории, фиксирует релевантный класс сравнения для прилагательного в (20).

Теория номинального ограничения (в этой ее версии) предсказывает, что если существительное отсутствует в синтаксической структуре предложения, то нет никакого способа зафиксировать класс сравнения прилагательных. Таким образом, один из возможных способов критики этой теории (в ее применении к значению прилагательных) состоит в том, чтобы найти такие случаи, когда существительное отсутствует в логической форме предложения, но мы знаем, что значение фразы зависит от класса сравнения. Рассмотрим два таких случая.

Первый из них имеет не прямое отношение к прилагательным. Мы знаем, что существует тесная связь между значением прилагательных и значением наречий:

(22) Джон меткий стрелок.

(23) Джон стреляет метко.

Если семантика прилагательного «меткий» предполагает класс, в отношении которого оценивается «меткий», то же самое должно касаться наречия «метко». Точно так же, как (22) может означать, что Джон меткий стрелок в рамках школьной секции по стрельбе, (23) может означать, что Джон стреляет метко для школьника. Вряд ли мы допустим, что в (23) после «метко» следует произносимое существительное, «метко» модифицирует глагол «стреляет», обычно после наречия не может следовать существительное. Сходство значений (22) и (23) заставляет предположить, что механизм введения класса сравнения существительных должен быть одним и тем же.

Второй случай, уже непосредственно относящийся к прилагательным, обнаруживается при исследовании русских прилагательных. В русском языке проводится различие между атрибутивным и предикативным использованием прилагательных¹. Различие проявляется через два вида инфлексии: морфологию полной и краткой формы прилагательных. Аргумент основывается на согласовании прилагательных с местоимением второго лица множественного числа (вежливое «Вы»). «Вы» формально имеет множественное число, но может указывать как на одного человека, так и на группу людей. Рассмотрим примеры, когда «Вы» указывает на одного индивида:

(24) Вы пришли.

(25) Вы молоды.

(26) Вы молодая.

В (24) «Вы» сочетается с глаголом и глагол согласовывается с формальными характеристиками местоимения (глагол без всяких сомнений является предикатом). Прилагательные в краткой форме ведут себя точно так же, как глаголы (24). Но прилагательные в полной форме демонстрируют другое согласование: они появляются в единственном числе, несмотря на формальную характеристику местоимения (26). Этот факт может быть объяснен, если мы предположим, что в (26) после прилагательного следует существительное, которое не произносится, но прилагательное, которое его модифицирует, должно согласовываться с ним.

Однако краткие прилагательные также являются контекстно зависимыми, их значение также предполагает класс сравнения. Это означает, что прилагательные должны быть способны сами вводить свой класс сравнения без опосредования существительным.

Еще один важный момент состоит в том, что существует специальная фраза, которая употребляется для введения класса сравнения прилагательных, она вводится с помощью предлога «для»²: «умелый для студента», «высокий для ребенка». Эта же фраза может использоваться для введения класса сравнения на-

¹ См.: *Siegel M.* Capturing the Russian Adjective // *Montague Grammar* ; ed. by V.H. Partee. N.Y. : Academic Press, 1976. P. 293–309; *Babby L.H.* A Transformational Grammar of Russian Adjectives. The Hague : Mouton, 1975; *Bailyn J.* The Syntax of Russian. Cambridge University Press, 2012.

² См.: *Siegel M.* Op. cit.

речий. Существительные без прилагательных не могут быть использованы с этой фразой в смысле «скрипач для ребенка», «студент для первокурсника». Однако русские прилагательные в краткой форме (а значит, предикативные) могут использоваться с этой фразой:

(27) Он высок для своего возраста.

«Умелый» не является интерсективным предикатом. Рассмотрим еще раз теорию номинального ограничения Стенли в применении к таким предикатам, как «умелый»¹:

(28) Ваня – умелый < скрипач, $f(i)$ >.

(29) ($[< \text{скрипач}, f(i) >]_c = [\text{скрипач}] \cap \{x: x \in c(f)(c(i))\}$)².

Идея состоит в том, чтобы разместить ресурсную переменную на существительном. Контекст (с) определит значение этой переменной. Это может быть, например, функция от месторасположения людей, которые играют на скрипке в этом месте. Предложение Стенли состоит в следующем: мы пересекаем множество, обозначаемое предикатом «скрипач» и класом сравнения, который задается функцией «f», и потом применяем «умелый» к этому множеству. Проблема с этим предложением состоит в том, что «умелый» не является интерсективным прилагательным. Следующий пример демонстрирует нам некорректное заключение, которое следует из предположения, что «умелый» является интерсективным предикатом:

(30) *Ваня умелый скрипач, а также Ваня доктор, следовательно,
Ваня – умелый доктор.

Один из способов объяснения ошибочности рассуждения (30), предложенный в работах Т. Парсонса и Р. Монтегю³, состоит в том, чтобы рассматривать «умелый» как функцию от свойств к свойст-

¹ См.: *Stanley J.* Op. cit.

² См.: *Ibid.* P. 116. Я цитирую его форму записи, где интерпретирующая функция обозначается одной квадратной скобкой (обычно она, как и в этом тексте, обозначается двумя).

³ См.: *Parsons T.D.* Some Problems Concerning the Logic of Grammatical Modifiers // *Semantics of Natural Language* ; ed. by D. Davidson and G. Harman. Dordrecht, 1972; *Montague R.* English as a Formal Language // *Linguaggi nella Societa enella Tecnica* ; ed. by B. Visentini et al. Milan : Edizioni di Comunita, 1970. P. 189–224; Reprinted in: *Montague R.* Formal Philosophy // *Selected Papers of Richard Montague.* Edited and with an introduction by Richmond H. Thomason. New Haven ; L. : Yale University Press, 1974. P. 188–221.

вам, а не как функцию от классов к классам. Согласно этому подходу, «умелый» является интенциональным предикатом, тип его аргумента $\langle s, \langle e, t \rangle \rangle$. Экстенционал предиката – это множество, а интенционал – свойство. Интенционал понимается как функция от возможного мира к экстенционалу в этом мире. Согласно этому подходу, $T[\langle \text{«умелый»} \rangle]$ берет интенционал, обозначаемый словом «скрипач» в качестве своего аргумента.

Если «умелый» на самом деле является интенциональным предикатом, то совершенно не очевидно, каким образом пересечение денотата, обозначаемого словом «скрипач», и множества, задаваемого функцией $f(i)$ в той форме, в какой это было предложено Стенли и представлено здесь в (29), может помочь нам объяснить контекстную зависимость прилагательного «умелый».

Сигель¹ обратила внимание на то, что такие прилагательные, как «умелый», являются контекстно-зависимыми в двух смыслах. Нам нужно знать, в качестве кого индивид является умелым (в качестве доктора или скрипача), а также знать класс сравнения (умелый скрипач для ребенка или профессионала). Существительное, которое следует за прилагательным «умелый», говорит нам, в качестве кого мы рассматриваем индивида, но класс сравнения не является частью этой информации. Таким образом, не имеет смысла пересекать обозначение существительного и обозначение класса сравнения, а потом применять «умелый» к общему классу.

Кроме того, мы вынуждены полагать, что по крайней мере некоторые прилагательные являются интенциональными: «бывший», к примеру, очевидно принадлежит к этому классу². Значит, теория, сформулированная в работе Стенли³, не будет работать в случае с этими предикатами.

Я рассмотрела один аргумент в пользу теории номинального ограничения, согласно которому эта теория может предложить лучшее объяснение контекстной зависимости прилагательных. Я показала, что существование предикативных (но зависимых от контекста) прилагательных в русском языке может быть проблемой для этого подхода. Я также рассмотрела идею о том, что «умелый» явля-

¹ См.: Siegel M. Op. cit.

² См.: Parsons T.D. Op. cit.; Kamp H. Two Theories about Adjectives // Formal Semantics of Natural Language ; ed. by E.L. Keenan. Cambridge University Press, 1975. P. 123–155.

³ См.: Stanley J. Op. cit.

ется интенциональным прилагательным, и проблеме, которую эта идея создает для подхода Стенли.

Прилагательные в превосходной степени. Два важных аргумента в пользу теории номинального ограничения связаны с превосходной степенью прилагательных (далее я буду называть превосходную степень сравнения прилагательного «суперлатив»). Проанализируем эти аргументы и покажем, что в русском языке существуют предикативные суперлативы. Это означает, что дополнительный ограничивающий материал для суперлативов не может находиться на существительном.

Проблема семантики и синтаксиса суперлативов, особенно их отношения к определителям, является очень сложной и заслуживает отдельного рассмотрения. В рамках настоящей статьи я не ставлю перед собой этой задачи и постараюсь обосновать только следующий тезис: принимая во внимание все, что нам известно о суперлативах, нет никакого основания считать, что ограничитель для суперлативов должен быть на существительном.

Первый аргумент¹ в пользу номинальной теории ограничения выглядит следующим образом. Представьте, что мы говорим о студентах Корнельского университета и кто-то произносит:

(31) The tallest student is smart.

Самый высокий студент умен.

Очевидно, что это предложение не сообщает о самом высоком студенте в мире. Но если ресурсная переменная (которая получает значение «в Корнельском университете» в этом контексте) прикрепляется к определителю «the», то мы должны пересечь множество самых высоких студентов (которое содержит только одного члена — самого высокого студента в мире) и множество индивидов, которые имеют отношение к Корнельскому университету, и найти уникального индивида в Корнельском университете, который также является самым высоким студентом (в мире).

(31') The of Cornell tallest student is smart.

Определитель в Корнельском университете самый высокий студент умен.

Очевидно, в этом случае, если самый высокий студент в мире не учится в Корнельском университете, (31) не будет иметь истинностного значения.

¹ См.: *Stanley J.* Op. cit. (attributed to Delia Fara).

Стенли предполагает, что сначала нужно пересечь значение выражений «студент» и «в Корнельском университете», а потом найти самого высокого студента из этого множества. Стенли утверждает, что если мы поместим ресурсную переменную на существительное, мы можем решить эту проблему.

На этот аргумент можно предложить следующий ответ. Согласно большинству современных подходов к семантике суперлативов, «est» (или «самый») является квантором. Если суперлатив является квантором, то, как мы видели в п. 1, область действия этого квантора может быть ограничена. Таким образом, вопрос должен быть сформулирован иначе: прикрепляется ли ресурсная переменная к суперлативу или к существительному? Уже на этом этапе очевидно, что можно легко ответить на аргумент Стенли. Если поместить ресурсную переменную на “most”, то следует пересекать денотат «умная девушка» и денотат ресурсной переменной до того, как применить “most” (самая) к «умная девушка»:

(32) She is the most of Cornell intelligent girl.

Она самая _{в Корнельском университете} умная девушка.

Существует важная связь между прилагательными в превосходной степени и существительными, которые эти прилагательные модифицируют. В частности, выражение «самый высокий студент» не имеет интерсективного прочтения, это выражение не может означать «самый высокий и студент». Мы можем легко в этом убедиться, если рассмотрим, что это прочтение отсутствует:

(33) *Нет, он не самый высокий студент, на самом деле профессор Стивенсон намного выше его.

Однако существует второй аргумент в пользу теории номинального ограничения суперлативов. Предложение (33) содержит непоследовательный дискурс, потому что присутствие существительного «студент» ограничивает класс сравнения «самый» только студентами.

Нам нужно предложить объяснение той особой роли, которую существительные играют в атрибутивных суперлативах. Одно возможное объяснение было предложено О. Матушански¹. Оно состоит в том, что существительное играет роль только ресурсной пере-

¹ См.: *Matushansky O. On the Attributive Nature of Superlatives // Syntax 11:1. 2008. April. P. 26–90.*

менной в случае с суперлативами. Согласно данному предложению, суперлативы могут быть только атрибутивными, потому что семантика выражения «самый» требует, чтобы существительное занимало позицию ограничителя.

Существительное само по себе не ограничивает значение суперлатива достаточным образом. Если бы существительного было достаточно, то «самый высокий студент» в (31) могло бы указывать только на самого высокого студента в мире. Теперь теория номинального ограничения становится полезной для значения суперлативов. Если существительное на самом деле играет роль ресурсной переменной в случае с суперлативами и весь дополнительный ограничивающий материал находится на существительном, то мы можем объяснить и контекстную зависимость суперлативов, и отсутствие интерсективного прочтения.

В рамках настоящей статьи я предложу несколько аргументов, основанных на поведении разных типов суперлативов в русском, которые показывают, что объяснение, предлагаемое теорией номинального ограничения, не может быть исчерпывающим. Я постараюсь показать, что существует предложение формы «Она наиболее умна», где «наиболее» является суперлативом, однако после прилагательного не следует никакого существительного. Это демонстрирует, что утверждение о том, что все суперлативы являются обязательно атрибутивными, является неверным. Конечно, значение суперлативов этого типа также должно быть ограничено. Если в логической форме предложения отсутствует существительное, которое следует за «высок», то это означает, что ограничитель не может находиться на существительном. Таким образом, теория номинального ограничения является ложной.

Я также рассмотрю идею о том, что особая роль существительного в семантике атрибутивных прилагательных проявляется не только в конкретном случае с суперлативами, но и в других формах прилагательного. Я рассмотрю другое возможное объяснение для отсутствия интерсективного прочтения в (33).

Значение суперлативов. Я буду опираться на теорию значения суперлативов, сформулированную в работе И. Хайм¹. Она предполагает, что такие прилагательные, как «высокий» (которые могут иметь сравнительную и превосходную степень), являются отноше-

¹ См.: Heim I. Notes on Superlatives. Cambridge, MA, 1999.

ниями между степенями и индивидами и что их базовый семантический тип $\langle d, \langle e, t \rangle \rangle$. В приведенном ниже примере *C* является ограничителем типа $\langle e, t \rangle$:

- (34) $[[\text{самый}]] = \lambda C \langle e, t \rangle \lambda D \langle d, \langle e, t \rangle \rangle \lambda x e \exists d [D(d)(x) \wedge \forall y [y \in C \wedge y \neq x \rightarrow \neg D(d)(y)]]$;
 самый (*C*)(*D*)(*x*) определено если и только если (i) *x* *C* и (ii) $\forall y [y \in C \rightarrow \exists d [D(d)(y)]]$.

Согласно этой семантике, суперлативы сопровождаются презумпцией о том, что индивид, обладающий свойством *D*, а также каждый индивид в классе сравнения должны принадлежать к множеству, обозначаемому *C*. *C* является ресурсной переменной и она получает свое значение в контексте.

Исходя из этой теории, «самый» является квантором, и как любой квантор должен совершить передвижение наверх, чтобы его можно было интерпретировать. Когда квантор движется, он оставляет след семантического типа *d*. Синтаксис выражения «самый высокий студент» представлен в (35):

- (35) $[DP [NP [-\text{самый } C] [NP d\text{-высокий студент}]]]$.

Суперлативы в русском языке. Ключевым моментом в аргументации Матушански¹ в пользу теории номинального ограничения для суперлативов является обоснование тезиса о том, что суперлативы всегда должны быть атрибутивными. Она использует данные из широкого ряда языков, однако я буду рассматривать только факты русского языка. Я полагаю, что существуют интересные аргументы в пользу того, что не все русские суперлативы являются атрибутивными.

В русском есть четыре формы суперлатива:

- ◇ аналитическая форма, сформированная через сочетание прилагательного с суперлативным прилагательным «самый». Используется только с полной формой прилагательных («самый высокий», но не «самый высок»);
- ◇ аналитическая суперлативная конструкция, сформированная через добавление «наиболее/наименее». Используется как с полной, так и с краткой формой прилагательных, а также с наречиями («наиболее близко»);
- ◇ синтетическая форма, сформированная с помощью суффикса -ейш. Используется преимущественно с прилагательными в полной форме («умнейший»);

¹ См.: *Matushansky O. Op. cit.*

- ◇ суперлативы, сформированные через компаратив и квантор всеобщности «е + всех». Стандартная форма для кратких прилагательных и наречий («выше всех»), не используется с полными прилагательными («*Ваня более высокий, чем все»). Эта форма выглядит как компаратив, однако я постараюсь показать, что она имеет больше сходства с суперлативами, чем с компаративами.

На основе этих фактов русского языка можно отстаивать концепцию о том, что суперлативы всегда должны быть атрибутивными. Самая стандартная форма суперлатива для кратких (а следовательно, предикативных) прилагательных и наречий выглядит как компаратив. Если все суперлативы в действительности должны быть атрибутивными, то понятно, почему прилагательные в краткой форме и наречия не имеют реальной формы суперлатива. Единственным очевидным контрпримером для этой теории является вторая форма, а именно «наиболее», потому что как краткие, так и полные прилагательные могут иметь эту форму. Итак, сторонник теории номинального ограничения мог бы рассказать следующее. В случае с реальными суперлативами существительное играет роль ограничителя. Когда существительное отсутствует, должны использоваться форма компаратива и квантор всеобщности вместо суперлатива. Я постараюсь показать, что это недостаточно адекватно описывает факты русского языка. Во-первых, я рассмотрю другого кандидата, который мог бы выполнять роль открытого ограничения области действия суперлатива, — фразу «из» или «среди».

Особая роль «из»-фразы в ограничении суперлативов. В русском языке данная фраза может использоваться для ограничения области действия суперлативов всех четырех типов, но не используется с компаративами или прилагательными в позитивной форме. Остановимся более подробно на форме «ше + всех» и покажем, что существует разница в значении в случае, когда мы просто ограничиваем значение квантора всеобщности, обозначаемого фразой «всех», и случаем, когда мы используем особую форму ограничителя для суперлатива — фразу «из». Это показывает, что форма «е + всех» скорее относится к суперлативам, а не к компаративам. Это первый пример предикативного суперлатива.

Далее покажем, что для теории номинального ограничения не просто объяснить, почему суперлатив «наиболее» может быть обра-

зован как от краткой, так и от полной формы прилагательного. Суперлатив формы «наиболее + прилагательное в краткой форме» будет вторым примером предикативного суперлатива.

В русском языке «из»-фраза может использоваться, чтобы ограничить значения суперлативов всех типов:

(36) Эта республика – самая молодая из всех в составе Советского Союза.

(37) Сильнейший и хитрейший из всех воевод Поднебесной.

(38) Она наиболее из всех балерин подходит для этих гастролей.

(39) Он больше всех из русских царей прирастил земель к Российской империи.

Эта фраза с «из» не используется в этом значении с компаративами или существительными в позитивной форме.

Мы видим в (39), что «из» может ограничивать значение суперлативов, сформированных через «е + всех», как и любых других форм суперлатива.

Выше было отмечено, что наиболее стандартной формой суперлатива для предикативных прилагательных является форма компаратива с квантором всеобщности. Однако можно показать, что «-е + всех» как суперлатив отличается от компаратива, хотя они и выглядят похоже:

(40) Белоснежка умнее всех семи гномов.

(41) *Белоснежка умнее всех из семи гномов.

(42) Профессор умнее всех из семи гномов.

Между (40) и (41) существует контраст. Предложение (40) осмысленно, однако (41) может быть произнесено, только если Белоснежка является одним из семи гномов. Предложение (42) я привожу только для того, чтобы показать, что, за исключением проблемы с презумпцией, предложение (40) грамматически корректно составлено.

Различие между (40) и (41) может быть представлено следующим образом:

(40') $e(=eg)$ [λd . все 7 гномов d -умны] [λd . Белоснежка d -умна].

$\exists d$ [Белоснежка d -умна & $\forall y$ [$y \in 7$ гномов $\rightarrow \neg d$ -умен]].

(41') Белоснежка [е всех (=est) С=из 7 гномов][λd. d-умень]].

$\exists d$ [Белоснежка d-умна & $\forall y$ [$y \in$ из 7 гномов $\wedge y \neq x \rightarrow \neg y$ is d-умень]].

(i) Белоснежка \in из 7 гномов и (ii) $\forall y$ [$y \in$ из 7 гномов $\rightarrow \exists d$ [y is d-умень]], где (i) и (ii) презумпции.

Приведу еще один пример, чтобы продемонстрировать тот же тезис:

(43) Маша пришла раньше всех десяти сотрудников, на которых вчера наорал директор.

(44) Маша пришла раньше всех из десяти сотрудников, на которых вчера наорал директор.

В (43) ограничитель присоединен напрямую к «всех»; Маша сравнивается с 10 сотрудниками, на которых директор наорал, и не считается среди них. В (44) используется специальная форма ограничителя для суперлатива, и значение ограничителя (все, что следует после «из») должно равным образом применяться к Маше, в противном случае предложение неуместно. Если мы рассматриваем «-е + всех» как обычный суперлатив, а «из»-фразу как то, что фиксирует значение С-переменной, то именно это мы и предсказываем. Частью семантики суперлатива является то, что С-переменная задает класс сравнения и индивидуальный аргумент суперлатива должен быть членом множества, задаваемого С.

Контраст между (40) и (41) и (43) и (44) предполагает, что компаративы «-е + всех» и суперлативы «-е + всех» семантически различаются в русском языке, хотя и выглядят сходным образом. Во-первых, суперлативы в любой форме могут сравнивать только вещи, принадлежащие одной и той же категории, и находить среди них единственную, которая обладает указанным свойством в максимальной степени. Семантика компаративов не предполагает сходного ограничения. Эти два факта сложно объяснить в рамках теории обязательной атрибутивной природы суперлативов.

Таким образом, мы нашли один пример, когда форма суперлатива образуется от краткого, а значит, предикативного прилагательного. Это означает, что ничего в семантике суперлатива не требует, чтобы прилагательное было атрибутивным. Это также означает, что существительное не может всегда играть роль ограничителя области действия суперлатива.

Можно ли свести суперлативы формы «наиболее» к компаративам?

Рассмотрим другую форму суперлатива, которая является проблематичной для теории обязательной атрибутивной природы суперлативов, а именно аналитическую форму суперлатива, сформированную через «наиболее». Как я упоминала, с помощью этой формы мы можем образовывать суперлативы как от краткой, так и от полной формы прилагательных, а также от наречий. Согласно концепции Матушански¹, «наиболее» не настоящий суперлатив, а скрытый компаратив с квантором всеобщности. «Наиболее» состоит из префикса «наи», добавленного к «более». Она предлагает разбить «наи» на следующие части:

(45) на и ∅(существительное) более,

где «и» = всех.

Существуют два пути, по которым может пойти сторонник обязательной атрибутивной природы суперлативов. Один из них состоит в том, чтобы сказать, что «наиболее» является суперлативной морфемой, но позволяет формировать суперлативы от кратких прилагательных, потому что непроизносимое существительное следует за «и»; именно это существительное вводит класс сравнения и заполняет NP («noun phrase» – группа существительного) аргумент суперлатива.

Если сторонники теории номинального ограничения выбирают этот путь, то они все равно могут считать, что суперлатив должен брать группу существительного в качестве одного из своих аргументов. Непроизносимая NP заполняет аргументное место существительного в суперлативе этого типа. Однако в таком случае русское «наиболее» будет действительно серьезной проблемой для этой теории:

(46) Наиболее высок.

(47) Наиболее высокий мужчина.

В (46) содержится прилагательное в краткой форме, а значит, предикативное прилагательное. Мы предполагаем, что это не является проблемой для суперлатива, потому что аргументное место, предназначенное для существительного, уже заполнено непроизносимым существительным. В (47) прилагательное имеет полную форму. Мы знаем, что аргументное место, предназначенное для су-

¹ См.: *Matushansky O.* Op. cit.

ществительного, уже заполнено непроизносимым существительным и что существительное «мужчина» не является необходимым для суперлатива. Однако интерсективное прочтение совершенно невозможно, что подтверждается примером:

(48) * Неправда, что Маша наиболее высокая девушка в нашей группе, Андрей намного выше ее.

Таким образом, проблема с этой гипотезой состоит в том, что если мы ее принимаем, то теория теряет важную часть своей объяснительной силы.

Другой путь состоял бы в том, чтобы утверждать, что «наиболее» является реальным компаративом и не является суперлативом. В этом случае аргумент, сформулированный выше, относящийся к «-е + всех» форме, также применим в данном случае: только суперлативы могут использоваться с «из»-фразой, которая фиксирует их класс сравнения.

Если «наиболее» является скрытым компаративом, существует и другая проблема для одного из аргументов, предложенных Матушански. Хорошо известен тот факт, что суперлативы, как и атрибутивные компаративы, не могут использоваться с фразами типа «на 3 см», «на 5 книг». Матушански полагает, что присутствие существительного блокирует возможность использования этих фраз. Таким образом, она утверждает, что неспособность суперлативов использоваться с этими фразами подтверждает идею о том, что суперлативы являются атрибутивными по своей природе, даже когда они кажутся предикативными.

Однако если «наиболее высок» является компаративом, то это только предикативный компаратив. В этом случае было бы сложно объяснить, почему использование указанных выше фраз невозможно с «наиболее», но возможно с предикативным компаративом. Рассмотрим примеры:

(49) Его доход в этом году (*на 10 %) наиболее высок.

(50) Его доход в этом году на 10 % выше, чем в прошлом.

Если эти аргументы верны, то мы нашли другую форму предикативного суперлатива, а именно «наиболее высокий», и нам известно, что после прилагательного «высокий» не следует существительного, что означает, что ограничитель области действия этого суперлатива не может находиться на существительном. Это опять

же аргумент в пользу того, что ничего в природе суперлативов не требует, чтобы суперлатив был обязательно атрибутивным. Таким образом, мы должны найти другое объяснение для отсутствия интерсективного прочтения в (33).

Существуют суперлативы формы «-ейш», сформированные от наречий. Мой последний аргумент против теории обязательной атрибутивной природы суперлативов состоит в том, что в русском языке существуют формы суперлатива «ейш», сформированные от наречий (хотя, конечно, эта форма имеет очень ограниченное применение):

(51) Умнейше говорит и подтверждает слова действием.

(52) Он честнейше пронес через всю свою нелегкую жизнь это убеждение.

В целом это означает, что есть одна форма суперлатива, которая используется только с атрибутивными (т.е. полными) прилагательными, — это форма «самый». Все остальные формы суперлатива могут формироваться от прилагательных в краткой форме и от наречий.

Почему «самый высокий студент» не означает «самый высокий и студент»? Как мы можем объяснить отсутствие интерсективного прочтения атрибутивных суперлативов? Существует сходная загадка в семантике компаративов:

(53) Маша выше Пети.

(54) *Маша более высокая девочка, чем Петя.

(55) Маша — это девушка, которая выше, чем Петя¹.

Когда прилагательное является преноминальным (54), то оба сравниваемых индивида должны относиться к множеству, обозначаемому существительным, но когда прилагательное не является преноминальным, такое ограничение отсутствует (55).

Один из способов объяснить этот контраст между (53) и (54) состоит в том, чтобы рассматривать семантику атрибутивных прилагательных как функцию, которая берет значение существительного

¹ См.: *Bresnan J. Syntax of the Comparative Clause Construction in English // Linguistic Inquiry. 1973. Vol. 4.3. P. 275–343; Stanley R. The English Comparative Adjective Construction // Papers from the 5th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society ; ed. by R.I. Binnick, A. Davison, G.M. Green, J.L. Morgan. Chicago: University of Chicago, 1969.*

в качестве аргумента и возвращает отношение между степенями и индивидами¹.

Таким образом, когда мы интерпретируем выражение «высокая девушка», мы не используем правило предикатной модификации, а используем правило применения функции к аргументу². Согласно этому подходу, стандартным семантическим типом прилагательного «высокий» будет $\langle\langle e,t \rangle, \langle d, \langle e,t \rangle \rangle\rangle$:

$$(56) \text{ [[AP высокая]] ([[NP девушка]]) = } \lambda P \lambda d \lambda x \text{ [высокая (P) (d) (x)]} \\ \text{ (девушка) = } \lambda d \lambda x \text{ [высокая (девушка)(d)(x)]}$$

Возможно, что отсутствие интерсективного прочтения в атрибутивных суперлативах находит свое объяснение не в семантике суперлативов, а в семантике атрибутивных прилагательных. Если мы принимаем это предложение, то мы должны сочетать «высокая» и «девушка», получив сложное отношение между степенями и индивидами, и только затем применять «самый» к этому отношению.

Таким образом, мы можем объяснить отсутствие интерсективного прочтения в атрибутивных прилагательных без теории номинального ограничения. Возможно, что семантика для прилагательного «высокий», сформулированная в (56), мотивирована по независимым от проблемы атрибутивных суперлативов основаниям.

Как было отмечено ранее, существуют некоторые важные аргументы, которые показывают, что не все существительные являются атрибутивными. Многие прилагательные являются двусмысленными. Их краткая форма имеет семантический тип $\langle d, \langle e,t \rangle \rangle$, и их полная форма имеет другой тип $\langle\langle e,t \rangle, \langle d, \langle e,t \rangle \rangle\rangle$.

Заключение

Я рассмотрела некоторые аргументы из русского языка против теории номинального ограничения области действия квантора. Главный аргумент основывался на наблюдении, что русские определенные фразы с притяжательной конструкцией не имеют связанного прочтения, если в их структуре не присутствует определитель

¹ Lechner W. Ellipsis in Comparatives. Mouton de Gruyter. 2004. P. 54.

² См. правила в: Heim I., Kratzer A. Semantics and Generative Grammar. Blackwell Publishers, 1998. Ch. 4.

«этот», специальное прилагательное или связанное местоимение. Далее я рассмотрела два центральных аргумента в пользу теории номинального ограничения.

Я утверждала, что функция, фиксирующая класс сравнения прилагательных, не может прикрепляться к существительному, потому что значение наречий также зависит от контекста и потому что некоторые прилагательные являются предикативными (в русском языке – прилагательные в краткой форме). Я проанализировала теорию номинального ограничения суперлативов и отстаивала тезис о том, что распределение русских суперлативов не поддерживает теорию, согласно которой все суперлативы должны быть атрибутивными. Если некоторые суперлативы являются по-настоящему предикативными, то по крайней мере в некоторых случаях ограничитель должен быть помещен на саму суперлативную морфему и нам не нужно постулировать дополнительную ресурсную переменную на существительном, когда прилагательное является атрибутивным и существительное присутствует в логической форме предложения.

И.Б. Микиртумов

Семантическая неоднозначность и «техническая» прагматика¹

Композициональность представляется неустранимой чертой семантики – как формальной, так и лингвистической. Случаи, когда композициональность нарушается прямым образом (например, в идиомах), легко описываются более общими средствами, позволяющими фиксировать цитирование или описывать пропозициональные установки. Результаты, представленные в статье, таковы: (1) некомпозициональность в первом смысле имеет частные прагматические функции, которые дублируются композициональными выражениями. Как прагматическое средство она избыточна; (2) некомпозициональность во втором смысле NC_2 играет техническую роль и не используется для коммуникативных целей непосредственно; (3) формальный анализ композициональности и некомпозициональности средствами метаязыка ограничен композициональностью базовых семантических категорий и функций.

Семантическая композициональность как логическая проблема

Явление композициональности кажется неотъемлемой чертой семантики – формальной или содержательной. Синтаксис языка выстроен так, чтобы композициональность устанавливалась, по возможности, легко и однозначно. Случаи нарушения прямой композициональности, как, например, при использовании идиом, легко поддаются адаптации к общей модели средствами выявления цитирования или распознавания пропозициональных установок. В любой коммуникативной ситуации всякий текст,

¹ Статья написана в рамках проекта ФЦП «Кадры» (мероприятие 1.2.2, соглашение 8259). В основу статьи положен материал доклада на международном семинаре «Philosophy&Logic. International Workshop» (Киевский национальный университет, 23–25 мая 2013 г.).

который в чем-либо не композиционален, может быть модифицирован в композициональный. Это обстоятельство показывает, что композициональность легко осваивается мышлением, а именно той его способностью, которая позволяет выражать мысли в языке понятным и однозначным образом. Это, однако, не дает повода приписывать или отрицать композициональность у мышления¹.

Чем вызваны интерес к композициональности и появление такого издания, как «Oxford Handbook of Compositionality»²? Со стороны философской логики трудно заметить острые проблемы, непосредственно связанные с композициональностью. Скорее интерес вызван тотальностью и очевидностью композициональности и рекурсивности в семантике. Это вызывает настороженность — не пропущено ли нечто значительное. В то же время за композициональностью остается некомпозициональность, роль и значение которой не исследованы.

Тема композициональности интересна в связи с формально-семантическими вопросами и я занимался ею исходя из общей интенциональной логики и ее семантики³. Но поводом для этой статьи стал выход в свет в 2012 г. монументального труда «The Oxford Handbook of Compositionality», насчитывающего 700 страниц и 34 главы. Среди авторов издания — логики, математики, лингвисты, компьютерщики, психологи. Учитывая, что вопрос о композициональности является, на мой взгляд, семантическим, мне показалось важным выявить его чисто логическое содержание, оставляя в стороне взгляды на композициональность со стороны других дисциплин⁴. Поэтому первый вопрос — о логическом.

Укажу на две основополагающие дифференциации. Во-первых, логику можно рассматривать как систему нормативную или ненормативную, ставя соответствующую характеристику в зависимость от того, как логические нормы вводятся и как они функционируют.

¹ См.: *Groenendijk J., Stokhof M.* Why Compositionality? // *Reference and Quantification: The Partee Effect*; G. Garson, J. Pelletier (eds.). Stanford: CSLI Press, 2005. P. 83–106.

² *The Oxford Handbook of Compositionality*; eds. by W. Hinzen, E. Machery, and M. Werning. Oxford, 2012.

³ См.: *Микиртумов И.Б.* Композициональная концептуализация в интенциональной логике // *Логические исследования*. М., 2005. Вып. 12. С. 211–225.

⁴ Прагматика некомпозициональности рассмотрена в статье: *Микиртумов И.Б.* Композициональность и ее прагматика // *Эпистемология и философия науки*. 2013. Т. 36, № 2. С. 42–58.

Это снова вопрос о «номос» и «фюсис». Во-вторых, логические законы можно пытаться объяснить в рамках более общей теории метафизического или научного характера. Здесь главным критерием является источник знания и метод его приобретения.

Логика не относится к нормативным системам в узком смысле. Она не является результатом произвольной деятельности человека, т.е. не есть чистый «номос». Функционирование логических норм отличается от функционирования правовых и моральных. Хотя гипотеза логической нормы универсальна, санкций за ее нарушение не предусмотрено. Косвенной санкцией будет коммуникативное затруднение. Если сказать, что логика – это нормативная система в широком смысле, т.е. такой род «номоса», который выражает «фюсис», или сущность человеческого разума, то потребуется дать обоснование именно этой природе. Психологистское и антипсихологистское обоснования хорошо известны.

Наконец, спросив об источнике наших знаний о законах логики и методе их обнаружения, мы не найдем ничего, кроме нашей коммуникативной практики и рефлексий по ее поводу. Именно на последних мы и основываем как психологистские, так и антипсихологистские версии.

Если кратко резюмировать сказанное, то окажется, что сфера логического – это сфера законов, соблюдение которых обязательно для обеспечения нормальной коммуникации во многих ее аспектах: доказывание, убеждение, выдвижение аргументов, последовательность наррации, пояснение смысла сказанного, уточнение определений, выявление зависимости одного знания от другого и т.д. Этим законам можно не следовать, но тогда коммуникативные задачи не будут выполнены. Научаемся мы этим законам в процессе самой коммуникации, так что следование им можно с равной степенью достоверности объяснять и как результат врожденной способности, и как результат научения. Добавив метафизику, можно начать говорить и о свойствах мира, предопределяющих такой ход вещей, а также о свойствах разума, предопределенных его природой. Это, конечно, возвышенно и придает логике философское звучание, что предполагает право относиться к философскому факультету.

В связи с этим встает вопрос о том, что такое логические проблемы. Ответ на него ясен, если речь идет о «внутреннем» логики, т.е. о тех или иных способах совершать умозаключения. Но

большая книга композициональности написана не по этому поводу. Ее писали люди, работающие над моделированием и имитацией наших интеллектуальных способностей средствами конечных автоматов. Здесь чисто логическая проблема – это проблема снабжения автомата набором программ, которые позволяли бы ему действовать логически, т.е. во всех случаях, когда мы, применяя разум, получаем те или иные результаты, получать такие же результаты из тех же данных. Эта задача решается благодаря аналитическим исследованиям тех ли иных способов умозаключений и, шире, коммуникации. Но такие исследования дают результаты, сформулированные на искусственных языках в виде формализмов, т.е. в том виде, в каком они, как правило, уже без больших затруднений могут быть превращены в программы действий конечных автоматов. На этом чисто логическая проблематика заканчивается. Но начинается другая. Автомат должен получать данные для применения своих программ в том виде, в котором он может их распознавать. Естественного языка автомат не понимает или понимает его фрагментами, кроме того, он не владеет прагматикой, т.е. не умеет распознавать данные в выражениях языка, если они зависят от контекста. Иными словами, если между выражением естественного языка, говорящим и ситуацией произнесения, с одной стороны, и автоматом – с другой, находится посредник – человек, являющийся компьютерщиком, логиком и лингвистом одновременно, то благодаря его присутствию данные, содержащиеся в этом выражении, могут быть адекватно представлены для применения к ним программ.

Стремление свести роль такого посредника к минимуму и является центральной задачей исследований, ориентированных на искусственный интеллект. Состоит она в том, чтобы придумать программы обработки выражений естественного языка и сопутствующей их появлению информации, которые смогли бы поставлять автомату данные, чтобы он мог с ними работать. Логический автомат вывода нуждается в помощнике – семантическом автомате-переводчике, автомате порождения логических форм. Последний должен сочетать в себе как чисто лингвистические способности – знание словарей, синонимов, грамматики, умение отождествлять переформулировки и парафразы, раскрывать эллипсы, метафоры и метонимии, распознавать анафорические связи, уточнять значения слов по контексту и т.д., так и некоторые логические. Последние будут связаны уже с логическими значениями и должны позволять

уточнять их в контексте, указывать на способы их определения, на их зависимость от тех или иных систем интерпретации и т.п. Здесь речь идет уже не о законах умозаключений, не о логике как таковой, а о законах формального анализа выражений языка и их значения, т.е. о логическом синтаксисе и логической семантике.

Логика ли это? Как таковая – нет, так как это не теория вывода, но теория логической формы, сфера, предполагающая теорию вывода и невозможная без нее как конечной области использования своих результатов. Наука о снарядах еще не артиллерия, анатомия не медицина, а учение о количестве не математика, но первое немыслимо вне связи со вторым. Отсюда можно сделать вывод: композициональность как синтаксическое и семантическое явление относится к сфере теории логической формы. Это так, если смотреть на вещи под классическим углом зрения, полагая, что логика есть наука о законах разума, отражающая его сущность. Если же делать акцент на коммуникации, то логическая способность – это одна из частных способностей, делающих коммуникацию возможной. Современное стремление алгоритмизировать все интеллектуальные явления снимает различие между теорией вывода и теорией формы, так что логическая семантика и логика как таковая получают равные права.

Композициональность, таким образом, относится к сфере теории логической формы, и у нас имеется недостаток знания о ней в нескольких аспектах: (1) устранима ли композициональность, т.е. можно ли без нее обойтись вообще или отчасти? (2) Существуют ли специфические логические функции композициональности и некомпозициональности? (3) Существует ли алгоритм превращения некомпозиционального в композициональное? (4) Существует ли алгоритм, согласно которому синтаксические и семантические композициональные связи закладываются в выражения и распознаются в них?

Композициональность и некомпозициональность

Стандартное определение композициональности гласит: «значение целого есть функция значения его частей и способа их сочетания». Проблемы, возникающие на логическом материале, можно увидеть уже на примере Аристотеля: «Завтра будет морское сражение или его завтра не будет». Аристотель говорит, что ни одна из частей этого суждения не истинна и не ложна сегодня, но что все

суждение целиком всегда истинно. Иными словами, «прямой» и непосредственной композициональности сегодня это суждение не имеет. Другое дело — завтра. Но ведь строить предположения о том, что будет завтра, мы можем и сегодня.

Как возможно, что части выражения не имеют значения, а все выражение в целом имеет? По-видимому, под значением здесь имеется в виду не денотат, а смысл. Если трактовать смысл как процедуру установления денотата, то обоснование позиции Аристотеля должно выглядеть так: смысл выражения «Завтра будет морское сражение» и смысл выражения «Завтра не будет морского сражения» как процедуры установления их денотата к 24.00 завтрашнего дня дадут нам вместе «Т» и «F», так что соответствующая дизъюнкция окажется истинной. Поскольку уже сегодня мы знаем, что так будет, то уже сегодня мы не можем сомневаться в истинности исходного выражения.

Здесь композициональность получена как результат использования немалого объема знаний: о временных координатах, о достижимости мира завтрашнего дня, о том, что с логической необходимостью будет иметь место завтра. Что если попытаться ослабить эти ресурсы, например ограничить компетентность субъекта способностью верифицировать выражения здесь и теперь? В этом или другом случае мы получим два смысла композициональности:

C_1 — отвечает возможностям говорящего определять значения компонентов в некоторых условиях здесь и теперь. При принятии условия C_1 пример Аристотеля становится некомпозициональным и не может получить значения;

C_2 — соответствует способности интерпретатора делать это также относительно условий, отличных от текущих. C_2 предполагает возможность для интерпретатора соотнесения нескольких видов C_1 . Таким образом, модель C_2 предполагает отсылку к субъекту, владеющему сложными семантическими средствами.

Позиция самого Аристотеля близка тому смыслу композициональности, который Я. Хинтикка и Г. Санду описали так: семантические условия применимы к выражению в целом, но могут не быть применимы к его компонентам¹. Задача интерпретатора состоит в поиске путей распространения композициональности на компоненты. Поэтому композициональность вида C_2 можно попытаться

¹ Aspects of Compositionality // Journal of Logic, Language, and Information. 2001. № 10. P. 50–51.

определить через C_1 как отложенную или потенциальную. Интерпретатор ведет игру, направленную на создание условий, при которых B получает значение. Если утверждать, что B получает значение при любых условиях, то за этим стоит допущение или знание об однородности условий – миров или состояний. Такого рода знание требует особой компетентности субъекта.

Таким образом, C_2 предполагает C_1 и как практическое умение, и как знание о C_1 . Можно ли обладать способностью реализовывать только C_1 ? По-видимому, это так. До обнаружения аподиктических законов логики люди долго использовали язык, интерпретируемый композиционально. Более того, уже само обретение языка, как показывает ряд исследований¹, строится как обретение композиционального языка, конечно, в смысле C_1 .

Что же с некомпозициональностью? Откуда и зачем она появляется, если эволюция языка оставляет ее в стороне как менее эффективный способ построения отношений обозначения? Если мы выделяем два уровня композициональности, то будут и два уровня некомпозициональности.

Уровень NC_1 соответствует случаям невозможности однозначного прочтения выражения, т.е. синтаксической двусмысленности:

Каждая студентка имеет справочник по композициональности.

Посол Мальты направляется в каждую страну региона.

У фермера есть друг, он учит его играть в шахматы.

Здесь есть возможность нескольких вариантов понимания фразы, из которых адекватным оказывается какой-то один, релевантный контексту:

Первый справочник по композициональности был издан в 2012 г. и завоевал всеобщее признание и популярность. Каждая студентка имеет справочник по композициональности.

Вопросы композициональности затрагиваются во всех курсах.

Каждая студентка имеет справочник по композициональности.

Сирийский кризис беспокоит Мальту. Посол Мальты направляется в каждую страну региона.

Мальта поддерживает дипломатические отношения со всеми странами Ближнего Востока. Посол Мальты направляется в каждую страну региона.

¹ См.: *Smith K., Kirby S. Compositionality and Language Evolution // The Oxford Handbook of Compositionality. Ch. 24.*

У фермера есть друг, он учит его играть в шахматы. Теперь фермера не обыграть.

У фермера есть друг, он учит его играть в шахматы. А еще учит доить корову.

Обнаружение этого варианта требует анализа контекста интерпретатором. Возможны и ошибки, причина которых – неправильное понимание контекста. Все такие ошибки могут быть исправлены новым уточнением контекста и значения.

Приведенные примеры свидетельствуют об экономии: более компактное выражение используется там, где предполагается возможность контекста восполнить недостающую информацию. В изоляции высказывания, конечно, кажутся двусмысленными, т.е. допускающими более чем одно композициональное прочтение.

Есть случаи двусмысленности нарочитой, достигаемой сокрытием контекста от интерпретатора. Прагматика здесь разная: загадывание загадок, розыгрыш, демонстрация власти и т.д. Умышленное допущение NC_1 имеет своей целью нечто коммуникативное, говорящий использует NC_1 , чтобы сбить с толку, поставить в тупик, спровоцировать ошибку или вызвать вопрос. Иными словами, это прагматика в своем нормальном назначении. Впрочем, мы редко используем именно NC_1 , поскольку для достижения тех же самых прагматических целей располагаем иными, более доступными средствами.

Приведу несколько примеров:

- Хочу предложить вам прочитать мою статью.
- Спасибо!

Это двусмысленный эллипс вместо «спасибо, да» или «спасибо, нет».

- Хочу предложить вам прочитать мою статью.
- Должен согласиться, хотя не могу.

Можно прочитать ответ двумя способами:

- Я должен был бы ответить согласием, но отказываюсь.
- Я соглашаюсь, но подчеркиваю, что очень занят.

Другой пример:

- Вам понравилась моя статья?
- Она заслуживает внимания.

Здесь видим лексическую двусмысленность и эллипс: «она заслуживает внимания как хорошая» или «она заслуживает внимания как образец плохой статьи».

- Вам понравилась моя статья?
- По прочтении вашей статьи мне вспомнилась концепция Н. Она ее опровергает.

Здесь встречаем хорошо известный «ослиный эффект».

- Какое решение сирийского вопроса представляется Мальте наилучшим?
- То, которое принесет свободу народу Сирии.

Здесь видим лексическую двусмысленность: все зависит от того, как понимать «свободу народа Сирии».

- Какое решение сирийского вопроса представляется Мальте наилучшим?
- Есть шаги к достижению мира, которые должны сделать стороны конфликта.

Двусмысленность делает возможным два прочтения: каждая страна должна предпринять *все* такие шаги или же *по крайней мере* один.

Чаще всего C_1 нарушается неумышленно, например в сложных текстах (религиозных или юридических), которые затем в силу практической необходимости приходится толковать и уточнять.

Некомпозициональность и семантические парадоксы

Генерирование прагматически эффективных высказываний, нарушающих C_1 , относится к сфере классической риторики и публичного остроумия. С логической точки зрения гораздо важнее исследовать случаи нарушения C_2 .

Пусть высказывание имеет некоторую прагматическую задачу и построено так, что его нельзя адекватно интерпретировать ни при каком уточнении синтаксических связей. Иными словами, синтаксические связи однозначны и однозначно же характеризуют референцию компонентов выражения. Чтобы нарушить C_2 , следует испортить семантическую композициональность не путем порчи синтаксиса, а чисто семантическими средствами. Ближе всего, как мне кажется, автореференция. Она создает условия, при которых

композициональность может быть нарушена как следствие общего правила рекурсивности значения.

Чтобы увидеть связь некомпозициональности с семантическими парадоксами, рассмотрим знаменитого «лжеца» в следующей форме:

Это высказывание ложно (φ).

Содержание фразы «Это высказывание ложно» может быть передано следующими тождественными перефразировками: Это высказывание ложно — оригинальная формулировка; $F(\varphi)$ — использование демонстратива «*это высказывание*»; φ — использование обозначения.

Пусть φ ложно (допущение истинности φ дает эквивалентный результат). Тогда рассуждение, приводящее к парадоксу, можно записать так:

- (1) $F(\varphi)$ — гипотеза.
- (2) В силу использования φ как обозначения: $\varphi = F(\varphi)$.
- (3) Замена φ на $F(\varphi)$ в 1: $F(F(\varphi))$.
- (4) свойства метаязыковых предикатов: $F(F(\varphi)) \Leftrightarrow T(\neg F(\varphi))$, откуда
- (5) $T(\neg F(\varphi))$. Но поскольку
- (6) $\neg F(\varphi) \Leftrightarrow T(\varphi)$, оказывается, что
- (7) $T(T(\varphi))$. Но мы знаем, что
- (8) $T(T(\varphi)) \Leftrightarrow T(\varphi)$, а значит,
- (9) $T(\varphi)$, что противоречит строке (1).
- (10) $\neg F(\varphi)$.
- (11) $T(\varphi)$. Правда, заменяя φ на тождественное ему $F(\varphi)$, получаем
- (12) $T(F(\varphi))$, откуда, поскольку
- (13) $T(F(\varphi)) \Leftrightarrow F(\varphi)$, следует
- (14) $F(\varphi)$, противоречащее утверждению в строке (11).

Это рассуждение возможно благодаря двум заменам тождественных в (2), в частности при переходе к строкам (3) и (12). Эти за-

мены обусловлены целями рассуждения, но не детерминированы, т.е. их можно производить на любом его шаге. Например, (9), в которой мы зафиксировали противоречие, можно было бы представить в виде

(9') $T(F(\varphi))$, откуда

(10') $F(\varphi)$.

Иными словами, противоречия можно избежать, если вовремя, например выше (9), перефразировать φ в $F(\varphi)$. Но как строка (2) оказалась возможной, т.е. в чем логическая порочность приведенных выше перефразировок фразы «это высказывание ложно»? Ответ ясен: автореференция φ вызывает нарушение композиционности. Значение « φ истинно» нельзя определить, поскольку входящее в его состав « φ » перефразируется в « φ ложно» и обратно: вместо редукции значения φ к значениям его составляющих мы получаем ссылку на выражение более сложное по структуре и в силу устройства парадокса противоположное по значению.

Не всегда некомпозиционность приводит к парадоксу. Вот так называемый Truthteller¹:

Это высказывание истинно (φ^*).

В основе моего понимания парадокса лежит процедурная трактовка смысла, идея которой восходит к логике смысла и денотата Алонзо Чёрча². Среди современных исследователей эту идею поддерживают Ф. Хэмм и Я. Московакис³, для которых значение термина есть алгоритм, вычисляющий его денотат. Для реализации этого принципа используются мощные инструменты логической грамматики, которые позволяют представить выражения языка в форме, с которой может быть соотнесена алгоритмическая процедура. Перед нами подобная задача не стоит, для нас достаточно знать, что процедурное понимание смысла реализуемо и что какими бы ни были соответствующие процедуры, имеется возмож-

¹ См.: Kripke S. Outline of a Theory of Truth //The Journal of Philosophy. 1975. Vol. 72, № 19. P. 694.

² См.: Church A. A Formulation of the Logic of Sense and Denotation // Structure, Method and Meaning: essays in honor of H.M. Sheffer. N.Y. : The Liberal Arts Press, 1951. P. 3–24.

³ Hamm F., Moschovakis Y. Sense and Denotation as Algorithm and Value: advanced course. ESSLLI 2010 CPH. — <http://www.math.ucla.edu/~ynm/lectures/es10.pdf>.

ность описывать их свойства, т.е. исследовать смысл как динамическую единицу, как нечто становящееся¹ и структурированное. Сопоставляемые парадоксальным или неопределенным высказываниям

Это высказывание ложно.

Это высказывание истинно.

процедуры установления их значения не могут завершить свою работу в силу того, что они построены как циклы или бесконечные линейные процедуры.

Итак, один способ нарушения C_2 мы увидели. Он состоит в программировании смысла выражения как циклической или бесконечной линейной процедуры при сохранении синтаксической однозначности и композициональности в пределах суждения. Разрыв композициональности проявляется в эффекте двойного дна референтов компонентов выражения. Зачем нужны такого рода высказывания или, грубо говоря, зачем нужны семантические парадоксы? Все, что где-либо и когда-либо говорится, говорится с какой-то коммуникативной целью. Какова прагматическая цель, например, парадокса лжеца?

Мой ответ состоит в том, что семантически парадоксальные высказывания или комбинации высказываний играют техническую роль. Как показано в ряде исследований², композициональность синтаксиса и семантики есть не просто конкурентное преимущество, которым обладают соответствующие языки, но и ключевое условие для надежной трансмиссии языка, для его изучения. Семантические двусмысленности первого вида, т.е. NC_1 , попав в «learning bottleneck»³, заставляют язык становиться более генерализованным и композициональным.

Появление в коммуникации выражений, нарушающих C_1 , можно оценить как провокацию: такие выражения должны преодолеваются в ходе овладения языком на определенном уровне компетентности, и для их распознавания должны быть включены базовые навыки устранения двусмысленности. Употреблять выражение ви-

¹ См.: *Kracht M.* Gnosis // *Journal of Philosophical Logic*. 2011. Vol. 40. P. 397–420. Маркус Крахт также придерживается процедурного понимания смысла.

² См.: *Smith K., Kirby S.* Op. cit.

³ См.: *Kirby S.* Learning, Bottlenecks and the Evolution of Recursive Syntax // *Linguistic Evolution through Language Acquisition: Formal and Computational Models*; E. Briscoe (ed.). Cambridge: Cambridge University Press. 2002. P. 173–203.

да NC_1 прагматически означает занять доминирующую позицию в языковой игре, заставить контрагента не вести дискуссию по существу, а заниматься уточнением значения.

Появление уровня NC_2 имеет более абстрактные цели. Смысл есть квазиконструктивная процедура – вот что открывается после надлежащего анализа семантического парадокса. Причина же парадокса – это формальные свойства процедуры. Если мы хотим рано или поздно построить *mathesis universalis* Лейбница, то процедуры такого рода должны быть изучены, описаны и адаптированы для конкретных нужд. Таким образом, NC_2 – это провокация, ответом на которую становится понимание процедурного, динамического характера значения или же специфических черт метаязыка и предполагаемой семантики.

Тест композициональности на автореферентность

Автореферентность выступает в роли действующей причины некомпозициональности и поэтому может рассматриваться как своего рода тест на устойчивость любой семантической характеристики: там, где композициональность неявно предполагается, автореферентность должна приводить к ее сбою и к контринтуитивным следствиям; там же, где композициональность не важна, автореферентность не должна приводить к затруднениям. Попытаемся поставить в ситуацию автореферентности саму композициональность и рассмотрим следующее высказывание:

φ – некомпозиционально (φ).

При обычном понимании композициональности истинность φ означает, что значение φ не зависит от значения его компонентов, т.е. от значения выражения «φ», которое будем записывать как $D(\varphi)$, и значения выражения «быть некомпозициональным» – NC . Значение понимаем здесь как денотат.

(1) Пусть $D(\varphi) = T$ – гипотеза.

(2) $\varphi = NC(\varphi)$ – автореферентность. Тогда в силу (1), (2) и определения некомпозициональности

(3) $D(NC(\varphi))$ не зависит от $D(\varphi)$ и от $D(NC)$. Но в силу (2)

(4) $D(NC(\varphi)) = D(\varphi)$, т.е.

(5) $D(\varphi)$ не зависит от $D(\varphi)$, или $D(\varphi)$ не зависит от $D(NC)$. Первое невозможно, значит

(6) $D(NC(\varphi))$ не зависит от $D(NC)$, где $D(NC)$ есть класс некомпозиционных выражений. Если это так, то должны быть непротиворечивы все четыре варианта обладания φ свойством композициональности и принадлежности φ к $D(NC)$:

$$(7.1) D(NC(\varphi)) = T \wedge \varphi \in D(NC));$$

$$(7.2) D(NC(\varphi)) = F \wedge \varphi \in D(NC));$$

$$(7.3) D(NC(\varphi)) = T \wedge \varphi \notin D(NC));$$

$$(7.4) D(NC(\varphi)) = F \wedge \varphi \notin D(NC)).$$

При этом в силу общих семантических условий для любого предиката имеет место

(8) $D(P(x)) = T \Leftrightarrow x \in D(P)$. Поскольку в силу свойств D и T имеем

(9) $D(A) = T \Leftrightarrow A$, заключаем к

(10) $P(x) \Leftrightarrow x \in D(P)$. Следовательно,

(11) $D(NC(\varphi)) = T \Leftrightarrow \varphi \in D(NC)$. Тогда:

$$(12.1) \varphi \in D(NC) \wedge \varphi \in D(NC));$$

$$(12.2) \varphi \notin D(NC) \wedge \varphi \in D(NC));$$

$$(12.3) \varphi \in D(NC) \wedge \varphi \notin D(NC));$$

$$(12.4) \varphi \notin D(NC) \wedge \varphi \notin D(NC)).$$

В (12.2) и (12.3) фиксируем противоречия.

Если представить это рассуждение кратко, то истинность автореферентного утверждения о некомпозициональности сталкивается при своей редукции с общим семантическим условием, верным для любого предиката P : $D(P(A)) = T \Leftrightarrow P(A)$. Из этого базового семантического отношения следует, что не быть композициональным означает не принадлежать к классу композициональных выражений; φ не может быть истинным до тех пор, пока такие базовые семантические отношения сохраняются.

Может ли φ быть ложным?

(1) Пусть $F(\varphi)$. Тогда в силу $\varphi = NC(\varphi)$

(2) $\neg NC(\varphi)$, откуда

(3) $D(\varphi)$ зависит от $D(\varphi)$ и от $D(NC)$. Поскольку

(4) $D(\varphi) = D(\varphi)$ тривиально, существенно, что

(5) $D(\varphi)$ зависит от $D(NC)$ и, следовательно,

(6) $D(NC(\varphi))$ зависит от $D(NC)$. Поскольку

(7) $D(NC(\varphi)) = T \Leftrightarrow NC(\varphi)$, верно следующее:

(8) $(NC(\varphi) = T \wedge \varphi \in D(NC)) \vee (NC(D(\varphi)) = F \wedge \varphi \notin D(NC))$.

Противоречий не возникает.

Выводы и вопросы

На основании изложенного выше можно сформулировать три вывода:

- ◇ NC_1 – имеет частные прагматические функции, которые дублируются композиционными выражениями. Как инструмент прагматики NC_1 , таким образом, избыточно. Именно этим можно объяснить, почему в языке сохраняются некоторые возможности NC_1 . Все существенные случаи ликвидированы генерализацией и композициональностью;
- ◇ NC_2 – играет техническую роль, т.е. не используется для коммуникативных целей непосредственно. Задача NC_2 повысить логико-семантическую компетенцию интерпретатора путем создания экспериментальных условий интерпретации. NC_2 позволяет получать эффективные семантические инструменты: композициональность в формальной семантике, понимание смысла как процедуры, семантику неподвижных точек, теоретико-типовые методы. NC_2 – метод исследовательской провокации в логической семантике;
- ◇ формальный анализ композициональности и некомпозициональности средствами метаязыка ограничен композициональностью, содержащейся в базовых семантических категориях и функциях.

Сделанные выводы оставляют открытыми немалое число вопросов. Это касается в первую очередь соотношения синтаксической и семантической композициональности. Если исследования истории языка, о которых шла речь выше, опираются на синтаксическую композициональность как на доступное эмпирическому описанию явление, то, говоря о композициональности семантиче-

ской, мы находимся в области, плохо доступной для такого описания. На основе анализа синтаксической структуры синтаксическая композициональность должна давать возможность построить композициональное значение. Композициональность семантическая выступает здесь в роли цели, ради достижения которой функционирует композициональный синтаксис. Может ли быть так, что синтаксическая композициональность не приведет к семантической? Положительный ответ на этот вопрос будет означать, что последняя является первичной по отношению к первой, т.е. что композициональность значения есть причина и условие композициональности выражения этого значения в языке. Я склонен думать, что это так. Рассматривая выше примеры NC_1 , мы могли заметить, что синтаксис способен давать подсказки, ориентиры для построения композиционального значения, но совсем не обязательно, что, следуя этим подсказкам, можно получить композициональное значение и установить денотаты выражений. Причина этого может заключаться, например, в том, что при отсутствии семантически обусловленных уточнений контекста синтаксис не всегда задает нам условия до конца однозначно. Точно так же из синтаксической недоопределенности возникают циклические или бесконечные процедуры установления значения. Уровень NC_1 соответствует группе случаев таких неточных условий. Эволюция естественного языка не дошла до тех ограничений, какие мы видим в формализованных языках. Однозначность значения выражений достигается в нем благодаря доступности для нас контекста и прагматики употребления выражений. Лишь в изоляции двусмысленности не получают уточнения и остаются генерирующими альтернативные варианты значения. Борьба с этим бессмысленно, поскольку естественная семантическая динамика предполагает постоянное доопределение значения, происходящее из знания контекста и прагматики. Вместе с тем было бы неразумно и неэкономно расширять сообщаемое явной презентацией контекста, пытаясь достичь того, чтобы в ситуации нулевой дополнительной информации выражения получали однозначное прочтение. Это сделало бы одни случаи коммуникации трудными, а другие — невозможными.

Итак, если процедура получения денотата строится и реализуется при наличии значительного объема неартикулированных в высказывании знаний, то недостача какого-либо фрагмента этого знания не есть проблема логико-семантическая. Хотя в случае та-

кой недостатчи логико-семантическим является вопрос о том, какого рода информация может и должна быть привлечена. Так, в случае NC_1 мы сталкиваемся с явлением недостатка знаний – семантических условий, когда мы просто не можем уточнить синтаксическую двусмысленность и добиться полной композициональности.

Как уже говорилось, то, что выходит за пределы NC_1 и относится к NC_2 , имеет иную природу. Она связана с порочностью самих семантических процедур установления денотации. Эта порочность не зависит от синтаксиса и возникает при наличии полной композициональности и полной определенности синтаксических связей в выражении. Понятно, что непосредственная причина здесь лежит в автореференции, которая возможна и в формализованных языках, если они богаты и если не приняты меры по ее предупреждению. Это же явление возникает при кроссреференции. Может возникнуть цикл в тех или иных условиях истинности, также завязанных на кроссреференцию: это имеет место в парадоксе неожиданной казни. В связи с этим возникает вопрос: существуют ли случаи NC_2 , не связанные с автореферентностью или импредикативностью? Независимо от ответа на этот вопрос можно с уверенностью полагать, что доопределить значение выражения до получения его полной однозначности и композициональности можно лишь в том случае, если весь требуемый комплекс знаний формирует композициональное значение на уровне смысла. Именно оно выступает в роли критерия и ориентира для доопределения значения и для установления того факта, что имеющееся значение однозначно и композиционально.

Здесь мы переходим в новую сферу, а именно в сферу динамики доопределений значения. Чтобы получить синтаксически композициональное выражение, нужен критерий композициональности. Последний в каждом конкретном случае работает со смыслом выражения, который должен быть адекватно передан. Выше описано понимание смысла как программы установления денотата. Но такое понимание смысла предполагает наличие готового выражения языка. В случае некомпозициональности NC_2 сохраняется возможность правильно понять намерения говорящего, т.е. с какой целью было использовано парадоксальное выражение и в чем состоит его парадоксальность. Это значит, что с парадоксальным выражением мы соотносим два объекта, выступающих в роли его смысла: первый – некомпозициональный, зацикленная процедура, второй –

выражение в контексте и прагматике его употребления; выше такая прагматика оценивается как «техническая». Синтаксическая композициональность, реализуемая действием набора синтаксических правил, играет роль строительных лесов для построения смысла первого рода. В то же время NC_1 возникает вследствие дефектов в работе этого вспомогательного средства, а NC_2 представляет собой дефект смысла как такового, реализованный поверх синтаксиса. Желая сформулировать парадоксальное выражение, имеют дело с наброском его смысла, т.е. с ожидаемым прагматическим эффектом. Но последний возникает из реализации этого смысла как семантической программы. «Плохой» смысл оказывается заложенным в «хорошую» синтаксическую оболочку с намерением. Мне представляется, что такое намерение может состоять лишь в семантической провокации. Ее цель — актуализация и совершенствование наших семантических способностей, что, как было показано выше, не является востребованным. Означает ли это, что в своей эволюции язык прошел период, когда композициональность была материалом, трудным для освоения, и что прагматика некомпозициональности есть не более чем рудимент? Ответить на этот вопрос трудно. Отмечу только, что, как было видно на примере применения автореференции к некомпозициональности, это семантическое явление оказывается артефактом семантики. Его логическая проблематика в полной мере пока еще не осмыслена.

Г.К. ОЛЬХОВИКОВ

Метаязыковые дескрипции и прагматика именования¹

В статье подводятся итог попыткам решения автором задачи Крипке о мнении и формализации этого решения в рамках развиваемой автором логической теории действий. Изложение как собственно решения, так и его формализации в настоящей статье отличается от предыдущих работ автора, во-первых, тем, что формализация решения дается в терминах знаний и мнений агента, а во-вторых, тем, что решение перестает зависеть от ряда метафизических фикций, предполагавшихся его более ранними версиями (таких, как агенты-события).

Введение

В настоящей работе дается целостное и систематическое изложение наших взглядов на прагматику и семантику собственных имен². Эти взгляды, с одной стороны, представляют собой до определенной степени реставрацию идей Фреге–Рассела о дескриптивной природе собственных имен, а с другой стороны, оказываются близки по духу к концепции наследования референции, лежащей в основе крипкеанского подхода к семантике собственных имен. Насколько нам известно, полностью аналогичные идеи не высказывались другими авторами, включая западных представителей аналитической философии, так что мы продолжаем считать, что нам удалось сформулировать если не новый подход к семантике и прагматике именования, то хотя бы новый вариант метадескриптивного решения хорошо известных философских проблем.

Развиваемый нами подход к анализу именования имеет две особенности. Во-первых, этот подход вырос из анализа вполне опреде-

¹ Работа подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 11-03-00608а) и РФФИ (грант № 11-06-00430а).

² См.: *Ольховиков Г.К.* Референция к действиям как основание для референции к объектам // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3. Общественные науки (в печати); *Он же.* Метаязыковые дескрипции и решение для задачи Крипке // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXII, № 2. С. 93–106.

ленной классической проблемы в данной области, а именно задачи Крипке о мнении (*puzzle about belief*). Поэтому в первой части работы мы подробно рассмотрим эту задачу и способ ее разрешения в метадескриптивной теории имен. Во-вторых, мы с самого начала не намеревались удовлетворяться неформальным или поверхностно-формальным подходом к поиску и изложению ответов на философские вопросы, доминирующие в современной аналитической философии. Мыслители, к которым так или иначе восходит большинство современных теорий именования (С. Крипке, Б. Рассел, Г. Фреге), внесли существенный вклад в развитие современной логики и строили свои теории значения имен собственных естественного языка, во многом имея в виду формальные языки. Более того, их построения во многом могут быть представлены как оправдания определенных стратегий формализации предложений естественного языка. Стало быть, хорошая теория именования хотя и допускает в разумной степени простое и адекватное неформальное изложение, должна быть вместе с тем формализуема. Невозможность формализовать теорию именования следует рассматривать как признак того, что эта теория не продумана до конца.

Одним из способов проверить основательность возникших у нас в ходе рассмотрения задачи Крипке предположений стала их формализация. Вариант такой формализации был получен нами в рамках варианта математической теории действий Δ , разработкой которой мы на тот момент занимались в рамках другого исследовательского проекта. Эта формализация имеет ряд очевидных достоинств: богатые выразительные возможности теории Δ позволяют предлагать более или менее прямолинейную запись основных моментов развиваемого нами варианта теории метадескрипций; попутно удалось получить формализацию некоторых важных понятий современной прагматики, например иерархии типов истинностных условий актов высказывания (*utterance acts*); наконец, использование теории Δ позволило свести все конструкции в прагматике именования к действиям и отношениям между ними, обеспечив существенное сокращение онтологических обязательств теории именования.

Закончив с неформальным обсуждением теории метаязыковых дескрипций, мы рассматриваем ее формализацию в рамках варианта теории Δ и даем обзор этой формализации во второй части настоящей статьи. По сравнению с упомянутыми выше работа-

ми, компиляцией которых во многом и является настоящая работа, здесь добавлены следующие моменты. Во-первых, несколько иначе толкуются затруднения с идентификацией агента в разных контекстах. Теперь при решении этой проблемы мы не опираемся на понятие агента-события, а полагаем, что проблема снимается как таковая, если мы дадим себе труд четко различать разные виды истинностных условий utterance acts. Во-вторых, в настоящей работе добавлено явное обсуждение эпистемических состояний, служащих предметом задачи Крипке, для чего излагаемая во второй части теория $\Delta(N)$ расширяется за счет операторов знания и мнения.

1. Задача Крипке о мнении

1.1. Два взгляда на значения имен собственных. Пожалуй, одним из самых важных событий в развитии философской теории именованя стало вытеснение классической теории дескрипций Фреге–Рассела картиной наследования референции, предложенной Крипке. Согласно Крипке, референция имени возникает в ситуации «наречения» референта данным именем неким пользователем языка, а затем наследуется другими пользователями, которые, столкнувшись с данным употреблением имени, решают использовать имя с тем же значением. Подобного рода наследование имени в единожды закрепленной за ним референции может происходить сколь угодно большое конечное число раз, в результате чего со временем имя может стать общеупотребимым в рамках данного сообщества в некоем единственном значении, несмотря на то что большинство (а может быть, и все) из существующих в нем членов могут быть не в состоянии дать однозначную дескрипцию референта данного имени, не содержащую порочного круга.

Для нас основное значение будут иметь сходства и различия между двумя указанными теориями, поэтому уделим некоторое внимание их более детальному описанию. Сам Крипке признает, что различия между его собственным и расселовским подходами к семантике имен не так уж велики. Скорее эти различия касаются того, что каждый из этих двух философов признает в качестве подлинных имен. Как известно, Рассел различал знание по знакомству и знание по описанию. Соответственно подлинными именами он был склонен считать лишь те имена естественного языка, чьи значения известны носителю данного идиолекта по знакомству. Кроме того, есть основания полагать,

что Рассел (в поздних версиях своей философии) вообще не считал, что столь сложные комплексы, как человек или, например, кошка, могут быть референтами подлинных имен. Но позволим себе отвлечься от этой особенности позиции Рассела. Тогда можно сказать, что если некий агент, допустим, Иван, видит на улице некоторого человека и говорит: «Вон тот субъект — брюнет», то и сторонник Рассела, и сторонник Крипке считали бы высказывание Ивана истинным, если и только если человек, на которого указал Иван, действительно является брюнетом. Причем с точки зрения обоих философов это условие имело бы силу «во всех возможных мирах»: в любой мыслимой ситуации оно было бы истинным, если и только если брюнетом был бы именно указанный человек.

Однако в случае, если носитель имени не известен нам из опыта, ситуация меняется. Например, высказывание «Аристотель — брюнет» сторонник Крипке все еще склонен был бы анализировать подобно разобранному выше высказыванию Ивана, тогда как сторонник Рассела, по всей видимости, предпочел бы следующий анализ: «Существует ровно один объект, удовлетворяющий D, и всякий такой объект является брюнетом». Здесь D означает описание, которое в идиолекте Ивана задает значение имени «Аристотель». Это может быть, например, «уроженец Стагиры, учивший Александра Македонского». Крипке критикует такой способ анализа суждения об Аристотеле, указывая на то, что хотя в реальном мире предложенная Расселом конструкция и может верно выражать условия истинности рассматриваемого суждения¹, в других возможных мирах, в которых D перестает быть определенной дескрипцией Аристотеля, указанная конструкция будет истинна, если и только если брюнетом является объект, удовлетворяющий D, независимо от того, какими свойствами обладает сам Аристотель. Например, если в некотором возможном мире единственным уроженцем Стагиры, учившим данного полководца, оказывается Демокрит, то указанная конструкция будет в этом мире истинна, если и только если Демокрит в нем является брюнетом независимо от естественного цвета волос Аристотеля.

1.2. Задача Крипке. Анализ примера с Аристотелем, как нам представляется, выявляет некоторые характерные затруднения для классической теории дескрипций. Однако крипкеанский подход

¹ При условии, что ровно один объект удовлетворяет D и этот объект действительно есть Аристотель.

также сталкивается с определенными трудностями, суть которых описана в статье Крипке¹. Несколько упрощая, суть этих проблем можно описать следующим образом. Интуитивно очевиден следующий принцип раскрытия кавычек (далее ПРК): если некий агент утверждает (с необходимыми оговорками насчет искренности и т.п. характеристик) «*p*», то он считает, что *p*. Сам по себе этот принцип может создать парадокс. Пусть, например, некто Иван в некоем контексте слышал про известного пианиста и композитора Падеревского. В результате того, что он о нем слышал, Иван склонен утверждать: «Падеревский — хороший музыкант». В соответствии с ПРК мы можем заключить, что Иван считает Падеревского хорошим музыкантом. Однако затем Иван в некотором другом контексте слышит о некоем политике Падеревском. Фактически этот политик и тот пианист, о котором Иван слышал до того, представляют собой одно и то же лицо. Однако Ивану это неизвестно, более того, он в принципе весьма скептически относится к попыткам политиков заняться музицированием. Поэтому теперь Иван склонен утверждать: «Падеревский не является хорошим музыкантом», думая, что он утверждает это о каком-то другом Падеревском. Однако если спросить его, кого он имеет в виду, то он пояснит: «Речь идет о том Падеревском, про которого я слышал там-то и тогда-то». А поскольку «там-то и тогда-то» речь шла о том же самом Падеревском, который является известным пианистом, объективно утверждение Ивана относится к тому же самому Падеревскому, о котором шла речь в его первом утверждении. Именно этот Падеревский является референтом обоих употреблений Иваном имени «Падеревский», хотя самому Ивану это неизвестно. Таким образом, по ПРК мы на основании второго утверждения Ивана заключаем, что он считает, что Падеревский не является хорошим музыкантом. Стало быть, в убеждениях Ивана содержится очевидное противоречие. Но это заключение является парадоксальным, ведь Иван, даже будучи гениальным логиком, ни за что не обнаружит этого «очевидного» противоречия, пока не узнает, что Падеревский-пианист и Падеревский-политик представляют собой одно и то же лицо, т.е. пока он не усвоит некий эмпирический факт². Крипке утверждает, что этот

¹ См.: *Kripke S. A Puzzle about Belief // Meaning and Use ; A. Margalit (ed.). Dordrecht : D. Reidel, 1979. P. 239–283.*

² Разумеется, остается возможность того, что между первым и вторым утверждениями Иван изменил свое мнение о Падеревском. Пример легко развить таким образом, чтобы это заключение также стало очевидным образом парадоксальным. Крипке фактически осуществляет такое развитие в статье “A Puzzle about Belief”.

парадокс неизбежно должен быть как-то рассмотрен и решен любой теорией, язык которой включает пропозициональные установки мнения, верования, убеждения и т.д. Соответствующую задачу мы будем называть *задачей Крипке*, а парадокс, рассматриваемый в рамках этой задачи, — *парадоксом Крипке*.

1.3. Парадокс Крипке и теория дескрипций. Учитывая, что крипкеанская теория именованности в силу парадокса Крипке также не является свободной от определенных затруднений принципиального характера, естественно задаться вопросом о том, сталкивается ли с аналогичными затруднениями классическая теория дескрипций. Как выясняется, в этой теории ПРК приводит к парадоксу Крипке лишь в сравнительно узком классе ситуаций, выполняющих довольно специфический набор условий. Если бы значения имен действительно определялись в соответствии с расселовской позицией, так, как она описана выше, то ПРК мог бы привести к указанному парадоксу лишь в том случае, когда значение имени как для Падеревского-политика, так и Падеревского-музыканта известны Ивану по знакомству. Например, слушая политическую речь Падеревского, Иван мог не узнать, что это тот же человек, на чьем концерте он был за пару недель до того, по причине другого ракурса, обстановки, слишком большого расстояния до сцены, так как Падеревский отпустил бороду и т.п. Тогда Иван мог бы сформулировать свои утверждения, из которых по ПРК следовала бы «очевидная противоречивость» его убеждений точно так же, как это показано в предыдущем разделе.

Однако если хотя бы в одном из этих случаев значение имени Падеревского известно Ивану по описанию, парадокса не возникает. Если значение имени Падеревского известно Ивану по описанию лишь в одном случае, причем это описание *D*, то ПРК дает нам, что Иван считает истинным одно из двух суждений:

- (1) Падеревский — хороший музыкант, и существует ровно один объект, удовлетворяющий *D*, причем ни один объект, удовлетворяющий *D*, не является хорошим музыкантом;
- (2) Падеревский не является хорошим музыкантом, и существует ровно один объект, удовлетворяющий *D*, причем всякий объект, удовлетворяющий *D*, является хорошим музыкантом.

Ни одно из этих утверждений не является противоречивым, хотя в данном конкретном случае оба они будут ложными. Если же

в обоих случаях имя Падеревский известно Ивану по описанию, то, поскольку речь идет об описаниях в одном и том же языке, либо хотя бы одно из этих описаний логически следует из другого, либо нет. Обозначим два этих описания Падеревского через D_1 и D_2 соответственно. Принцип раскавычивания дает нам следующее описание убеждений Ивана:

- (3) Существует ровно один объект, удовлетворяющий D_1 , причем ни один объект, удовлетворяющий D_1 , не является хорошим музыкантом, и существует ровно один объект, удовлетворяющий D_2 , причем всякий объект, удовлетворяющий D_2 , является хорошим музыкантом.

Если хотя бы одно из двух описаний логически следует из другого, то утверждения Ивана действительно образуют логическое противоречие. Однако в этом случае Иван может средствами одной лишь логики установить, что (3) противоречиво и что, более того, единственный объект, удовлетворяющий D_1 , совпадает с единственным объектом, удовлетворяющим D_2 . Если же ни одно из этих описаний из другого не следует, то (3) непротиворечиво и для установления его ложности необходимо обращение к опыту. Ни в том, ни в другом случае парадокса Крипке не возникает.

В то же время ситуация с парадоксом Крипке в классической теории дескрипций существенно ухудшается при условии, что допускается существование нескольких языков и следующего принципа перевода: если p есть истинное утверждение некоторого языка и q есть верный перевод p на некоторый другой язык, то q есть истинное утверждение этого другого языка. В этих условиях парадокс можно получить даже для ситуаций, когда значения имен известны некоторому данному носителю языка по описанию. Допустим, что Пьер является французом, живет во Франции и не знает других языков, кроме французского. На основании того, что ему становится известно в ходе такой его жизни, он высказывает утверждение: “Londres est jolie” (Лондон красив). Затем он попадает в лондонские трущобы, где все люди, с кем он общается, владеют исключительно английским языком. Пьер усваивает с помощью «прямого метода обучения» достаточный фрагмент английского языка для того, чтобы понять, что город, в котором он живет, называется на этом языке “London”, и сделать утверждение “London is not pretty”, поскольку этот город он красивым не считает и не отождествляет его с “Londres” из первого своего утверждения. Применяя теперь фран-

пузскую и английскую версии принципа раскавычивания к утверждениям Пьера, понятым в духе крипкеанской теории именованья, т.е. считая “Londres” и “London” подлинными именами, мы получаем следующие выводы:

(4) *Pierre croit que Londres est jolie.*

(5) *Pierre believes that London is not pretty.*

Принцип перевода теперь позволяет нам, как и выше, сделать вывод о существовании следующего «очевидного противоречия» в утверждениях Пьера: он считает, что Лондон красив и что Лондон не является красивым. Однако, как и выше, для того чтобы увидеть это «очевидное противоречие», Пьеру недостаточно обладать способностями к логическому мышлению — он должен, кроме того, установить (эмпирически) соотношение между значениями имен английского и французского языков¹.

Сходный парадокс возникает и тогда, когда Пьер знает значения французской и английской версий имени «Лондон» по описанию. В этом случае лучше предположить, что он усваивает английский язык, скажем, в трущобах Бирмингема, и в своих суждениях о “London” руководствуется исключительно оценками своих соседей по трущобам, посещавших в Лондоне в основном разного рода значные места. Проблема здесь в том, что эти описания, задающие значения имен “Londres” и “London”, могут оказаться переводами друг друга, но не будут опознаны Пьером в качестве таковых из-за того, что его языковые познания не позволяют ему соотнести встречающиеся в этих описаниях собственные имена. Например, дескрипции, задающие значения указанных имен, могут быть соответственно французским и английским вариантом дескрипции «город в Англии, где расположен Букингемский дворец». Пьер может не знать, что имена “England” и “l’Angleterre” и “Buckingham Palace” и “le Palais de Buckingham” являются переводами друг друга, и даже считать, что “England” и “l’Angleterre” являются именами различных стран. Соответственно применение принципа раскавычивания к двум приведенным выше утверждениям Пьера дает нам следующие высказывания:

(6) *Pierre croit qu’il y a seulement une ville en Angleterre où se trouve le Palais de Buckingham, et chaque ville comme celle-ci est jolie.*

¹ Пример про Пьера также взят из упомянутой статьи Крипке.

(7) Pierre believes that there is exactly one city in England, where Buckingham Palace is located, and every such city is not pretty.

Далее применение принципа перевода к (6) и (7) позволяет получить вывод о том, что Пьер считает: имеется лишь один город в Англии, где расположен Букингемский дворец, и любой такой город красив, и в то же время любой такой город не является красивым. Вновь убеждения Пьера оказываются содержащими «очевидное противоречие», которое, однако, может быть устранено лишь после того, как эмпирическим путем будут установлены некоторые факты о соотношении двух языков.

1.4. Теория метаописаний и решение задачи Крипке. Начнем с ряда общих замечаний. Во-первых, очевидно, что идиолект данного пользователя языка изменяется от одной ситуации его использования к другой — в нем появляются новые слова, а значения уже имеющихся слов пересматриваются. Поэтому под идиолектом пользователя *a* некоторого данного языка *L* в контексте *c* мы будем понимать «моментальный снимок» состояния идиолекта пользователя в данном контексте. В дальнейшем, говоря об идиолектах пользователей, мы всегда будем подразумевать, что речь идет об идиолектах в некотором контексте, хотя сам этот контекст не всегда будет указываться явным образом. Во-вторых, точная формулировка как «картины», положенной в основание крипкеанской теории именования, так и принципов раскавычивания и перевода, входящих в формулировку задачи Крипке, неизбежно требует выхода на уровень метаязыка (разумеется, и сам язык может включать в себя большие фрагменты собственного метаязыка). Оператор кавычек, без которого невозможна формулировка принципа раскавычивания, по природе своей является метаязыковым. Но и логическая суть операции «наследования» референции данного имени от некоторого другого пользователя языка, описанная в самом начале этой статьи, с необходимостью отсылает к метауровню. Пользователь-наследник неизбежно принимает в ходе этой операции что-то вроде следующего решения: «Я буду использовать имя “*n*” в том же значении, в котором его использовал пользователь *a* в контексте *c*». То есть пользователь-наследник использует свой идиолект для того, чтобы говорить об использовании некоторым другим пользователем идиолекта этого другого пользователя и о значениях имен в этом другом идиолекте. Иными словами, идиолект пользователя-наследника выступает как метаязык для идиолекта пользовате-

ля, от которого наследуется референция данного имени. Однако идиолект пользователя-наследника в этом случае выступает как «локальный» метаязык — он используется в качестве языка лишь для идиолектов таких пользователей, от которых данный пользователь заимствует определенные языковые выражения, и в тех контекстах, в которых делаются эти заимствования. Сам такой локальный метаязык может стать языком-объектом для идиолекта некоторого другого пользователя, например если этот другой пользователь сам унаследует от пользователя-наследника референцию данного имени.

Суть предлагаемого решения задачи Крипке состоит в том, что значение данного имени в идиолекте пользователя, унаследовавшего его из идиолекта некоторого другого пользователя, представляет собой *особого рода метаязыковую дескрипцию*. Например, если пользователь a_1 , услышав употребление пользователем a_2 в контексте c_2 имени «Аристотель», решил заимствовать это имя и употреблять его в той же референции, то если он реализует это решение, высказав в контексте c_1 суждение «Аристотель (был) брюнет», правильным анализом значения его суждения будет следующая конструкция:

- (8) Существует ровно один объект, являвшийся референтом слова «Аристотель» в процессе его употребления a_2 в контексте c_2 , и всякий такой объект — брюнет.

Поскольку, таким образом, любое предложение с именем собственным, заимствованным от некоторого другого пользователя языка, будет фактически утверждением об объекте некоторой определенной дескрипции, сам по себе принцип раскавычивания, как было отмечено выше, уже не приводит к парадоксу Крипке.

Однако что произойдет, если мы добавим в эту картину принцип перевода и рассмотрим приведенный выше случай с Пьером? Предположим, что референцию имени “Londres” Пьер заимствовал от пользователя a_1 в контексте c_1 , а значение имени “London” — от пользователя a_2 в контексте c_2 . Пусть в некоем контексте c_3 Пьер делает одно за другим два утверждения “Londres est jolie” и “London is not pretty”. В контексте c_3 идиолект Пьера, состоящий частью из английского, а частью из французского языка, выступает как метаязык для идиолекта a_1 в c_1 и идиолекта a_2 в c_2 . В соответствии с предложенным решением правильный анализ смысла этих утверждений выглядит так:

(9) Il y a seulement un objet dénoté par le mot ‘Londres’ que a_1 prononce dans c_1 , et chaque objet comme celui-ci est joli.

(10) There is exactly one object referred to by the word ‘London’ uttered by a_2 in c_2 and every such object is not pretty.

Применяя к (9) и (10) принцип перевода вместе с принципом раскавычивания, получаем, что Пьер считает, что имеется ровно один объект, являющийся референтом слова “Londres” в процессе его употребления a_1 в контексте c_1 , и всякий такой объект красив, и в то же время имеется ровно один объект, являющийся референтом слова “London” в процессе его употребления a_2 в контексте c_2 , и всякий такой объект не является красивым. Мы видим, что метаязыковые дескрипции, задающие для Пьера значения имен “Londres” и “London”, *даже после их перевода на некий общий язык* в принципе не могут совпасть хотя бы в силу того, что значения этих имен усвоены Пьером в различных контекстах, а имена этих контекстов составляют существенную часть данных дескрипций. Стало быть, перевод суждений (9) и (10) на некий общий язык не дает нам в этом случае того «очевидного» противоречия, которое и составляло парадокс Крипке в примерах, разобранных в п. 1.2 и 1.3.

Однако что делать в таком случае с ситуацией, когда значения имен не задаются для пользователя языка некой дескрипцией, а известны ему по знакомству? В этом случае, как мы упоминали выше, для получения парадокса Крипке достаточно одного принципа раскавычивания. Заметим, что знание о значении имени по знакомству не исключает заимствования этого имени у некоторого другого пользователя, а в этом случае имя, согласно предложенному решению, все-таки не будет «подлинным именем». Например, в случае знания Иваном по знакомству Падеревского-пианиста и Падеревского-политика скорее всего он не сам решил называть этих двух, как ему казалось, разных людей одним и тем же именем — он принял такое решение под влиянием употребления этого имени другими носителями языка, например конферансье. В этом случае значение имени для Ивана все равно будет задавать именно та метаязыковая дескрипция, общий принцип построения которой был описан выше.

Но предположим — хотя здесь наш пример уже теряет всякую естественность — что Иван сам решил называть этих двух, как ему казалось, разных людей одним и тем же именем «Падеревский». Как тогда будет выглядеть анализ значений сделанных им утверж-

дений? Эта последняя модификация примера с Падеревским поднимает более общий вопрос: как понимать значения суждений с собственными именами, изобретенными самостоятельно, а не заимствованными у других пользователей?

Прежде всего отметим, что изобретение имени и его первое использование все-таки представляют собой различные действия. Если пользователь употребляет имя в некотором данном значении, значит он *уже решил* использовать его в этом значении — решил, стало быть, в некоторый более ранний момент и, вообще говоря, в некотором более раннем контексте. Стало быть, употребляя данное имя согласно принятому решению, он опять-таки заимствует эту референцию — но заимствует у себя же более раннего. Правда, в данном случае метаязыковая дескрипция, задающая значение имени, будет выглядеть несколько иначе. Если, например, в контексте c_1 пользователь a решил назвать свою аквариумную рыбку Аристотелем, то, применяя имя «Аристотель» в данном значении в контексте c_2 в ходе утверждения «Аристотель не является человеком», он фактически утверждает следующее:

- (11) Существует ровно один объект, выбранный референтом слова «Аристотель» пользователем a в контексте c_1 , и всякий такой объект не является человеком.

В частности, применяя этот анализ к случаю, когда Иван сам решает именовать Падеревского одним и тем же именем в разных контекстах — обозначим эти контексты c_1 и c_2 соответственно, — мы получаем следующий анализ:

- (12) Существует ровно один объект, являвшийся референтом слова «Падеревский» в процессе задания Иваном значения этого имени в контексте c_1 , и всякий такой объект — хороший музыкант.
- (13) Существует ровно один объект, являвшийся референтом слова «Падеревский» в процессе задания Иваном значения этого имени в контексте c_2 , и всякий такой объект не является хорошим музыкантом.

Вновь оказывается, что убеждения Ивана непротиворечивы, ведь могло оказаться, что в процессе задания значения для имени «Падеревский» в этих разных контекстах он выбрал в качестве референтов этого имени разные объекты.

Таким образом, собственное имя является метаязыковой дескрипцией даже в тех случаях, когда значение этого имени известно употребляющему его пользователю языка по знакомству.

1.5. Рассмотрение некоторых возражений. Хотя рассмотренное решение исключает возникновение парадокса Крипке, против него может быть выдвинут ряд возражений. Прежде всего, раз мы возвращаемся к взгляду на имена как на особого рода дескрипции, то как нам удастся избежать высказанной Крипке критики в адрес расселовской теории дескрипций? Дело в том, что мы допускаем в качестве значений имен не любые дескрипции, а дескрипции особого рода, к которым крипкеанская критика неприменима. Действительно, что может она означать применительно к описанным выше метаязыковым дескрипциям? Утверждая, например, что «Аристотель брүнет», Иван фактически утверждает (8). Может ли существовать такой возможный мир, в котором условия истинности (8) будут зависеть не от естественного цвета волос Аристотеля? В таком возможном мире в контексте c_2 пользователь a_2 должен был бы назвать именем «Аристотель» не Аристотеля, а кого-нибудь другого, например Демокрита; однако как это могло быть возможно? Контекст, задающий значения любых слов, которые могли бы быть высказаны в нем, охватывает как саму ситуацию и намерения пользователей в ней, так и предшествующую этой ситуации историю мира — легко показать, что если бы контекст не включал в себя эти моменты, то некоторые значения слов, которые могли бы быть высказаны в этом контексте, были бы зависимы от их изменений, следовательно, вопреки предположению, контекст в действительности не задавал бы значения этих слов¹. Стало быть, в этом возможном мире ситуация, в которой a_2 сделал бы свои утверждения об «Аристотеле», предшествующая история мира и намерения a_2 назвать этим именем Аристотеля, а не Демокрита, были бы точно такими же, как и в реальном мире. Мыслима ли при этих условиях ситуация, в которой референтом имени «Аристотель» все-таки оказался бы Демокрит? Интуитивно очевидно, что такая ситуация немыслима.

¹ Можно привести аргументы в пользу того, что в отдельных случаях контекст должен включать также фрагменты будущей истории мира. Однако тезис о том, что контекст должен включать в себя всю будущую историю данного мира, уже не столь убедителен. Таким образом, вполне правдоподобным оказывается предположение о том, что один и тот же контекст может возникать в разных возможных мирах.

Таким образом, крипкеанская критика теории дескрипций неприменима к тем метаязыковым дескрипциям, которые, согласно предложенному решению, задают значения имен собственных. Однако как легко заметить, в указанных метаязыковых дескрипциях также фигурируют собственные имена — имена пользователей языка и контекстов. Если мы утверждаем, что значения *всех* имен задаются метаязыковыми дескрипциями, то нам следует явным образом указать, какие дескрипции соответствуют значениям этих имен. Мы, однако, этого вовсе не утверждаем — например, имена контекстов являются, с нашей точки зрения, подлинными именами в тех случаях, когда пользователь языка знает о значениях этих имен по знакомству, т.е. сам участвовал в этих контекстах. Если же некоторый контекст c_1 непосредственно не знаком некоторому пользователю a_1 , то, следовательно, он заимствовал свои знания об этом контексте у некоторого другого пользователя a_2 в некотором другом контексте c_2 — при этом он непосредственно знаком и с a_2 и с c_2 . Стало быть, значение имени контекста c_1 будет задаваться для этого пользователя метаязыковой дескрипцией указанного вида, в которой и a_2 и c_2 будут фигурировать как подлинные имена, уже в свою очередь к дескрипциям не сводимые. К именам агентов мы хотели бы применить ту же стратегию, что и к именам контекстов, т.е. считать их подлинными именами в идиолекте некоторого данного агента тогда и только тогда, когда он непосредственно знаком с референтами этих имен. К сожалению, эта стратегия сталкивается с определенными трудностями — если проблемы различения контекстов во многом снимаются их неповторимостью и уникальностью, то один и тот же агент может фигурировать в различных контекстах и не быть опознан пользователем как один и тот же агент. Каким образом такое может произойти, показывает, в частности, разобранный выше пример, в котором Иван дважды сталкивается с Падеревским, но оказывается не в состоянии понять, что в двух этих различных контекстах он столкнулся с одним и тем же пользователем языка. Таким образом, признание имен агентов в качестве подлинных даже только в тех случаях, когда значения этих имен известны пользователю языка по знакомству, создает опасность повторного возникновения парадокса Крипке.

Для того чтобы избежать этой опасности, мы ввели различие собственно агентов и агентов-событий¹. Если собственно агент —

¹ См.: *Ольховиков Г.К.* Метаязыковые дескрипции и решение для задачи Крипке.

это агент «в обычном смысле слова», например Аристотель, Крипке или Падеревский, то агент-событие — это пространственно-временная локализация собственно агента в некотором контексте, в который входит этот агент. Примером агента-события является, например, Цицерон в момент произнесения им «O tempora! O mores!». Однако в настоящее время наши взгляды на эту проблему изменились, и мы считаем, что можем дать более естественное и убедительное ее решение, не привлекая для этого конструкции (в общем-то имеющую *ad hoc* характер) агентов-событий. Заметим, что собственные имена агентов нам абсолютно необходимы лишь для контекстов вида:

(14) Существует ровно один объект, являвшийся референтом имени «*n*» в процессе его употребления *a* в контексте *s*...

В тех же случаях когда, мы обсуждаем не акты именованя данного агента, а его качества как политика или музыканта, мы вполне можем подставить вместо его собственного имени соответствующую метаязыковую дескрипцию. Далее, как следует из разбора номенклатуры видов истинностных условий *utterance acts* во второй части настоящей работы, в ряде контекстов правильная интерпретация этих актов предполагает по сути связывание одного или обоих собственных имен в (14) квантором существования. В этих случаях для нас важно лишь то, что *кто-то* произвел те или иные акты именованя, а уж сделал ли это один и тот же или разные агенты, для нас совершенно не важно. В частности, мы приведем в п. 2.5 аргумент в пользу того, что эпистемические контексты вроде «Пьер считает, что» *всегда* ведут к связыванию квантором существования имени агента, от которого наследуется референция собственного имени. Тем самым снимается сама возможность для возникновения парадокса Крипке с участием такого рода собственных имен.

Напоследок ответим еще на один вопрос, который ставит Крипке: во что же верит Пьер? Приходится допустить, что верования Пьера имеют лишь косвенное отношение к тому сложному объекту, который в различных языках обозначается именами «Лондон» “London” и “Londres”. По сути Пьер приписывает некие свойства не Лондону, а ранее совершенным языковым действиям, свидетелем и/или участником которых ему довелось быть. Пьер верит в то, что два различных объекта данных им метаязыковых дескрипций обладают определенными свойствами; иными словами, подлинным объектом веры Пьера является не известный нам англий-

ский город, но ранее произведенные языковые действия, свидетелем которых он стал. По описанным выше причинам Пьер приходит к определенным убеждениям относительно смысла этих действий: он приобретает уверенность в том, что в ходе одного из них упоминался некий единственный красивый объект, а в другом — некий единственный некрасивый объект. Эти верования Пьера фактически не могут быть одновременно истинными, но они не образуют и противоречия. Таким образом, именно языковые действия и только они могут быть в конечном счете референтами подлинных имен. В указанном смысле границы нашего мира суть границы нашего языка.

1.6. О возможных формализациях теории метаязыковых дескрипций.

Теория именованя, намеченная выше неформальным образом в связи с обсуждением задачи Крипке, может быть формализована и тем самым уточнена различными способами и в различных базовых онтологиях. Разумеется, не все возможные подходы к ее формализации одинаково удачны и естественны. Как следует из описания этой теории, приведенного в первой части настоящей статьи, логически подлинными собственными именами в соответствии с данной теорией всегда являются именами агентов или контекстов употребления языковых выражений. В свою очередь контекст выражения охватывает по сути всю предыдущую историю мира, в частности те действия и состояния, которые соответственно были совершены или случились до момента и в момент употребления того или иного языкового выражения. Как уже было сказано, контекст может охватывать и фрагменты возможных будущих историй мира, однако это происходит лишь в достаточно специфических ситуациях, например когда речь идет о намерениях того или иного агента. Поэтому при формализации намеченной выше теории метаязыковых дескрипций мы отвлечемся от этой достаточно экзотической возможности и будем предполагать, что контекст целиком и полностью определяется прошлым и настоящим рассматриваемого акта словоупотребления.

Итак, в число потенциальных референтов логически подлинных собственных имен нашей теории входят агенты, состояния дел (как части контекстов), действия (как минимум языковые) и истории (или как минимум начальные сегменты таких историй). Однако не все эти виды сущностей обязаны присутствовать в базовой онтологии формализма, с помощью которого мы намерены экспли-

цировать теорию метадескрипций. Например, истории в конечном счете представляют собой комплексы состояний дел и действий, а многие распространенные подходы к моделированию множества возможных историй мира предполагают ветвление возможных историй мира лишь в будущее, что позволяет однозначно кодировать начальные сегменты возможных историй действиями и состояниями дел, представляющими их точную временную границу «сверху», т.е. со стороны будущего. Кроме того, во многих формализмах действия представляются в виде логических конструкторов над множеством состояний дел, что также позволяет сократить число базовых категорий объектов. Противоположная тенденция, а именно представление состояний дел как логических конструкций над множеством действий, распространена значительно меньше. Однако этот последний подход представляется наиболее интересным в философском отношении, поэтому свой обзор возможностей формализации теории метаязыковых дескрипций мы начинаем с теории Δ , где во главу угла кладутся именно действия, а не состояния дел.

Таким образом, круг возможных референтов логически собственных имен сужается до двух категорий сущностей, одной из которых являются агенты, а другой — действия. Как мы увидим в дальнейшем, опираясь на ресурсы теории Δ , можно пойти еще дальше и сократить число таких категорий до одной.

2. Теория метаязыковых дескрипций как расширение теории Δ

2.1. Основы теории Δ . В исходном варианте Δ является теорией во второпорядковой логике. Индивидуальные переменные Δ пробегают множество действий особого вида, а именно возможных коллективных действий-событий некоторого сообщества возможных агентов.

Мы не будем здесь пояснять понятие возможного действия, считая его исходным. Зафиксировав понятие возможного действия, возможным агентом будем считать агента, активного в ходе хотя бы одного из возможных действий. Коллективным действием сообщества будем считать действие, охватывающее собой активность всех существующих членов этого сообщества, происходящую в период между началом и окончанием данного действия. На-

конец, поясним смысл термина «действие-событие». Универсум всех действий мы подразделяем на две существенно различные онтологические категории: действия-типы (или действия-универсалии) и действия-события (или действия-партикулярии). Действия-типы чаще всего приводятся в философской литературе в качестве примеров действий; это такие действия, как «открытие двери» или «опускание монеты в автомат»; они могут быть реализованы различными способами и в разных ситуациях. Под реализацией таких действий могут пониматься разные конструкции, более или менее детально описывающие способ и обстоятельства осуществления действий-типов. Например, «открытие двери на кафедру логики философского факультета МГУ» или «опускание 5-рублевой монеты в кофейный автомат 1 ноября 2012 г.» могут рассматриваться как реализации указанных действий-типов. Однако приведенные выше реализации, разумеется, и сами являются действиями-типами, которые допускают многочисленные и разнообразные реализации.

Переходя от действий-типов к все более детальным их реализациям, в идеальном пределе получаем действия-события в качестве последней, наиболее конкретной реальности, в которую действие-тип может быть воплощено. Из указанной конструкции действий-событий не следует, однако, ни то, что эти действия не могут пересекаться в пространстве и времени, ни пространственно-временная непрерывность этих действий. Тем не менее мы предполагаем, что совокупность действий-событий, представляющая собой область значений индивидуальных переменных нашей теории, обладает и этими дополнительными свойствами. Такое соглашение ведет к отбрасыванию некоторых действий-событий из области нашей теории. Очевидно, что такое отбрасывание может быть проведено разными способами. Эти различные способы приводят к возникновению различных моделей нашей теории.

Теория Δ включает всего пять исходных предикатных констант, выделяющих существенные для анализа любой деятельности связи между описанными выше действиями. Это, во-первых, причинные связи, во-вторых, отношения между действиями и агентами (рассматриваемые косвенно, так как агенты сами по себе не входят в предметную область теории) и, в-третьих, оценки агентами тех или иных действий других агентов (возможно, самих себя). Эти исходные предикаты имеют следующие обозначения и смысл:

- ◇ $B(x,y,z)$ – совершение x может привести сообщество к выбору между y и z (не обязательно только этими двумя действиями). Так что, например, высказывание «совершение x может открыть возможность для совершения y » можно записать как $B(x,y,y)$;
- ◇ $Ag(x,y)$ – имеется хотя бы один агент, активный при совершении как x , так и y .

Три оставшихся предиката (из которых два задают позитивные и негативные оценки соответствующих действий) мало связаны с последующим изложением, и мы не будем обсуждать их детально.

Несмотря на кажущуюся скупость языковых средств нашей теории, она позволяет определить многие понятия, важные с точки зрения прагматики и семантики собственных имен. В частности, в том, что касается агентов и их отношений к действиям, эта теория позволяет корректно определить следующие контексты:

- ◇ все агенты, активные при совершении действия x , активны и при совершении действия y ;
- ◇ при совершении действия x активны в точности те же агенты, что и при совершении действия y ;
- ◇ при совершении действия x активен ровно один агент.

Все это позволяет однозначно описать действующих в сообществе агентов, отталкиваясь от совершаемых ими действий, выбирая в качестве представителя данного агента любое возможное действие, при совершении которого активен только этот агент¹. Используя представление агентов через их действия, можно далее описать в теории Δ другие важные контексты, например:

агент, представленный действием y , существует в ходе совершения действия x (хотя этот агент, быть может, и не активен при совершении действия x).

Таким образом, агенты в нашей теории кодируются особым вида действиями. То же можно сказать и о контекстах. Как уже было сказано в 1.6, в рамках настоящей статьи мы ограничимся лишь теми видами языковых актов, для которых можно предполагать, что

¹ Точную формулировку результата о представлении агентов см.: *Olkhovikov G.K. Second-Order Theory Δ as a Tool for Description of Modal Semantics // Advances in Modal Logic 2010. 24–27 August. 2010. Moscow, Russia. Extended Abstracts. М.: Steklov Mathematical Institute, 2010. P. 53–57. Theorem 6.* Более подробную характеристику и философскую дедукцию исходных принципов Δ см.: *Ольховиков Г.К. Теория Δ : философские основания аксиоматизации // Полигнозис. 2010. № 3. С. 129–140.*

контекст включает в себя только текущую ситуацию вместе со всеми ей предшествовавшими.

Любая ситуация включает в себя как статические, так и динамические моменты, где к первым можно отнести исходное состояние мира, а ко вторым — осуществляемую в этом состоянии деятельность. Динамические моменты любой текущей ситуации максимально полно представлены соответствующим действием-событием из предметной области нашей теории. Однако исходное состояние мира, в котором осуществляется данное действие-событие, также однозначно кодируется этим действием. В самом деле, действия-события представляют собой последнюю наиболее конкретную реализацию соответствующих действий-типов, а потому сами действия-события не могут иметь две различные (и потому более конкретные, чем эти действия-события) реализации. Стало быть, действия-события неповторимы и каждое из них может быть реализовано лишь в одном состоянии мира¹.

После того как мы убедились, что действия-события из предметной области нашей теории однозначно кодируют как динамические, так и статические моменты текущей ситуации, задача представления контекстов фактически решена. Дело в том, что из аксиом, накладываемых в теории Δ на отношение причинности B , следует, что это отношение является отношением частичного порядка, ветвящегося в будущее. Таким образом, у каждого состояния мира в любой модели нашей теории имеется ровно одна последовательность предшествовавших ему состояний мира и действий, осуществленных в этих состояниях. Для того чтобы однозначно зафиксировать эту последовательность (а вместе с ней и контекст, возникающий в данной текущей ситуации во всей его полноте), достаточно зафиксировать саму эту ситуацию, для чего в свою очередь, как мы показали выше, достаточно указать на осуществляемое в данной ситуации действие-событие.

Итак, действия-события, составляющие предметную область теории Δ , в одном отношении могут рассматриваться как коды действующих агентов, а в другом отношении — как коды состояний мира и тем самым возникающих в этом мире контекстов. Для того что-

¹ В то же время в каждом состоянии мира может быть реализовано множество разных действий-событий (фактически, конечно же, произойдет только одно из них, а все прочие останутся лишь контрфактическими альтернативами к этому действию-событию).

бы дать в рамках этой теории описание семантики и прагматики имен собственных, не хватает еще двух компонентов: самих имен и объектов, которые могут выступать их значениями. Отсутствие этих компонентов в теории Δ вполне ожидаемо, поскольку теория задумывалась нами как общая философская теория действий и применение ее к анализу действий с помощью слов и по отношению к словам требует расширения этой общей теории до некоторого ее прикладного варианта, учитывающего специфику обращения с именами в естественном языке. Ниже мы даем набросок такого расширения.

2.2. Теория $\Delta(N)$. Теория $\Delta(N)$, по причинам, которые станут ясны ниже, представляет собой расширение не теории Δ как таковой, а ее первопорядкового фрагмента, и является теорией в монадической второпорядковой логике с одной из нестандартных семантик, а именно с семантикой Хенкина¹. Вместе с тем стандартными моделями $\Delta(N)$ мы по-прежнему будем считать лишь модели, удовлетворяющие полной второпорядковой версии Δ , несмотря на то что некоторые аксиомы исходной теории становятся невыразимыми в новых условиях. Поскольку теория $\Delta(N)$ носит прикладной характер, мы допускаем использование индивидуальных и предикатных констант, которые далее будем обозначать буквами a, b, c, d, \dots и P, Q, R, S соответственно.

Смена (относительно исходной версии теории Δ) характера базовой логики и семантики связана с принимаемым нами в рамках $\Delta(N)$ подходом к представлению именуемых объектов в тех случаях, когда эти объекты отличны от агентов и контекстов. Прежде всего заметим, что объект может быть однозначно отождествлен с множеством возможных состояний мира, в которых этот объект существует. Если два объекта различны, то возможно состояние мира, в котором один объект отсутствует, тогда как другой существует. Значит, для любых двух различных объектов соответствующие множества состояний мира будут различны. Поскольку любое возможное состояние мира кодируется некоторым действием, объект оказывается попросту свойством действий, верным для тех и только тех действий, которые доступны в состояниях мира, в которых есть этот объект. Иными словами, потенциальным объектом является любое

¹ См., например: *Shapiro S. Foundations without Foundationalism. Oxford University Press, 1991. Ch. 3.3.*

свойство действий, охватывающее вместе с данным действием все его альтернативы (что, конечно же, нетрудно записать в виде формулы теории Δ).

Все ли потенциальные объекты являются фактическими объектами, т.е. потенциальными значениями имен? Решение этого вопроса зависит от принимаемой онтологии. Утвердительный ответ на него потребовал бы весьма либеральной концепции объектов, вроде той, что придерживается У. Куайн¹, но с многочисленными уточнениями и усложнениями. Отрицательный ответ ближе к интуитивному пониманию объекта: с точки зрения здравого смысла очевидно, что возможны такие изменения в состоянии мира, которые не меняют множества существующих в нем объектов. В таком случае необходимо зафиксировать некоторое множество выделенных одноместных предикатов над действиями, которые представляли бы объекты, и потребовать, чтобы все прочие предикаты аналогичной формы не могли быть объектами именованя. Этот путь более заманчив, но он связан с определенными проблемами: ограниченная квантификация над предикатами, вообще говоря, требует ресурсов логики третьего порядка, тогда как наша теория сформулирована во второпорядковой логике. Вместе с тем дальнейшее изложение задействует второпорядковые ресурсы лишь в целях квантификации над объектами, что предоставляет довольно простой выход из указанного затруднения, упомянутый в начале п. 2.2: мы предполагаем, что совокупность объектов и является областью, которую пробегают переменные для одноместных предикатов. Тем самым вместо стандартной второпорядковой логики мы получаем монадическую второпорядковую логику с семантикой Хенкина. При этом естественным условием, выполнение которого будем в дальнейшем предполагать, является возможность для каждого объекта существовать независимо от всех прочих объектов, формальным выражением которой служит то, что объем любого из выделенных предикатов содержит хотя бы одно действие, которое отсутствует в объемах всех прочих выделенных предикатов.

Поскольку мы хотели бы представить в $\Delta(N)$ не только именование объектов, но и предикацию по отношению к ним, нам требуется достаточный запас предикатных констант, причем каждый n -местный предикат над объектами мы будем представлять посредством

¹ См., например: *Quine W.V.O. Worlds Away // The Journal of Philosophy. 1976. Vol. 73, № 22. P. 859–863.*

$(n + 1)$ -местного предиката над действиями следующим образом. Если, например, P – некоторое свойство объектов в метаязыке $\Delta(N)$, то представляющий его в рамках $\Delta(N)$ двухместный предикат Q будет истинным для пары действий x, y , если и только если y является представителем состояния дел, в котором существует некоторый объект O , такой, что в состоянии дел, представителем которого является x , O обладает свойством P . Такое определение является корректным в силу введенного выше условия логической независимости любого данного объекта от всех прочих объектов.

Наконец, нам необходимы имена для наших объектов. Поскольку число *фактически используемых в любой данный момент* имен в любом (даже формальном) языке всегда конечно, мы можем обойтись счетно-бесконечным списком собственных имен N_1, \dots, N_n, \dots

Каждому из этих имен в теории $\Delta(N)$ соответствует трехместное отношение особого вида. Например, $N_1(x, y, z)$ верно, если и только если в состоянии мира, представленном x , агент, представленный действием-событием y , именуется посредством имени N_1 некоторый единственный объект O , причем действие z обладает выделенным свойством, соответствующим этому объекту O . При этом предполагается, что любой удачный акт именования или упоминания имени сопоставляет этому имени в качестве его значения некоторый единственный объект. В противном случае акт именования считается неудавшимся, а соответствующее отношение – пустым для данных значений x и y .

Такая позиция предполагает принятие следующей аксиомы:

$$(A1_i) \forall xyz(N_i(x, y, z) \rightarrow \exists X(\forall w(X(w) \leftrightarrow N_i(x, y, w)))$$

для любого натурального i^1 .

Кроме предикатов для имен нам необходим предикат для актов референции. Согласно теории, предложенной Крипке² и принятой нами³, главным средством осуществления референции к объекту является ссылка (необязательно явная) на некое ранее бывшее употребление этого имени (исключением является ситуация, когда

¹ Мы не ставим целью дать полную аксиоматизацию $\Delta(N)$, упоминая формулы, которые мы хотели бы видеть в качестве ее аксиом и теорем лишь для иллюстрации тех или иных неформальных утверждений.

² См.: *Kripke S. Naming and Necessity.* Harvard University Press, 1980.

³ См.: *Ольховиков Г.К. Метаязыковые дескрипции...*

имя нарекается, т.е. вводится в этом значении посредством нового соглашения). Данный механизм референции мы представляем в теории $\Delta(N)$ в качестве счетно-бесконечного семейства четырехместных отношений

$$\text{Ref}_1, \dots, \text{Ref}_n, \dots,$$

где, например, $\text{Ref}_i(x, y, x_1, y_1)$ верно, если и только если в состоянии дел x агент y употребляет имя N_i в том же смысле, в каком агент y_1 употребил это имя в состоянии дел x_1 . Предположим, что в каждый данный момент агент в состоянии сослаться лишь на одно предшествующее употребление любого данного имени и что поэтому для данных значений x, y, i существует не более чем одна пара значений x_1, y_1 для которых верно $\text{Ref}_i(x, y, x_1, y_1)$. В частности, будем предполагать, что $\text{Ref}_i(x, y, x, y)$ верно лишь в ситуации наречения имени N_i ¹.

Наконец, поскольку мы намерены моделировать языковую деятельность агентов, нам необходимы средства для представления языковых актов этих агентов. Чтобы не усложнять ситуацию, ограничимся ассерторическими языковыми актами, т.е. все языковые акты, рассматриваемые в нашей теории, будут высказываниями некоторых истинных или ложных суждений, причем мы не наложим слишком строгих ограничений на действия реальных агентов, если потребуем, чтобы в процессе каждого действия каждый агент мог высказать не более одного суждения. В этих условиях можно обойтись добавлением в нашу теорию двух новых отношений $T(x, y)$ и $F(x, y)$, которые означают, что в процессе действия x агент, представителем которого является действие y , высказал некоторое истинное и соответственно ложное утверждение. Разумеется, мы предполагаем, что для этих предикатов будет верна аксиома

$$(A2) \quad \forall xy \neg (T(x, y) \wedge F(x, y)),$$

т.е. что высказывание, сделанное агентом в произвольной ситуации, должно иметь лишь одно из этих двух значений. В то же время в каких-то ситуациях агент может и вовсе не высказываться, поэтому мы не требуем выполнения аксиомы:

$$(A3) \quad \forall xy (T(x, y) \vee F(x, y)).$$

¹ Отношение $\text{Ref}_i(x, y, x_1, y_1)$ не может быть сведено к прочим предикатам теории $\Delta(N)$, например, следующим образом: $\text{Ref}_i(x, y, x_1, y_1) \Leftrightarrow \forall z (N_i(x, y, z) \Leftrightarrow N_i(x_1, y_1, z))$, поскольку совпадение значений имен может произойти и случайно, без каких-либо ссылок на более ранние употребления имени в том же значении.

В этих условиях мы можем формализовать семантику и прагматику имен собственных, заданную в первой части настоящей работы применительно к целому ряду стандартных языковых контекстов, прежде всего в отношении утверждений стандартной первопорядковой логики и логики алетических модальностей. Чтобы не перегружать текст индуктивными определениями, просто рассмотрим несколько примеров.

Пример 1. Атомарные суждения. Тот факт, что в ходе действия a агент, представителем которого является действие b , высказал суждение о том, что объект, именуемый N_1 , обладает свойством P при условии, что свойству P в нашей теории соответствует двухместное отношение Q , будет записываться следующим образом:

$$(T(a, b) \vee F(a, b)) \wedge \\ \wedge (T(a, b) \leftrightarrow \exists xy(Ref_1(a, b, x, y) \wedge N_1(x, y, a) \wedge \forall z(N_1(x, y, z) \rightarrow Q(a, z))))).$$

По сути мы утверждаем, что данный агент в процессе указанного действия, во-первых, высказал некоторое суждение, истинное или ложное, а во-вторых, что это суждение истинно, если и только если имеется некоторое употребление имени N_1 , которому намерен следовать наш агент и при котором обозначаемый этим именем объект (1) существует в том состоянии мира, в котором высказывается это суждение, и (2) обладает в этом состоянии свойством P .

Пример 2. Булевы комбинации. Пусть в ходе действия a агент, представителем которого является действие b , высказал суждение о том, что объекты, именуемые N_1 и N_2 , обладают свойством P , и пусть Q имеет то же значение, что и в предыдущем примере. Данный факт будет записываться в нашей теории следующим образом:

$$(T(a, b) \vee F(a, b)) \wedge (T(a, b) \leftrightarrow \\ \exists x_1 y_1 x_2 y_2 (Ref_1(a, b, x_1, y_1) \wedge Ref_2(a, b, x_2, y_2) \wedge N_1(x_1, y_1, a) \wedge \\ \wedge N_2(x_2, y_2, a) \wedge \forall z(N_1(x_1, y_1, z) \rightarrow Q(a, z)) \wedge \forall w(N_2(x_2, y_2, w) \rightarrow Q(a, w))))).$$

Пример 3. Кванторы по объектам. Пусть в ходе действия a агент, представителем которого является действие b , высказал суждение о том, что некоторый объект находится в отношении R с объектом, именуемым N_1 , и пусть Q — трехместное отношение, представляющее в нашей теории двухместное отношение между объектами R . Данный факт будет записываться следующим образом:

$$(T(a, b) \vee F(a, b)) \wedge \\ \wedge (T(a, b) \leftrightarrow \exists Xxy(Ref_1(a, b, x, y) \wedge N_1(x, y, a) \wedge X(a) \wedge \\ \wedge \forall zw((N_1(x, y, z) \wedge X(w)) \rightarrow Q(a, z, w))))).$$

Пример 4. Алетические модальности. Пусть в ходе действия a агент, представителем которого является действие b , высказал суждение о том, что объект, именуемый N_1 , мог бы обладать свойством P , и пусть

свойству P в нашей теории соответствует двухместное отношение Q . Данный факт будет записываться следующим образом:

$$\begin{aligned} & (T(a, b) \vee F(a, b)) \wedge \\ & \wedge (T(a, b) \leftrightarrow \exists x y z_1 w_1 (Ref_1(a, b, x, y) \wedge N_1(x, y, z_1) \wedge \\ & \wedge B(w_1, x, x) \wedge B(w_1, z_1, z_1) \wedge \forall z (N_1(x, y, z) \rightarrow Q(z_1, z))))). \end{aligned}$$

Последний пример требует некоторых комментариев. Крипке неоднократно подчеркивал, что его возможные миры представляют собой главным образом контрфактические возможности. Таким образом, нечто возможно, если оно или было в прошлом, или есть сейчас, или будет в будущем, или же в прошлом существовал момент, в котором могли бы произойти события, которые могли привести к возникновению этого нечто в одной из альтернативных историй нашего мира. Учитывая смысл описанного выше предиката B , приведенная формула говорит о том, что в прошлой истории мира существовала ситуация, которая могла привести как к текущему состоянию дел, так и к некоторой ситуации, в которой бы референт N_1 обладал свойством P . С учетом свойств предиката B это представляется наиболее естественным определением крипкеанской метафизической необходимости, а возникающая на основе этого определения модальная логика — одной из естественных формализаций представлений Крипке относительно свойств этого понятия. Ясно, что такая логика будет находиться между $S4$ и $S5$, возможно, совпадая с первой из этих систем. Но точная характеристика теории крипкеанской необходимости в духе приведенного выше определения остается открытой проблемой.

2.3. Рефлексивные vs референциальные условия истинности высказываний. В конце 2.2 мы наметили некую простейшую теорию отношений между агентами, ситуациями и языковыми актами, которые осуществляются данными агентами в данных ситуациях. Иными словами, согласно классическому определению Ч. Морриса о том, что прагматика изучает отношения между пользователями языка и знаками, можно сказать, что мы построили некую зачаточную версию формальной прагматики. Попробуем показать, что, несмотря на простоту построенной нами теории, она вполне может внести вклад в обсуждение актуальных вопросов современной философии, рассмотрев в качестве примера дистинкцию между рефлексивными и референциальными условиями истинности высказывания.

Эта дистинкция введена Дж. Перри¹, причем сам автор возводит ее к некоторым идеям, присутствующим в философии Д. Юма. Она является одной из трех базовых идей сравнительно нового направления в философии языка, так называемой критической прагматики² и существенным образом используется в рамках этого направления для выхода, например, из грайсовского порочного круга³. Основная идея состоит в том, что, рассматривая значение данного ассерторического языкового акта, мы можем сформулировать для него условия истинности с учетом лишь тех семантических ограничений, которые задаются лексическими значениями использованных агентом слов (и тогда мы получаем рефлексивные условия истинности), или наряду с этими ограничениями мы можем учесть дополнительную информацию, касающуюся самого осуществления языкового акта, времени и места его осуществления, объектов, составляющих референцию имен собственных, и т.д. Несколько огрубляя ситуацию, можно сказать, что если Иван в момент времени t говорит «Я проголодался», то рефлексивные истинностные условия его высказывания будут выглядеть так:

(C1) В момент произнесения данного высказывания его автор был голоден,

тогда как референциальные условия истинности этого высказывания будут таковы:

(C2) В момент t Иван был голоден.

Разумеется, рефлексивные условия истинности, не содержащие никакой дополнительной информации, помимо соответствующих лексических значений, и референциальные условия истинности, содержащие всю контекстно-зависимую информацию в полном объеме, — это лишь две крайности, между которыми на практике неизбежно разворачивается целый спектр полутонов. В наиболее интересной для нас ситуации обсуждения семантики и прагматики имен собственных эту дистинкцию разворачивают до следующей четырехзвенной номенклатуры⁴ типов истинностных условий высказывания:

¹ См.: *Perry J. Reference and Reflexivity*. Stanford : CSLI Publications, 2001.

² См.: *Korta K., Perry J. Critical Pragmatics: An Inquiry into Reference and Communication*. Cambridge University Press, 2011.

³ См.: *Ibid.* Ch. 12.5.

⁴ См.: *Ibid.*

- 1) utterance-bound truth conditions = рефлексивные истинностные условия;
- 2) speaker-bound truth conditions – рефлексивные истинностные условия плюс информация об агенте высказывания (добавим, что в эти условия естественнее всего включить базовую информацию о контексте, связанную как минимум с разрешением вопроса о значениях указательных слов, поскольку она не включается явным образом в последующие уровни);
- 3) network-bound truth conditions – то же, что и в п. 2, плюс информация о механизмах наследования референции собственных имен, использованных автором высказывания;
- 4) референциальные истинностные условия – то же, что и в п. 3, плюс идентификация денотатов собственных имен.

Помимо критической прагматики классификация истинностных условий связана с недавними дискуссиями о способе разграничения семантического и прагматического компонента в содержании высказывания, в которых можно условно выделить два лагеря – минималистов и контекстуалистов¹. То, что минималисты считают семантическим содержанием высказывания, оказывается достаточно близким к рефлексивным условиям его истинности, причем различия между собственно рефлексивными условиями истинности и близкими к ним speaker-bound truth conditions обнаруживают известную связь с различиями между более умеренной версией минимализма² и более радикальным подходом³. Напротив, контекстуалисты склонны включать в семантическое содержание все или почти все компоненты референциальных условий истинности.

Если теперь вновь обратиться к приведенным в 2.2 примерам экспликации условий истинности различных высказываний агентов, то можно заметить, что они реализуют некий вариант минималистского подхода к семантике этих высказываний. Например, мы определили выше, что агент верно утверждает, что объект по имени *N* обладает свойством *P*, если и только если есть такая (не обязательно отличная от данной) ситуация употребления этого имени, что агент употребляет *N* в том же смысле, как и в

¹ В отдельных источниках минимализм называется литерализмом. См.: *Recanati F.* *Literal Meaning*. Cambridge University Press, 2004. P. 3.

² См.: *Borg E.* *Minimalist Semantics*. Oxford University Press, 2004.

³ См.: *Cappelen H., Lepore E.* *Insensitive Semantics*. Oxford : Blackwell, 2005.

той ситуации, причем то, что было значением имени N в той ситуации, существует в текущей ситуации и действительно обладает в ней свойством P . Легко заметить, что, принимая такое определение, мы рассматриваем высказывание данного агента с точки зрения внешнего наблюдателя, причем такого наблюдателя, который не знает о данном агенте ничего, кроме того, что он является автором данного высказывания. В то же время наши условия явно предполагают, что этому внешнему наблюдателю известно, кто именно является автором высказывания и в какой именно ситуации оно произведено, поскольку и то и другое представлено в этих условиях именами собственными соответствующих действий. Таким образом, истинностные условия, рассмотренные в конце первой части, могут быть охарактеризованы как *speaker-bound truth conditions*¹. Можем ли мы теперь сделать еще один шаг в сторону минимализма и формализовать в нашей теории рефлексивные истинностные условия? Ответ утвердительный; необходимо лишь связать кванторами существования константы, содержащие информацию об авторе и контексте высказывания, так что, скажем, для атомарного высказывания из примера 1 получим:

$$(15) \exists xy((T(x, y) \vee F(x, y)) \wedge \wedge (T(x, y) \leftrightarrow \exists x_1 y_1 (Ref_1(x, y, x_1, y_1) \wedge N_1(x_1, y_1, x) \wedge \forall z(N_1(x_1, y_1, z) \rightarrow Q(x, z)))))).$$

Ни один из выделенных выше типов истинностных условий суждений не может быть признан основным, а тем более «единственно верным»²; значимость тех или иных истинностных условий высказывания зависит от ситуации, в которой оно производится, и, вообще говоря, определяется прагматическими характеристиками этой ситуации, так что данную формулу (как, впрочем, и формулы, приведенные в примерах 1–4) следует рассматривать не как аксиомы, задающие значение предикатов T и F , а как выполнимые формулы, фиксирующие ту или иную эмпирическую информацию.

С одной стороны, рефлексивные условия истинности имеют особое значение в качестве исходного пункта для вычисления грайсовских импликатур, представляющих собой важнейший этап прагматического анализа языкового акта. С другой стороны, ре-

¹ См.: Kripke S. Naming and Necessity.

² См.: Korta K., Perry J. Op. cit.

зультатом этого анализа, как правило, служит тот или иной вариант разворачивания этих условий в референциальные условия истинности. С третьей стороны, в некоторых ситуациях анализ высказывания заканчивается «на полпути», и выяснения, например, *speaker-bound truth conditions* достаточно для того, чтобы человек, которому это высказывание адресовано, перестал размышлять над его смыслом и перешел к адекватным данной ситуации действиям¹. С четвертой стороны, довольно часто правильный анализ ситуации требует указания именно референциальных условий истинности. Рассмотрим, например, следующий диалог.

Пример 5. *Истинностные условия в контексте диалога*

Пьер: Лондон – красивый город.

Поля: Это верно.

При определенных условиях естественно предположить, что Поля утверждает, что красивым городом является именно тот объект, который Пьер несколько ранее назвал Лондоном, чем бы этот объект на самом деле ни являлся. Предположим, что действие, во время которого Пьер произносит свое утверждение, обозначается константой a , действие, во время которого высказывается Поля, происходит несколько позднее и обозначается константой c , а представителями Пьера и Поля как агентов являются действия, которые обозначаются в нашей теории константами b и d . Пусть далее в качестве имени для Лондона используется N_1 , а представителем свойства объектов «быть красивым городом» служит двухместное отношение между действиями Q . В таком случае диалог запишется в виде конъюнкции двух следующих формул:

$$(16) (T(a, b) \vee F(a, b)) \wedge \\ \wedge (T(a, b) \leftrightarrow \exists x_1 y_1 (Ref_1(a, b, x_1, y_1) \wedge N_1(x_1, y_1, a) \wedge \forall z (N_1(x_1, y_1, z) \\ \rightarrow Q(a, z))))).$$

$$(17) (T(c, d) \vee F(c, d)) \wedge \\ \wedge Ref_1(c, d, a, b) \wedge (T(c, d) \leftrightarrow (N_1(a, b, c) \wedge \forall z (N_1(a, b, z) \rightarrow Q(c, \\ z))))).$$

Мы видим, что хотя при представлении высказывания Пьера мы еще можем обойтись *speaker-bound truth conditions*, ответ Поля

¹ См., например, анализ высказывания (9.1) в: *Kripke S. Naming and Necessity*. P. 105.

может быть правильно понят в контексте диалога лишь в результате указания на референциальные условия истинности его высказывания.

Вместе с тем наш анализ примера 5 содержит определенную неясность. В самом деле, мы еще ничего не сказали о том, каким образом в рамках теории $\Delta(N)$ можно провести различие между референциальными условиями истинности высказывания и близкими к ним *network-bound truth conditions*. Быть может, в ответе Поля фиксируется именно второй, а не первый тип истинностных условий? Нам неизвестен правильный ответ на этот вопрос и вот почему. С одной стороны, есть основания считать, что в (17) фиксируются именно референциальные истинностные условия ответа Поля, поскольку все кванторы существования, присутствовавшие в рефлексивных истинностных условиях (15) для высказывания аналогичной формы, заменены здесь собственными именами. Это говорит о том, что вся доступная в рамках $\Delta(N)$ информация о контексте высказывания и значениях собственных имен включена в (17) в явной форме. С другой стороны, учитывая введенные выше аксиомы для констант N_1, \dots, N_n, \dots , может показаться, что (17) ближе к *network-bound truth conditions*, ведь эти аксиомы позволяют преобразовать формулу (17) следующим образом:

$$(18) (T(c, d) \vee F(c, d)) \wedge Ref_1(c, d, a, b) \wedge \\ \wedge (T(c, d) \leftrightarrow (N_1(a, b, c) \wedge \exists X(\forall w(N_1(a, b, w) \leftrightarrow X(w)) \wedge \forall z(X(z) \rightarrow Q(c, z))))).$$

Здесь объект представлен переменной (правда, второго порядка), связанной квантором существования, что соответствует *network-bound truth conditions*. Но если наши референциальные условия истинности – это на самом деле лишь *network-bound truth conditions*, то как должны выглядеть «подлинные» референциальные условия истинности? Схема Корга и Перри требует здесь чего-то вроде:

$$(19) (T(c, d) \vee F(c, d)) \wedge Ref_1(c, d, a, b) \wedge \\ \wedge (T(c, d) \leftrightarrow (N_1(a, b, c) \wedge \forall w(N_1(a, b, w) \leftrightarrow S(w)) \wedge \forall z(S(z) \rightarrow Q(c, z))))),$$

где S – одноместная предикатная константа. Но, с третьей стороны, не совсем понятно, насколько существенный шаг вперед сделан в (19) по сравнению с (17); перейдя от (17) к (19), мы, несомненно,

получили более сильное утверждение, но сам денотат имени N_1 и в (17), и в (19) описывается с помощью предикатной константы — отличия лишь в ее местности. Достаточно ли этой разницы, чтобы оправдать различие между network-bound truth conditions и собственно референциальными условиями истинности, — непростой и, как кажется, открытый вопрос. Наша гипотеза относительно приведенного выше эффекта «смазывания» дистинкции между network-bound truth conditions и референциальными условиями истинности состоит в том, что осмысленность этого различия может быть связана с принятием Корта и Перри метафизической предпосылки о первичном онтологическом статусе объектов, в связи с чем погружение этой дистинкции в контекст теории Δ , где исходными компонентами универсума являются действия-события, а объекты являются логическими конструкциями на основе действий, могло вызвать указанные проблемы.

Подводя итог, мы можем констатировать, что намеченная в рамках теории $\Delta(N)$ формальная прагматика при всей ее относительной простоте и примитивности достаточно выразительна для того, чтобы зафиксировать и уточнить с приемлемой степенью точности некоторые актуальные концепции современной философии языка.

2.4. Формализация задачи Крикк: условия истинности высказывания Пьера. Возвращаясь к исходному пункту настоящей статьи, попробуем понять, какие выводы относительно статуса теории метаязыковых дескрипций, намеченной нами в части 1, могут быть сделаны из осуществленного выше опыта формализации этой теории. Во-первых, особый характер метафизических предпосылок, лежащих в основании теории Δ , позволяет нам свести две основные категории подлинных имен собственных, выделенные выше, а именно имена собственные агентов и контекстов, к единой категории имен действий-событий особого вида, что в онтологическом отношении представляет определенную экономию. Тем самым мы можем проанализировать любые высказывания агентов, содержащие имена собственные объектов, с помощью логических конструкций, содержащих лишь имена собственные действий¹. Вместе с тем вы-

¹ Из того, что референция к объектам может быть в указанном смысле сведена к референции к действиям, отнюдь не следует, что объекты в нашей теории являются ущербными в онтологическом отношении, менее реальными, чем, например, действия-события. Теория $\Delta(N)$ может быть эквивалентным образом переформулирована в качестве теории, в универсуме которой действия-события и объекты представляют две равноправные и рядоположенные категории объектов.

игрыш от такого сведения уменьшается за счет того, что сами эти действия представляют собой достаточно сложные явления, которыми сложно оперировать, оставаясь лишь на точке зрения здравого смысла.

Во-вторых, наша формализация позволяет нам сформулировать «химически чистый» вариант теории метаязыковых дескрипций хотя бы в одном важном частном случае: если ограничиться рефлексивными условиями истинности высказываний, можно полностью свести семантику собственных имен к метаязыковым дескрипциям без всякой опоры на какие бы то ни было «логически подлинные» имена собственные. Наконец, в-третьих, наша формализация позволяет нам записать пропозициональное содержание верований Пьера о London и Londres непротиворечивым образом. В предположении, что Пьер высказывает свои верования во время действия a , что представителем Пьера служит действие b , что имена N_1 и N_2 представляют собой имена Londres и London соответственно и что значение этих имен было усвоено Пьером ранее во время действий c и c_1 от агентов d и d_1 соответственно, референциальные условия истинности высказывания Пьера о том, что Londres красив, а London — не очень, будут выглядеть следующим образом:

$$(20) (T(a, b) \vee F(a, b)) \wedge (T(a, b) \leftrightarrow \\ \leftrightarrow (Ref_1(a, b, c, d) \wedge Ref_2(a, b, c_1, d_1) \wedge N_1(c, d, a) \wedge \\ \wedge N_2(c_1, d_1, a) \wedge \forall z(N_1(c, d, z) \rightarrow Q(a, z)) \wedge \forall w(N_2(c_1, d_1, w) \rightarrow \\ \neg Q(a, w))))).$$

Легко понять, что (20) является выполнимой формулой первогопорядковой логики.

Однако несмотря на то что (20) имеет непосредственное отношение к мнению Пьера, о котором говорится в задаче Крипке, она может быть открыта для следующего возражения. По сути (20) задает условия истинности некоторого языкового акта Пьера, тогда как по условиям задачи Крипке о мнении требовалась экспликация не истинностных условий языковых актов, а эпистемического состояния Пьера. Иными словами, формально говоря, требовалось объяснить, каким образом Пьер может не столько непротиворечиво утверждать, сколько непротиворечиво *верить* в то, что Londres, но не London красив. Однако такого объяснения в рамках $\Delta(N)$ дано не было, да оно и невозможно в рамках данной теории,

поскольку в ней отсутствуют средства представления и анализа эпистемических установок. Поэтому ниже мы показываем, каким образом можно дополнить теорию $\Delta(N)$ до формализма, в котором речь о мнениях Пьера можно было бы вести явным образом, а не опосредованно, через условия истинности выражающих эти мнения *utterance acts*.

2.5. Формализация задачи Крипке: эпистемическое расширение $\Delta(N)$ и мнения Пьера. Хотя нашей непосредственной целью является обогащение теории $\Delta(N)$ подходящим оператором верования или мнения, в современной эпистемической логике, как правило, эти операторы вводятся лишь после того как определен более строгий оператор знания¹. Причем в более привычных в этом контексте модальных логиках этот оператор задается на базе отношения эквивалентности, кодирующего отношение неразличимости возможных миров для соответствующего агента, возникающее в силу ограниченности его знаний. Например, если кто-то в мое отсутствие зашел в мой кабинет, а я об этом не знаю, то реальным мир для меня неотличим от другого возможного мира, полностью подобного реальному, за исключением того, что в этом другом мире вторжение в мой кабинет не состоялось. Перенося эту «парадигму неразличимости» на почву теории $\Delta(N)$, мы можем сказать, что ограниченность наших знаний может проявляться в том, что мы неверно представляем себе текущее действие сообщества, в котором мы принимаем участие. Например, мы можем неверно представлять себе предысторию этого действия или его возможные последствия. Но дело, разумеется, этим не ограничивается. Другим возможным результатом нашего незнания может быть неверное представление о нашей роли в текущей деятельности сообщества. Мы можем, например, считать свои действия важным вкладом в достижение тех или иных целей, тогда как в реальности мы являемся лишь досадной помехой на пути к ним.

Таким образом, представляется, что правильнее всего будет представить ограниченность знания как отношение эквивалентности, возникающее между парами действий-событий вида (a, s) , где первый элемент пары кодирует агента, а второй элемент кодирует некоторое состояние дел, в ходе которого существует этот

¹ См.: *Benthem J. van*. Logical Dynamics of Information and Interaction. Cambridge University Press, 2010.

агент¹. Мы требуем, чтобы наше отношение K было отношением эквивалентности на всех таких парах и было пустым на всех парах, не удовлетворяющих указанному ограничению. Тогда истинность факта $K(a, s, b, t)$ в эпистемическом расширении $\Delta(N)$ будет обозначать, что агент a , принимая участие в действии s , не может, опираясь только на свои знания, с уверенностью утверждать, что он не агент b , принимающий участие в действии t . И наоборот. Разумеется, здесь могут возникать возражения против этого «и наоборот», предполагающие несимметричность отношений неразличимости, индуцируемых недостатком знаний агента. Но эти возражения будут во многом лишь версией аналогичных возражений против стандартной эпистемической логики, поэтому мы можем лишь смиренно признать данное ограничение нашей модели и отослать оппонентов к соответствующей дискуссии в литературе по данному вопросу.

Другая группа возражений может быть связана с непрозрачностью условий, выделяющих пары действий-событий, связанных отношением K , от пар, где это отношение пусто, в частности, в силу нарушения условия о существовании агента a в ходе действия s . В самом деле, каким образом мы можем, глядя лишь на формальную структуру модели $\Delta(N)$, понять, какие агенты существуют в ходе каких действий? В действительности, как мы упоминали в 2.1, эта задача может быть решена уже на уровне базовой версии теории Δ . Предикат $Ex(x, y)$, обозначающий, что группа агентов, активная в ходе действия x , существует в ходе действия-события y , может быть задан как сокращение следующей формулы теории Δ :

$$(21) \quad Ex(x, y) =_{\text{def}} Ag(y, y) \wedge \exists z \exists w (B(z, w, x) \wedge \forall z_1 (Ag(z_1, y) \rightarrow Ag(z_1, w))).$$

Теперь можно определить оператор знания:

$$(22) \quad Know(x, y, A) =_{\text{def}} \forall z \forall w (K(x, y, z, w) \rightarrow A[x/z, y/w]).$$

¹ Можно было бы ослабить ограничение на первый элемент пары и потребовать, чтобы a кодировало некоторую группу, существующую в ходе совершения s . Однако таким образом допускалось бы коллективное знание как нечто несводимое к индивидуальному знанию членов соответствующего коллектива, что могло бы вызвать возражения со стороны значительного числа современных философов. Поэтому, имея в виду ограниченный объем настоящей статьи, мы предпочитаем говорить лишь об индивидуальном знании, обходя острые вопросы, возникающие по поводу коллективного знания.

В формуле $A[x/z, y/w]$ означает результат замены (с соблюдением стандартных ограничений на связанные переменные) всех вхождений переменных x и y соответственно переменными z и w . Иными словами, агент, активный в момент действия x , знает в процессе действия y , что имеет место факт A , если и только если этот факт истинен независимо от перемещения данного агента в любую ситуацию, которую агент в данной ситуации не может, на основе своих знаний, отличить от реальной ситуации.

Теперь можно перейти к конструкции оператора мнения или верования. К мнениям мы прибегаем тогда, когда нам не хватает знаний. Возвращаясь к уже рассмотренному примеру, я не могу знать, входил ли кто-нибудь в мое отсутствие в мой кабинет. Но учитывая, что я имею привычку его запирает, я скорее всего буду склонен придерживаться (ошибочного) мнения о том, что никто в мой кабинет не входил. Это значит, что из двух рассмотренных выше эпистемически неразличимых для меня миров я буду склонен считать реальным именно тот воображаемый мир, который во всем подобен тому миру, где я фактически нахожусь, за исключением факта проникновения в мой кабинет. Итак, мы видим, что фактически функция мнения состоит в том, что оно некоторым образом ранжирует по степени «убедительности» для агента те возможные миры, которые агент в силу недостатка своих знаний не может отличить от реального мира. Таким образом, мнения агента фактически индуцируют некое бинарное отношение «большей убедительности» внутри соответствующего реальному миру класса эквивалентности по отношению K . Обозначим это отношение через $B(a, s, b, t)$.

Данное четырехместное отношение помимо включения его «областей связности» в классы эквивалентности по отношению K мы будем предполагать, во-первых, транзитивным, а во-вторых, сериальным внутри указанных классов эквивалентности. Последнее требование означает, что если пара вида (a, s) связана сама с собой отношением K , то существует хотя бы одна пара вида (b, t) , такая, что имеет место $B(a, s, b, t)$. Это требование необходимо для того, чтобы форсировать в эпистемическом расширении $\Delta(N)$ непротиворечивость всех верований агентов: ведь при отсутствии пар, связанных с данной парой (a, s) отношением B , стандартное определение оператора верования неизбежно приводило бы к допущению противоречивых верований. Заметим, что такая непротиворечи-

вость вовсе не предполагается условиями задачи Крипке, который скорее придерживается (или хотел бы придерживаться) более слабого принципа о том, что если некоторое мнение противоречиво, то эта противоречивость может быть установлена исключительно методами чистой логики. Однако мы предпочитаем в контексте обсуждения задачи Крипке о мнении принять более сильное допущение о непротиворечивости всех возможных верований агентов, отчасти потому, что это позволит нам остаться в русле стандартных моделей эпистемической логики, которые мы по сути эмулируем в контексте теории $\Delta(\mathbb{N})$, отчасти же потому, что принятие указанного более сильного допущения сокращает путь к нашей конечной цели: теперь для того чтобы показать, что мнение Пьера непротиворечиво, достаточно будет показать непротиворечивость утверждения о том, что Пьер обладает этим мнением.

При описанных выше допущениях определяем оператор мнения следующим образом:

$$(23) \text{ Believe}(x, y, A) =_{\text{def}} \forall z \forall w (B(x, y, z, w) \rightarrow \exists z_1 \exists w_1 (B(z, w, z_1, w_1) \wedge \forall z_2 \forall w_2 (B(z_1, w_1, z_2, w_2) \rightarrow A[x/z_2, y/w_2])))$$

Иными словами, агент, активный в момент действия x , считает в процессе действия y , что имеет место факт A , если и только если этот факт истинен во всех наиболее убедительных для него версиях реального мира, допустимых с точки зрения его знаний. Если же наиболее убедительные версии реального мира отсутствуют вовсе, то указанный факт должен быть истинен во всех версиях реального мира начиная с некоторого «порога убедительности» для агента.

Теперь, когда все необходимые концептуальные ингредиенты определены, мы можем вернуться к утверждению (20) и следующим образом записать факт наличия у Пьера мнения относительно *Londres* и *London* (сохраняя те же предположения о значении индивидных констант):

$$(24) \text{ Believe}(b, a, \exists x y_1 y_2 (\text{Ref}_1(a, b, x, y) \wedge \text{Ref}_2(a, b, x_1, y_1) \wedge N_1(x, y, a) \wedge N_2(x_1, y_1, a) \wedge \forall z (N_1(x, y, z) \rightarrow Q(a, z)) \wedge \forall w (N_2(x_1, y_1, w) \rightarrow \neg Q(a, w))))$$

Доказательство того, что (24) выполнимо в эпистемическом расширении $\Delta(\mathbb{N})$, достаточно утомительно, но при этом вполне тривиально. Проще всего это доказательство может быть получено с помощью построения конечной модели (24) и указанной теории,

где по сути будет записана ситуация, в которой Пьер не в состоянии отличить реальный мир от некоторого другого мира, в котором его впечатления и воспоминания о *Londres* и *London* действительно относятся к разным городам, первый из которых красив, а второй — нет. Более того, этот мир представляется Пьеру предпочтительнее как претендент на роль реального мира, чем тот мир, где Пьер фактически находится.

Нетрудно заметить, что содержание верования Пьера вполне определенным образом связано с условиями истинности соответствующего языкового акта. Кроме того, в отличие от (20) в (24) мы имеем не референциальные а *speaker-bound* условия истинности. В каком-то смысле они даже ближе к чистой версии рефлексивных условий истинности, поскольку раскрытие оператора мнения в соответствии с (23) приводит к замене констант *a* и *b* в третьем аргументе оператора *Believe* в (24) связанными переменными (правда, эти переменные связаны квантором общности). Это различие вызвано самим характером эпистемической установки верования. Ни тот факт, что Пьер наследует референцию от конкретных агентов, ни тот факт, что он наследует эту референцию в определенных контекстах, не является частью его верований относительно *London* и *Londres*. Он вполне может допускать, что здесь возможны варианты; формально это будет выражаться в виде существования различных наиболее убедительных с точки зрения Пьера претендентов на роль реального мира, в которых имеют место различные обстоятельства наследования Пьером референций для имен *Londres* и *London*. Вместе с тем он все равно будет считать рассматриваемое суждение об этих «разных» городах истинным, коль скоро во всех наиболее убедительных для него образах реального мира он каким-либо способом унаследовал референцию, делающую *Londres* и *London* красивым и некрасивым городами соответственно.

Ясно, что аналогичные рассуждения применимы к любому содержанию верования, и для этого имеется очевидная причина. До сих пор все приводимые в литературе аргументы в пользу необходимости референциальных условий истинности касались ситуаций взаимодействия между агентами, совершающими речевые акты. Эти ситуации требуют порой достижения достаточно высокой степени взаимопонимания между агентами, которая предполагает и необходимость сближения референций некоторых собственных имен. Вместе с тем содержание верования, взятое само по себе, не

может быть ходом в диалогической игре между пользователями языка, а стало быть, сохраняет за собой лишь свое *буквальное*, т.е. минималистское значение. Это общее рассуждение и составляет обещанный в 1.5 аргумент в пользу невозможности возникновения парадокса Крипке из-за невозможности уверенно различить агентов метаязыковых дескрипций. Эта невозможность не влияет на наши рассуждения, поскольку в контексте верования мы всегда имеем дело лишь с рефлексивными условиями истинности суждений.

Заключение

Как показывают изложенные выше аргументы, предложенная нами схема позволяет справляться с некоторыми трудностями, возникающими в связи с семантикой и прагматикой собственных имен, в частности с теми трудностями, которые возникают в связи с задачей Крипке о мнении. Вместе с тем разворачивание этой схемы в полноценную и точную теорию представляет определенные трудности. Прежде всего эти трудности связаны со степенью сложности используемых понятий. Из данной статьи очевидно, что даже для анализа простейших языковых актов и содержаний верования вроде «Лондон красив» или «Трава зеленая» приходится использовать формализации, находящиеся на грани способности восприятия даже достаточно подготовленного читателя философской литературы. Необходимость держать степень сложности используемых формализаций в разумных пределах уже привела к тому, что мы сознательно переупростили конструкцию операторов знания и верования, по сути локализовав ее для конкретного рассматриваемого примера про мнения Пьера. Так, нам пришлось пожертвовать возможностью для агента ошибаться относительно не только своей идентичности и роли в текущей деятельности сообщества, но и относительно идентичности других агентов; кроме того, очевидно, что из принятых определений знания и мнения следует всеобщее знание о глобальной структуре возможных историй того мира, в котором находятся агенты, что, вообще говоря, не слишком соответствует здравому смыслу. Наконец, мы сознательно уклонились от обсуждения возможных синтаксических ограничений на вид третьего аргумента операторов знания и верования. Не приходится сомневаться, что такое переусложнение формализации отражает реальную сложность когнитивных и коммуникационных процессов, присутствующих в рассмотренных выше примерах. В то же вре-

нахождение более простых формализаций, пусть даже в чем-то огрубляющих реальные соотношения между этими процессами, но дающих разумную степень их детализации, очень и очень способствовало бы развитию дискуссии по соответствующим вопросам и создало бы некую общепонятную базу для таких дискуссий.

Кроме того, высокая сложность используемых в данной работе формализаций не позволяет нам с уверенностью говорить о том, что довольно прямолинейная адаптация к условиям теории $\Delta(N)$ классической схемы анализа установок знания и мнения не может создать новые парадоксы и проблемы, необязательно связанные с задачей Крипке о мнении. Скорее наоборот, таких проблем разумно ожидать, учитывая обилие используемых в этой теории понятий и выразительных средств, достаточно большое количество исходных условий, которым должны удовлетворять эти понятия, и неизбежное взаимодействие понятий, выражающих указанные эпистемические установки с кванторами по действиям-событиям. Однако для того чтобы понять, как скоро и в какой форме возникнут эти проблемы и в какой степени ими можно будет пренебречь при рассмотрении семантики и прагматики собственных имен, требуется проведение дальнейших исследований, достаточно обширных и трудоемких.

П.С. Куслий

Проблема третьего прочтения и семантика сообщений о верованиях¹

В статье исследуется проблема так называемого третьего прочтения для сообщений о верованиях, которое представляет собой срединный случай между двумя известными прочтениями указанных сообщений: *de re* и *de dicto*. Показано, что стандартный семантический анализ Рассела–Куайна, опирающийся на теорию квантификации, не способен выразить данное прочтение. Исследуются некоторые альтернативные теории экспликации третьего прочтения, а также альтернативная теория экспортирования кванторной группы в качестве решения проблемы последовательного композиционного получения условий истинности для третьего прочтения. В заключение проблематика третьего прочтения анализируется в более широком контексте современных философских проблем формальной семантики.

1. Предложения с интенциональными глаголами и классическая традиция их семантического анализа

Понятия экстенционала и интенционала ассоциируются с предметным и смысловым значениями языкового выражения соответственно и были введены Р. Карнапом², который развивал идеи Г. Фреге и Б. Рассела. Экстенциональным контекстом считается любое предложение или часть предложения, в котором замена одного входящего в этот контекст выражения на другое с тем же самым предметным значением (т.е. обозначающее тот же

¹ Автор благодарит проф. Б. Парти, проф. И.Б. Микиртумова, а также Д.Б. Тискина за ценные советы и замечания.

² См.: Карнап Р. Значение и необходимость. М., 1959.

предмет или множество предметов) не приводит к изменению истинностного значения исходного предложения: предложение, получившееся в результате подстановки, эквивалентно исходному.

Предложениями, содержащими интенциональные контексты, считаются предложения, которые содержат так называемые интенциональные глаголы. К последним относятся такие глаголы, как «считать», «думать», «верить», «хотеть», «искать» и др. Интенциональный контекст — это часть предложения, следующая после интенционального глагола.

В классической аналитической философии проблема интенциональных контекстов изначально связывалась с недопустимостью взаимозаменяемости в них коэкстенциональных выражений, т.е. выражений, имеющих одно и то же предметное значение (обозначающих одни и те же предметы или множества предметов). Так, исходя из известного примера, приведенного Расселом¹, считалось, что в таких предложениях, как «Георг IV хотел узнать, является ли Вальтер Скотт автором “Веверлея”», выражение «Вальтер Скотт» нельзя заменить на выражение «автор Веверлея», хотя оба они обозначают одного и того же индивида, ибо в случае истинности исходного предложения предложение, получающееся в результате указанной подстановки, не будет считаться истинным, ведь, как пишет сам Рассел, «едва ли интерес к закону тождества может быть приписан первому джентльмену Европы».

Фреге объяснял данное различие так: «В таких случаях в придаточном предложении нельзя заменять некоторое выражение другим, имеющим то же обычное значение, а можно заменять только таким, которое имеет то же косвенное значение, т.е. тот же обычный смысл»². Иными словами, считалось, что семантика выражений внутри интенционального контекста отличается от их семантики в экстенциональном контексте, что подтверждалось примерами описанной выше недопустимости взаимозамены коэкстенциональных выражений.

Проблема семантики выражений в интенциональных контекстах, много обсуждавшаяся в текстах классиков аналитической философии, может быть представлена и несколько шире в терминах

¹ См.: Рассел Б. Об обозначении // Язык, истина, существование. Томск, 2002. С. 7–22.

² Фреге Г. О смысле и значении // Г. Фреге. Логика и логическая семантика. М., 2000. С. 237.

недопустимости стандартных умозаключений в тех случаях, когда мы имеем дело с предложениями, содержащими такие контексты. Так, для экстенционального предложения

(1) Ольга купила платье от Версаче

вполне допустимо следующее умозаключение:

(1) Ольга купила платье от Версаче. (2) Платья от Версаче — это дорогие платья. Следовательно, (3) Ольга купила дорогое платье.

Здесь, как мы видим, имеет место не замена одного выражения коэкстенциональным ему выражением, а умозаключение, в силу которого одно выражение замещается другим, экстенционал которого не тождествен экстенционалу первого.

Осуществляемая на тех же основаниях замена выражения «платье от Версаче» выражением «дорогое платье» в рамках подходов, представленных классиками аналитической философии, рассматривалась как недопустимая, если она осуществлялась внутри интенционального контекста. Так, полагалось, что если мы рассмотрим предложение

(4) Ольга хочет купить платье от Версаче,

то вывод

(4) Ольга хочет купить платье от Версаче, (2) платья от Версаче — это дорогие платья, следовательно, (5) Ольга хочет купить дорогое платье —

уже не будет обоснованным. Причина необоснованности такого вывода, с точки зрения классической аналитической философии, схожа с рассмотренной выше причиной недопустимости замены термина «автор «Веверлея»» термином «Вальтер Скотт». В том примере Георг IV хоть и хотел узнать, является ли Вальтер Скотт автором «Веверлея» (и предложение, описывающее это его желание, было истинным), то совсем не хотел узнать, является ли Вальтер Скотт Вальтером Скоттом (поэтому предложение, получившееся после подстановки, было ложным). В примере с Ольгой мы, следуя рассуждениям Фреге, Рассела и других классиков, должны заключить, что Ольга, желая купить себе платье от Версаче, может при этом совсем не хотеть покупать себе какое-либо дорогое платье. Эти две установки могут быть для нее вполне со-

вместимы, если она не знает, что платье от Версаче — это дорогие платья¹.

Фактор (возможного) незнания Ольгой того, что все платья от Версаче суть дорогие платья, и вытекающего из этого незнания (возможного) отсутствия у нее желания купить дорогое платье считался в классической традиции аналитической философии достаточным основанием для того, чтобы не считать приведенное выше умозаключение от (4) к (5) обоснованным, не приписывая при этом Ольге противоречивости в верованиях².

2. Семантика возможных миров для предложений с интенциональными глаголами

Как следует из приведенной выше цитаты из Фреге, согласно его взглядам, выражение, находящееся внутри интенционального контекста, обозначает не свое предметное значение (т.е. денотат или экстенционал), а свой смысл. Более современная альтернатива фрегевскому анализу семантики интенциональных контекстов восходит к Карнапу³, где смысл заменен на понятие интенционала, а понятие пропозиции (выступающей в качестве интенционала предложения) представляется как функция, отображающая тот или иной возможный мир в то истинностное значение, которым обладает в этом мире соответствующее предложение.

Понятие возможного мира — это теоретическое понятие, использующееся при построении моделей для семантической интерпретации выражений формализованных языков, содержащих модальные операторы (наиболее известными из которых являются операторы необходимости и возможности). Введение этого понятия обусловлено не только его признанной эффективностью в решении тех задач, ради которых оно вводится. Применительно к семантическому анализу естественного языка возможные миры представляются интуитивно обоснованным теоретическим понятием в силу нашей способности обсуждать истинность тех или иных предложений в случае, если наш мир, в котором мы находимся и от-

¹ Я здесь оставляю за скобками вопрос о том, что само по себе понятие дороговизны может рассматриваться как относительное, и для наглядности допускаю, что термин «дорогое платье» все интерпретируют одинаково.

² См.: Куайн У. Кванторы и пропозициональные установки // Эпистемология и философия науки. 2012. № 3. С. 213–225.

³ См.: Карнап Р. Указ. соч.

носителем которого можем оценивать на истинность те или иные предложения, был бы иным, т.е. не таким, каков он есть или каким мы его знаем.

Д. Льюис описывает понятие возможного мира так: «Мир, в котором мы живем, крайне вместителен. Каждая палка, каждый камень, который вы когда-либо видели, является частью нашего мира. Вы и я также суть его части. Его частями являются планета Земля, Солнечная система, весь Млечный Путь, далекие галактики, которые мы видим с помощью телескопов, и все частицы пустого пространства (если таковые вообще существуют) между звездами и галактиками. Нет ничего, что было бы слишком далеко от нас, чтобы являться частью нашего мира... Сходным образом мир, в котором мы живем, вместителен и относительно времени. Никакие давно ушедшие древние римляне, никакие исчезнувшие птеродактили, никакие первичные облака плазмы не находятся слишком далеко в прошлом, и никакие мертвые темные звезды не находятся слишком далеко в будущем, чтобы быть частями одного мира...

То, как обстоят дела... означает то, каким является этот мир. Но дела могли бы обстоять и иначе, причем с помощью большого числа способов. Эта моя книга могла бы быть закончена вовремя... Или меня вообще могло бы не быть... Или могли бы существовать совсем иные законы природы... Существует множество способов, каким может быть тот или иной мир, и лишь один из них — тот, каким этот мир является»¹.

Одно и то же предложение, скажем, «Снег бел», может быть истинным в одних возможных мирах и ложным в других. В каждом из таких миров денотатом предложения будет то или иное истинностное значение («истина» — в тех мирах, где снег является белым, и «ложь» — в тех, где дела обстоят иначе). Соответственно функцию, которая соотносит каждый из имеющихся возможных миров с истинностным значением предложения «Снег бел» в этом мире, Карнап и называет пропозицией (интенционалом) этого предложения.

Карнаповский анализ пропозиций в терминах возможных миров со временем превратился в стандартный подход к анализу большинства вопросов, связанных с интенциональностью: смыслы (или интенционалы) любых выражений стали пониматься как функции

¹ Цит. по: Heim J., Kratzer A. *Semantics in Generative Grammar*. Oxford, 1998. P. 302–303.

от возможных миров к экстенционалам. Я. Хинтиikka¹ построил семантическую теорию для предложений, содержащих интенциональные контексты с использованием семантики возможных миров. Согласно подходу Хинтиikki, предложение

(5) Ольга хочет купить дорогое платье

интерпретируется как утверждение обо всех тех возможных мирах, которые *совместимы* (compatible) с желаниями Ольги. Конкретно: (5) анализируется как утверждение о том, что во всех этих мирах Ольга покупает (некоторое) дорогое платье.

Понятие совместимости является таким же теоретическим понятием, как и понятия возможного мира. У Хинтиikki мир, совместимый с желаниями Ольги, это такой возможный мир, в котором исполняются все Ольгины желания. При этом важно, что такой мир не один: их много. Как было сказано выше, существует очень большое число черт, по которым один мир может отличаться от другого. А поскольку ни один человек не владеет исчерпывающим знанием того мира, в котором он находится, то и его желания связаны не со всеми аспектами мира, а лишь с некоторыми из них. Так, Ольга (как, по-видимому, и все мы) может не знать, из какого числа кирпичей состоит Спасская башня Московского Кремля, ее желания никак не связаны с числом кирпичей в этой башне. Поскольку Ольга совершенно равнодушна к числу кирпичей в этой башне, ее желания вполне могут быть исполнены как в том возможном мире, где число кирпичей в упомянутой башне равно их числу в нашем мире (т.е. в том мире, где находится Ольга), так и в том мире, где их больше или меньше на один, два, три и т.д. Поэтому существует не один, а целое множество миров, в которых желания Ольги выполняются и которые совместимы с представлениями Ольги о том мире, в котором она находится.

Еще один важный фактор связан с тем, что набор желаний Ольги тоже не обязательно должен быть фиксированным. В нашем мире он таков, каков он есть. Но в другом возможном мире он может быть и иным, отличающимся от набора ее желаний в нашем мире. Поэтому когда мы говорим о мирах, совместимых с желаниями Ольги, мы должны указывать и то, что речь идет о мирах,

¹ Hintikka J. Semantics for Propositional Attitudes // Philosophical logic ; J.W. Davis, D.J. Hockney, W.K. Wilson (eds.). Dordrecht : Reidel, 1969. P. 21–45.

совместимых с теми желаниями, которыми Ольга обладает в нашем мире.

Итак, с учетом этих соображений мы в рамках концепции Хинтики анализируем предложение (5) как

(5.1) В каждом возможном мире, совместимом с желаниями Ольги в нашем мире, она покупает дорогое платье.

В более формальной записи, где наш мир мы обозначим через w , а местоимение «она», получающее свое значение от значения слова «Ольга», выразим через выражение PRO, используемое в современном генеративном синтаксисе при анализе инфинитивных конструкций¹, предложение (5) будет представлено как

(5.2) $\forall w'$ (w' совместим с желаниями Ольги в $w \rightarrow \exists x$ (x является дорогим платьем в w' & PRO покупает x в w').

Данная формализация более наглядно иллюстрирует, почему если мы понимаем (5) как (5.2), то предложение (5) не следует из предложения (4) («Ольга хочет купить платье от Версаче») даже при истинности предложения (2) («Платья от Версаче — это дорогие платья»). Ведь (2) — это экстенциональное предложение, все части которого интерпретируются в мире w (т.е. в мире говорящего), а из того, что в мире w все платья от Версаче являются дорогими, вовсе не следует, что точно так же обстоят дела в каждом мире w' , совместимом с желаниями Ольги в w .

3. Неоднозначность предложений с интенциональными глаголами

Проблемы с интенциональными предложениями не ограничиваются описанными сложностями с выводом одних предложений из других. Предложения с интенциональными глаголами являются еще и неоднозначными. Неоднозначность таких предложений, как и любая неоднозначность (ambiguity) в семантике, выражается в том, что многие предложения с интенциональными глаголами могут выражать более чем одну логическую форму (синтаксическую структуру), соответствующую различным пропозициям. Простым

¹ См.: Митренина О.В., Романова Е.Е., Слюсарь Н.А. Введение в генеративную грамматику. М., 2011; Heim I., Kratzer A. Op. cit.; Carnie A. Syntax: A Generative Introduction. Malden, 2002.

примером неоднозначного предложения с интенциональным контекстом может быть все то же предложение

(5) Ольга хочет купить дорогое платье.

Согласно подходу Рассела¹ и Куайна², такое предложение может иметь как минимум два разных прочтения.

Прочтение 1. Ольга хочет купить дорогое платье. Она еще никакого конкретного платья не выбрала и, может быть, даже не начинала искать, однако у нее уже есть основной (осознаваемый ею) критерий, который она будет использовать при поиске платья: выбранное ею платье (каким бы именно оно ни оказалось) должно иметь высокую цену.

Прочтение 2. Есть конкретное платье, которое Ольга хочет купить. Она может и не знать, что это платье дорогое, но человек, произносящий (5), в отличие от Ольги знает о его цене и поэтому говорит то, что говорит.

Очевидно, что два этих прочтения неэквивалентны. Можно привести ситуацию, в которой одно из них будет истинным, а другое — ложным, например, когда Ольга хочет купить конкретное платье, являющееся дорогим (прочтение 2 истинно), но при этом не знает, что оно (на самом деле) дорогое, и если узнает, то расхочет его покупать (прочтение 1 ложно). Согласно философской терминологии, прочтение 1 считается прочтением *de dicto*, прочтение 2 — прочтением *de re*.

Еще один пример неоднозначности предложений с интенциональными глаголами относится к типам предложений с переходными интенциональными глаголами. Парадигмальным примером здесь является

(6) Иван ищет единорога.

Аналогично проведенному выше анализу здесь имеется как минимум два прочтения: первое, согласно которому говорящий хоть и сам не верит в существование единорогов, тем не менее сообщает о том, что Иван ищет нечто, что оказалось бы единорогом. Согласно второму прочтению, говорящий уже тоже исходит из существования единорогов и утверждает, что одного такого ищет Иван. Если

¹ См.: Рассел Б. Указ. соч.

² См.: Куайн У. Указ. соч.

мы исходим из того, что всерьез единорога может искать только сумасшедший, то понимая (6) согласно первому прочтению, мы можем сделать вывод о сумасшествии Ивана, но не говорящего, а понимая (6) согласно второму прочтению, такой вывод уже в первую очередь мы делаем относительно говорящего.

4. Экспликация неоднозначных предложений посредством квантификации

Стандартная и опять же восходящая к Расселу методология экспликации двух описанных видов прочтения предложений с интенциональными контекстами (*de re* и *de dicto*) осуществляется в терминах вхождения квантора существования, которое в логической форме, выражающей каждое из двух прочтений, оказывается разным. Так, если мы используем анализ, предложенный Куайном¹, согласно которому интенциональный глагол расщепляется на два глагола, чтобы интенциональный контекст мог быть наглядно представлен в качестве (придаточного) предложения, то для рассмотренных выше прочтений предложений (5) и (6) мы получим следующие примерные формализации:

Предложение (5), прочтение 1. Ольга₁ хочет, чтобы $\exists x$ (x – дорогое платье & она₁ покупает x).

Предложение (5), прочтение 2: $\exists x$ (x – дорогое платье & Ольга хочет, чтобы она₁ покупает x).

Предложение (6), прочтение 1. Иван₁ стремится к тому, что $\exists x$ (x – единорог & он₁ находит x).

Предложение (6), прочтение 2. $\exists x$ (x – единорог & Иван₁ стремится к тому, что он₁ находит x).

Как видно из этих громоздких и далеко не литературных формулировок, различие в прочтениях зависит от того, где в формуле квантор существования (*a* вместе с ним и его ограничитель) имеет вхождение: в одном случае до (*de re*), а в другом после интенционального глагола (*de dicto*).

Хотя предложенный Расселом и Куайном тип записи достаточно наглядно проявляет интересующее нас различие в прочтениях, тем не менее он остается некомпозиционным. Иными словами, такая запись оставляет без прояснения вопрос о том, как получить

¹ См.: Куайн У. Указ. соч.

два приведенных прочтения, если придерживаться принципа композициональности значения сложных выражений. Установление возможности композиционального семантического анализа предложения (5) важно для нас еще и потому, что такой анализ будет использован нами при обсуждении ряда дальнейших проблем и специфических черт предложений с интенциональными контекстами, о которых речь пойдет ниже.

Задача композиционального построения каждого из двух рассмотренных прочтений для предложения (5) решается в рамках анализа, восходящего к работам Р. Монтегю¹, в котором различие в возможных прочтениях сводится к различию в возможных синтаксических структурах, которые могут ассоциироваться с одним и тем же естественно-языковым выражением (в нашем случае с предложением (5)). В рамках этого же подхода каждая синтаксическая составляющая получает свою интерпретацию в процессе последовательной систематической деривации значения всего выражения. Одно из ключевых отличий семантики Монтегю от стандартной логической семантики — это способность первой в отличие от последней давать категорематическую интерпретацию квантифицированным именным группам (т.е. интерпретировать их самостоятельно, а не в контексте того выражения, в которое они входят в качестве составных элементов).

Такая квантифицированная группа, как «дорогое платье», входящая в предложение (5), будет иметь самостоятельную интерпретацию, которая с использованием лямбда-записи может быть представлена следующим образом:

$\lambda P. \exists x(x \text{ является дорогим платьем} \ \& \ Px)^2$.

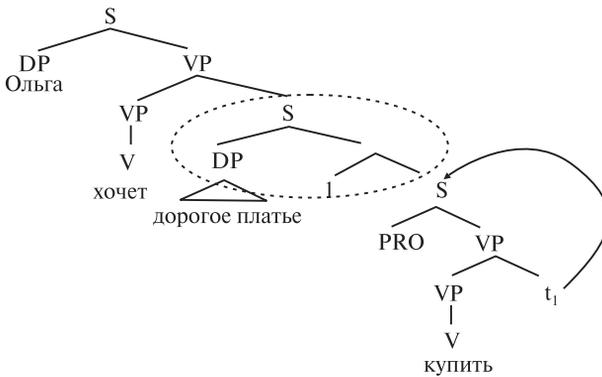
Такая интерпретация квантифицированных именных групп наряду с категорематической интерпретацией интенциональных глаголов (которые рассматриваются нами как функции, берущие в качестве аргумента пропозицию и отображающие ее в множество индивидов) и имен собственных (как выражений, обозначающих

¹ См.: *Montague R. The Proper Treatment of Quantification in Ordinary English // Approaches to Natural Language ; J. Hintikka, J. Moravcsik, P. Suppes (eds.) Dordrecht, 1973. P. 221–242.*

² Поскольку в русском языке отсутствуют артикли, важно уточнить, что выражение «дорогое платье» (и подобные ему) может пониматься как перевод англоязычного выражения «expensive dress», являющегося предикатом первого порядка, и выражения «an expensive dress» (или «the expensive dress»), которое является предикатом второго порядка, т.е. кванторным выражением.

индивидуные объекты или множества свойств этих объектов), позволяет нам выразить два рассмотренных выше прочтения в композиционной формальной записи (здесь мы сразу записываем схему, по которой будет осуществляться интерпретация для каждого прочтения, даем синтаксическое дерево, выражающее формальную структуру, соответствующую каждому прочтению, а также выражаем каждое прочтение в формальном языке):

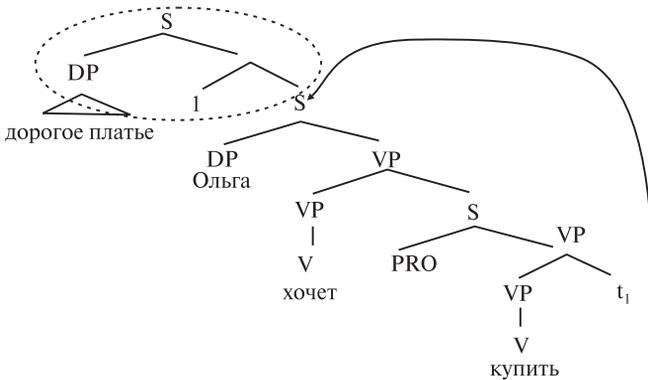
Прочтение 1. [[Ольга хочет [[дорогое платье][λx . PRO покупает x]]]

В терминах теории, восходящей к рассмотренным выше взглядам Хинтикки,

$\forall w'(w'$ совместим с тем, что Ольга хочет в $w \rightarrow \exists x$ (x — дорогое платье в w' & PRO покупает x в w'))

Прочтение 2. [[дорогое платье][λx . Ольга хочет [PRO покупает x]]]

В терминах рассмотренной выше теории Хинтикки:

$\exists x (x \text{ — дорогое платье в } w \ \& \ \forall w' (w' \text{ совместим с тем, что Ольга хочет в } w \rightarrow \text{PRO покупает } x \text{ в } w'))$.

Как видно из приведенных диаграмм, квантифицированная именная группа поднимается при обоих прочтениях из своего исходного положения, обозначенного $\langle t_1 \rangle$. Этого требует принцип композициональности, ибо в той теории, из которой мы здесь исходим, функция, обозначаемая глаголом «купить», берущая в качестве аргумента тот или иной индивидуальный объект, не сможет сочетаться со своей сестрой внутри ветвящегося синтаксического узла (ибо наша квантифицированная именная группа обозначает множество свойств, а не индивидуальный объект, тогда как оставляемый ею след t_1 имеет семантический тип выражения, обозначающего индивидуальный объект)¹. Характерное отличие диаграмм для двух прочтений заключается в том, как высоко мы поднимаем именную группу: в случае первого прочтения (*de dicto*) — не выше интенционального глагола «хочет», тогда как в случае второго прочтения (*de re*) квантифицированная именная группа поднимается выше интенционального глагола.

Та же особенность отображена и в приведенных схематичных формулах, показывающих вхождение именной группы в рамках общего предложения при каждом из двух прочтений. Наконец, общая результирующая интерпретация для каждого из прочтений сформулирована в терминах возможных миров по методу Хинтикки².

Таким образом, согласно восходящей к Расселу и Куайну методологии, два указанных прочтения одного и того же предложения (5) различаются вхождением квантора существования или, точнее, тем, в какой позиции интерпретируется именная группа: до или после интенционального глагола. Если именная группа интерпретируется после интенционального глагола, то мы получаем прочтение *de dicto*, если до, то *de re*.

¹ Подробнее о подъеме как способе обеспечения композициональной интерпретации структур с квантифицированными именными группами в позиции объекта см.: Heim I., Kratzer A. Op. cit.

² См.: Fintel K. von, Heim I. Intensional Semantics Lecture Notes, Notes for class taught at MIT (available online). 2011.

5. Ограниченность классического анализа посредством квантификации

Как мы видели выше, в рамках классической логико-философской традиции, восходящей к Фреге, вывод из (4) «Ольга хочет купить платье от Версаче» предложения (5) «Ольга хочет купить дорогое платье» считался некорректным, даже если в действительности все платья от Версаче являются дорогими платьями. Обсуждение невзаимозаменяемости кореферентных выражений в интенциональных контекстах в рамках этой традиции объяснялось возможностью наличия у субъекта только той пропозициональной установки, которая описывается в исходном предложении, а не той, которая получается в результате подстановки (пример невзаимозаменяемости «автор “Веверлея”» и «Вальтер Скотт»). Субъект-де, желая узнать, является ли Вальтер Скотт автором «Веверлея», вовсе не желал узнать, является ли Скотт Скоттом.

Эта принятая в классической аналитической философии установка по отношению к семантике предложений с интенциональными контекстами основывается на так называемом принципе раскрытия кавычек (*disquotation principle*)¹. В своей сильной версии данный принцип выглядит так: субъект принимает «Ра», если и только если он верит, что Ра. Иными словами, любой, кто верит, что Ра, должен принимать (считать истинным, соглашаться с) предложение «Ра» и наоборот. Исходя из этого понимаешь, почему (помимо уже рассмотренных выше проблем с обоснованностью вывода), согласно классической установке, принятой в философии языка, предложение, получающееся в результате подстановки одного выражения, находящегося внутри интенционального контекста, в кореферентное ему выражение, не дает предложения, с необходимостью обладающего тем же истинностным значением, что и исходное: субъект, считающий, что Ра, может не считать истинным предложение «Рв» (в случае если $a = b$, но субъект об этом не знает), а значит, как следствие, и не считать, что Рв. Рассмотренный выше пример Рассела про Георга IV представляет частный случай такого рассуждения: Георг IV, как и все мы, знал, что Вальтер Скотт тождествен Вальтеру Скотту, и поэтому вовсе не хотел это узнать. Однако

¹ См.: *Kripke S. A Puzzle about Belief // Meaning and Use. M. Avishai (ed.). Dordrecht : Reidel, 1979.*

при этом он не знал, что Вальтер Скотт тождествен автору «Веверлея» (не считал истинным предложение «Вальтер Скотт есть автор “Веверлея”»), и поэтому хотел узнать, является ли Вальтер Скотт автором «Веверлея». Отсюда и истинность исходного предложения и ложность предложения, получившегося в результате подстановки.

В упомянутой выше работе Крипке показал, как в случае с вхождением в интенциональный контекст имен собственных применение принципа раскрытия кавычек приводит семантическую теорию к парадоксам. Так, вполне возможно построить ситуацию, в которой некто будет считать предложение «Падеревский – талантливый музыкант» и истинным, и ложным одновременно и при этом не будет мыслить противоречиво. Крипке делает вывод, что указанные парадоксы представляют собой загадку для семантической теории.

Однако на данную проблематику может быть и иной взгляд. В частности, следствием рассмотренных Крипке парадоксов может быть отбрасывание принципа раскрытия кавычек как некорректного (сам Крипке не рассматривает подобную альтернативу, ибо считает этот принцип «самоочевидной истиной»). Мною представлена философская критика принципа раскрытия кавычек¹. Здесь же я попытаюсь исследовать не столько «внутренние» проблемы данного принципа, сколько «внешние» негативные последствия его принятия, которые делают семантическую теорию неспособной объяснить существование конкретных естественно-языковых феноменов. Речь, в частности, идет о неспособности семантической теории, строго придерживающейся принципа раскрытия кавычек, эксплицировать объективно существующие прочтения естественно-языковых предложений, являющихся сообщениями о верованиях и содержащих интенциональные глаголы.

Первой и достаточно простой иллюстрацией такого прочтения является *de re* прочтение нашего предложения (5), которое истинно, если и только если существует конкретное платье, являющееся дорогим, и такое, что Ольга хочет его купить (сама она при этом может и не знать о его цене). Ситуация, которую мы здесь описали и которая делает это прочтение истинным, такова, что Ольга хочет купить конкретное платье (скажем, обозначенное индивидуаль-

¹ См.: *Куслий П.С.* Разгадка контекстов мнения в семантике // *Язык – знание – реальность*. М., 2011. С. 184–200.

ным артикулом: VD12345-01), а говорящий, который делает сообщение о желании Ольги, обозначает это платье как дорогое исходя из имеющегося у него знания о его дороговизне. Итак, ситуацию, в которой Ольга хочет купить VD12345-01, он передает, произнося (5). Но если мы строго следуем принципу раскрытия кавычек, то мы должны признать (5) ложным, ибо Ольга в описанной ситуации не хочет покупать дорогого платья (если ее спросить, покупает ли она дорогое платье, если ее желание относительно покупки VD12345-01 сбывается, то она ответит отрицательно). Получается, что следуя принципу раскрытия кавычек, мы оказываемся не в состоянии даже объяснить (очевидную) истинность *de re* прочтения предложения (5) в описанной ситуации. Получается, что мы даже не можем сказать, что (5) истинно, если Ольга хочет купить VD12345-01. Это явно расходится с теми феноменами, которые мы можем фиксировать в естественном языке. Конкретно: возможность существования истинных *de re* сообщений о верованиях, которые строятся даже в рамках стандартной теории квантификации.

Таким образом, классический подход к семантическому анализу, основанный на принципе раскрытия кавычек, следует признать неудовлетворительным в силу его неспособности эксплицировать существующие прочтения предложений с интенциональными глаголами, генерируемые уже в рамках классической теории квантификации. Но есть и другие прочтения для предложений с интенциональными глаголами, которые присутствуют уже в предложениях типа (5) и которые не только не учитываются теориями, опирающимися на принцип раскрытия кавычек, но и оказываются недоступными для экспликации с помощью классической теории квантификации. К рассмотрению одного такого прочтения для предложения (5), считающегося третьим в дополнение к уже рассмотренным двум, мы переходим ниже.

6. Третье прочтение для предложений с интенциональными глаголами

Представим себе ситуацию, в которой Ольге, посетившей бутик Версаче, одинаково понравились все выставленные платья и она готова купить любое из них, неважно какое именно, но точно какое-то одно, ибо ей нужно лишь одно платье. Про нее можно ска-

зять, что Ольга хочет купить (некоторое) платье от Версаче. При этом она, как и раньше, не знает, что все платья от Версаче дорогие (и не смотрела на ценник, когда их выбирала). Говорящий, который произносит (повторим еще раз)

(5) Ольга хочет купить дорогое платье,

знает, как и раньше, что все платья от Версаче дорогие, но делает это сообщение, чтобы передать именно то, что происходит в описанной ситуации, т.е. то, что Ольга хочет купить (некоторое, а не какое-то конкретное) платье, являющееся дорогим. Возможно ли такое прочтение? Да, возможно. Реально ли оно? Да, вполне. Мы, кажется, сплошь и рядом в нашей языковой практике делаем подобные сообщения.

Что можно сказать относительно семантического анализа (5) при описанном прочтении? Оно с очевидностью не учитывается теориями, всецело опирающимися на принцип раскрытия кавычек. Однако помимо этого оно не учитывается и рассмотренной выше стандартной теорией квантификации, которая объясняла для нас *de dicto* прочтение 1 и *de re* прочтение 2.

В описанной выше ситуации платье как дорогое оценивается тем, кто произносит (5), как это имеет место в прочтении 1, являющемся *de re* прочтением. С точки зрения Ольги (как мы помним) это платье не оценивается как дорогое. В этой же ситуации речь не идет о каком-то конкретном платье, а лишь о том или ином из набора платьев, понравившихся Ольге. Чтобы более наглядно увидеть суть данного прочтения и его отличие от прочтения 1 и прочтения 2, рассмотрим ее в терминологии, предложенной ее первооткрывателем, американским лингвистом Жанет Дин Фодор¹.

Фодор обратила внимание на то, что различие между *de dicto* и *de re* прочтениями предложения с интенциональным глаголом является двояким. С одной стороны, оба прочтения различаются по критерию того мира, в котором интерпретируется дескриптивное содержание квантифицированной именной группы. При *de dicto* прочтении дескриптивное содержание именной группы оценивается в мире субъекта соответствующей психологической установки (в случае нашего примера (5) в мире Ольги — точнее, в каждом мире w' , сопоставимом с ее желаниями в мире w). При *de re*

¹ См.: Fodor J.D. The linguistic description of opaque contexts : Massachusetts Institute of Technology dissertation, 1970.

прочтении оценка дескриптивного содержания осуществляется в мире говорящего, ибо, как было сказано выше, именно он, а не Ольга, оценивает платье как дорогое (соответственно здесь речь уже идет о дорогом платье в w , а не в каждом w' , сопоставимом с желаниями Ольги в w). Данное различие по интерпретации дескриптивного содержания в мирах Ольги или мире говорящего может быть также выражено как его интерпретация в сфере действия интенционального глагола «хочет» или вне его сферы действия.

С другой стороны, оба прочтения различаются по тому, где имеет вхождение квантор существования, рассматриваемый нами как составной (хотя и не произносимый в не имеющем артиклей русском языке) элемент квантифицированной именной группы. При *de dicto* прочтении (т.е. прочтении 1) квантор имеет вхождение внутри сферы действия интенционального глагола. При *de re* прочтении (прочтение 2) он имеет вхождение вне этой сферы.

Фодор обозначила каждую оппозицию этого двоякого различия между *de dicto* и *de re* прочтениями отдельными терминами. Различие, заключающееся в том, где интерпретируется дескриптивное содержание именной группы, было обозначено вслед за терминологией, предложенной Куайном, как различие между *прозрачным* (*transparent*) и *непрозрачным* (*opaque*) прочтением. Различие же по вхождению квантора стало именоваться различием между *специфическим* (*specific*) и *неспецифическим* (*non-specific*) прочтениями.

Таким образом, *de dicto* прочтение предложения (5), т.е. прочтение 1, в терминологии Фодор становится *непрозрачным несспецифическим* прочтением, а *de re* прочтение предложения (5), т.е. прочтение 2, становится *прозрачным специфическим*. Разумеется, два данных вида прочтения не исчерпывают список прочтений, которые можно построить, комбинируя четыре перечисленных фактора. Еще существует прозрачное несспецифическое, а также непрозрачное специфическое прочтения. То прочтение, которое мы обозначили выше (в конце § 5) как третье прочтение предложений с интенциональным глаголом, в терминологии Фодор оказывается *прозрачным несспецифическим*. Согласно этому прочтению, как мы видели в описании соответствующей ситуации, дескриптивное содержание именной группы интерпретируется вне сферы действия интенционального глагола (ибо, повторим, множество платьев от Версаче является подмножеством дорогих платьев с точки зрения говорящего, но не Ольги), а квантор существования имеет свое

вхождение внутри сферы действия интенционального глагола (ибо у Ольги нет конкретного выбранного платья).

Стандартная теория квантификации (также известная применительно к данной проблематике как теория сферы действия (*scope theory*)), как уже, быть может, стало понятно, не способна имеющимися у нее средствами выразить третье прочтение. Перемещая именную группу целиком, либо внутрь сферы действия интенционального глагола, либо вовне ее, стандартная теория квантификации может выразить лишь непрозрачное и неспецифическое (т.е. *de dicto*) прочтение, либо прозрачное и специфическое (т.е. *de re*) прочтение, тогда как нас интересует именно прозрачное неспецифическое (т.е. третье) прочтение. Неспособность стандартной теории квантификации выразить третье прочтение иногда обозначается как парадокс сферы действия (*scope paradox*). Попытки предложить решение данному парадоксу составляют одно из направлений современных исследований в области философских и семантических проблем формальной семантики и философии языка.

Оставшиеся разделы данной статьи будут посвящены общему обзору некоторых наиболее заметных и существующих сегодня подходов к решению парадокса сферы действия в свете проблемы экспликации третьего прочтения предложений с интенциональными глаголами, исследованию тех проблем, с которыми они могут столкнуться, с фактической и методологической точки зрения, а также представлению и защите одного из подходов, преодолевающего парадокс сферы действия и предлагающему способ последовательного композиционального построения третьего прочтения для предложения (5).

7. Современные теории семантической экспликации третьего прочтения

Проблема третьего прочтения, как было показано выше, вызвана связанным с ней парадоксом сферы действия, т.е. неспособностью стандартной теории квантификации представить условия истинности данного прочтения. Исходя из такого видения проблемы можно выделить два наиболее явных направления, следуя которым можно пытаться отыскать решение этой проблемы. Во-первых, можно попробовать улучшить теорию сферы действия, внося в нее изменения, позволяющие решить поставленную задачу, преодолев парадоксы.

Во-вторых, исходя из наличия парадоксов можно констатировать ограниченность теории сферы действия и отбросить ее, обратившись к альтернативным подходам экспликации значения языковых выражений, в том числе и таких, как предложение (5). Первая стратегия является более консервативной, вторая — более революционной.

Ниже я рассмотрю лишь два существующих подхода в рамках первой стратегии (т.е. стратегии модификации теории квантификации), ибо с их недостатками связано решение, предлагаемое мной в данной статье, которое тоже содержит предложение о модификации способов использования стандартной теории квантификации для получения третьего прочтения. Два наиболее распространенных подхода, относящихся к более революционной стратегии, я в силу ограничений размера настоящей статьи рассматривать не стану, а лишь обозначу: речь идет о подходе с указанием для каждого предиката того мира, в котором он интерпретируется¹, а также так называемом пресуппозиционном подходе, эксплицирующем специфику третьего прочтения в терминах пресуппозиций².

Итак, два подхода по улучшению теории сферы действия имеют одну общую черту. Парадоксы классической теории сферы действия были связаны с тем, что критерий, по которому определялось различие в прочтениях, был один: положение квантифицированной именной группы относительно интенционального глагола. Однако для учета предложенных Фодор оппозиций специфического/неспецифического и прозрачного/непрозрачного таких критериев требовалось два. Каждый из двух рассмотренных ниже подходов стремится дополнить указанный недостаток посредством добавления еще одного критерия, или, иначе говоря, выявления еще одной оппозиции помимо положения относительно интенционального глагола. Этот новый критерий отыскивается в обеих теориях посредством расщепления чего-то, что ранее рассматривалось как единое целое. Исходя из этих соображений я обозначу первый подход как *теорию расщепленной квантификации*, а за вторым подходом оставлю его оригинальное название — *теория расщепленной интенциональности*.

¹ См: *Percus O.* Constraints on Some Other Variables in Syntax // *Natural Language Semantics*. 2000. № 8. P. 173–229.

² См.: *Romoli J., Sudo Y.* De re/de dicto Ambiguity and Presupposition Projection // *Sinn und Bedeutung*. 2009. Vol. 13; *Geurts B.* Presuppositions and Anaphors in Attitude Contexts // *Linguistics and Philosophy*. 1998. Vol. 21. P. 545–601.

Теория расщепленной квантификации. Выше при обсуждении отличия третьего прочтения от прочтений 1 и 2 было сказано, что его специфической чертой является то, что дескриптивное содержание квантифицированной группы «дорогое платье» в третьем прочтении интерпретируется вне сферы действия интенционального глагола, тогда как квантификационная сила этой именной группы интерпретируется (или имеет вхождение) внутри сферы действия интенционального глагола. Также был рассмотрен механизм подъема именной группы, который соответствовал ее интерпретации вне сферы действия глагола. Поскольку в исходной поверхностной форме предложений типа (5) именная группа находится внутри сферы действия интенционального глагола, нововведение, предлагаемое в данной теории, заключается в том, чтобы отыскать способ экстрадировать из сферы действия глагола исключительно дескриптивное содержание квантифицированной именной группы, оставляя внутри сферы действия глагола часть, отвечающую за квантификационную силу этой именной группы. Таким образом, в теории расщепленной квантификации сама именная группа расщепляется на две составляющие, которые интерпретируются по отдельности.

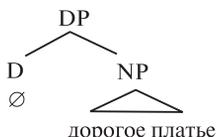
Исходя из данного метода, представленного в наиболее наглядной форме¹, логическая форма нашего предложения (5) будет выглядеть так:

(5') [λP . Ольга хочет [$\exists x(P(x) \ \& \ PRO \text{ покупает}(x))$]] (λy . дорогое платье (y)).

Данная форма становится результатом лямбда-абстракции над предикатом, дающей функцию, которая берет в качестве аргумента свойство индивидуального объекта и отображает его в истинностное значение. Аргументом в данном случае оказывается свойство *быть дорогим платьем* (т.е. множество дорогих платьев), интерпретируемое вне сферы действия интенционального глагола. При этом решении на синтаксическом дереве выше интенционального глагола поднимается только дескриптивное содержание именной группы, которая в диаграммах для прочтений 1 и 2 была показана как единое целое, но (если согласиться с идеей существования в русском языке

¹ См.: *Bonomi A.* Transparency and Specificity in Intensional Contexts // On quine ; *P. Leonardi, M. Santambrogio* (eds.). Cambridge University Press, 1995. P. 164–185.

непроизносимых артиклей) может быть расчленена именно на нужные нам составляющие:

Поднимается выше глагола именно часть NP, тогда как детерминатор D остается на своем месте. В результате получаем искомое прозрачное неспецифическое прочтение.

Однако данный подход сталкивается как минимум с двумя проблемами. Во-первых, объяснение третьего прочтения через экстрадирование исключительно дескриптивного содержания именной группы оказывается не вполне удовлетворительным в силу ограниченного характера данного метода. Даже если признать, что этот метод решает проблему третьего прочтения, он неспособен объяснять случаи, когда предложение, подобное (5), используется как сообщение о веровании, в котором присутствует именная группа с иным детерминатором, чем в самом этом сообщении, и которое предполагает все же интерпретацию всей именной группы вне сферы действия интенционального глагола. Такие случаи не рассматриваются Бономи, но будут рассмотрены в конце статьи при представлении наиболее успешного, с моей точки зрения, подхода к решению проблемы третьего прочтения.

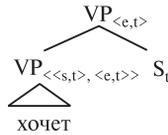
Во-вторых, представленный Бономи подход может вызвать сложности синтаксического характера, ибо не вполне понятно, каким образом и в рамках каких теоретических допущений должен осуществляться подъем исключительно дескриптивного содержания квантифицированной именной группы¹.

Теория расщепленной интенциональности. В теории расщепленной интенциональности Э. Кешета² предлагается расщепить интенциональный глагол на два элемента, оставив анализ именной группы без изменений. Интенциональный глагол должен рассматриваться как проецирующий в своем синтаксисе две части (два узла): содержательную часть глагола и его интенциональный фактор. Так, если

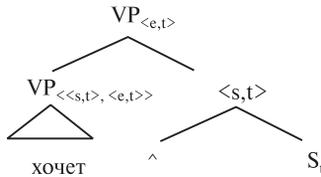
¹ См.: *Fintel K. von, Heim I.* Op. cit.

² См.: *Keshet E.* Good Intentions: Paving Two Roads to a Theory of the De re/De dicto Distinction. PhD dissertation: MIT, 2008.

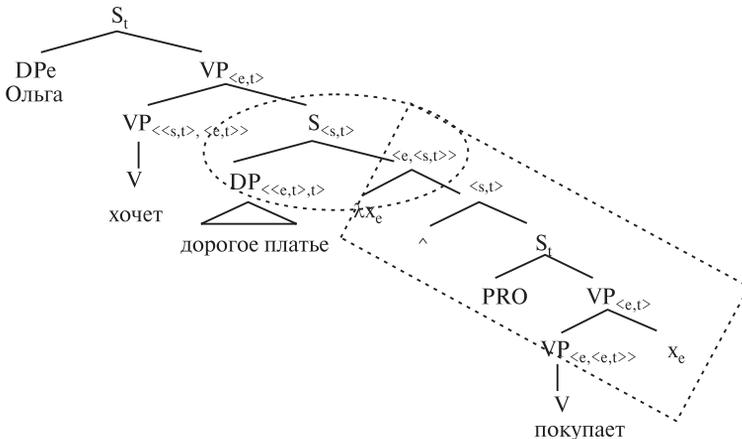
в рамках стандартного подхода узел глагольной группы с интенциональным глаголом состоял из самого глагола и предложения, интенционал которого он брал в качестве аргумента по отдельному правилу сочетания интенционального применения функции к аргументу (согласно которому интенциональный глагол, сочетаясь с узлом типа s , берет в качестве аргумента не сам этот узел, а его интенционал $\langle s, t \rangle$, причем в синтаксисе узел с таким семантическим типом не представлен):

то Кешет предлагает заменить этот анализ следующим:

Здесь, как мы видим, интенциональная часть, которую глагол берет в качестве своего аргумента, прописана в синтаксисе эксплицитно. Далее Кешет предлагает осуществлять подъем кванторной группы выше узла ^, но ниже VP. Такой ход даст нам следующую структуру:

Особенность данного подхода заключается в решении возникающей проблемы сочетания семантических типов: два элемента, из которых состоит узел $S_{\langle s, t \rangle}$, имеют типы $\langle e, t \rangle, t$ и $\langle e, \langle s, t \rangle \rangle$, которые не сочетаются друг с другом посредством стандартных правил применения функции к аргументу. Чтобы все-таки добиться их сочетания, Кешет вводит новое правило опирающееся на идею, согласно которой любой узел, берущий в качестве аргумента выражение с типом e (и отображающий его в выражение, тип которого оканчивается на t), может взять в качестве аргумента и выражение типа $\langle \langle e, t \rangle, t \rangle$ ¹.

В результате в приведенной Кешетом структуре мы получаем требуемое третье прочтение (прозрачное неспецифическое), ибо кванторная группа интерпретируется вне сферы действия интенционального оператора \wedge (что обеспечивает прозрачность прочтения), но все же ниже интенционального глагола (что обеспечивает прочтению его неспецифичность).

Предложенный метод страдает как минимум двумя недостатками. Во-первых, прежде чем допускать предложенный им анализ структуры, проецируемой интенциональным глаголом, хотелось бы видеть независимые основания для проецирования узла типа \wedge . Чем является VP без этой составляющей? Есть ли у нас основания считать, что в синтаксисе предложения (5) есть такой элемент, как \wedge ? К сожалению, Кешет не дает однозначных ответов на эти вопросы. Во-вторых, метод сочетания семантических типов, предлагаемый Кешетом со ссылкой на Бьюринга, имеет важную особенность: подходы такого рода разработаны в качестве альтернативы подъему квантора. Иными словами, имея подобные правила сочетания семантических типов, мы изначально не нуждаемся в подъеме кванторных групп. Кешет, однако, не отказывается от подъема квантора, что делает предлагаемую им теорию гораздо слабее, ибо данное введенное в ней правило обретает характер *ad hoc*, так как используется исключительно для объяснения той проблемы, которая вызвала пересмотр стандартной теории.

На основании приведенной критики я хотел бы признать два рассмотренных подхода неудовлетворительными и рассмотреть еще одну альтернативу.

¹ См.: *Buring D. Binding Theory*. N.Y., 2005. Ch. 4.

8. Экспортирование кванторной группы из интенционального контекста

В качестве подхода, предлагаемого в качестве решения проблемы третьего прочтения, будет рассмотрено так называемое экспортирование из интенционального контекста всей кванторной группы посредством лямбда-абстракции над квантором. Данный подход напоминает рассмотренный выше метод Бономи, отличие только в том, что в методе Бономи абстракция осуществляется над множеством, а не над квантором (множеством множеств). И если в методе Бономи (5) анализируется как

(5') $[\lambda P_{\langle e,t \rangle} . \text{Ольга хочет } [\exists x(P(x) \ \& \ \text{PRO покупает}(x))]](\lambda y. \text{дорогое платье } (y))$,

то в предлагаемом методе третьему прочтению предложения (5) соответствует следующая синтаксическая форма:

(5'') $[\lambda Q_{\langle \langle e,t \rangle, t \rangle} . \text{Ольга хочет } [PRO \text{ покупает } Q]](\lambda P_{\langle e,t \rangle} . \exists y. \text{дорогое платье } (y) \ \& \ P(y))$.

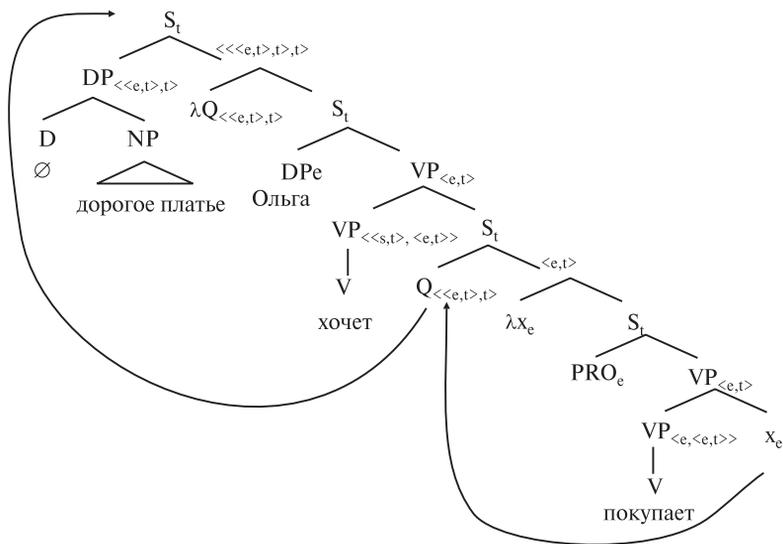
или (что эквивалентно):

(5''') $[\lambda Q_{\langle \langle e,t \rangle, t \rangle} . \text{Ольга хочет } [Q](\lambda x_e . \text{PRO покупает } x)](\lambda P_{\langle e,t \rangle} . \exists y(\text{дорогое платье } (y) \ \& \ P(y)))$.

Эквивалентность (5'') и (5''') обусловлена следующим: единственное их отличие заключается в том, что в (5''') кванторная переменная Q также поднимается методом подъема квантора. Квантор поднимается из соображений сочетания семантических типов¹.

В (5''') кванторная группа интерпретируется вне сферы действия модального глагола подобно тому, как это имеет место при *de re* прочтении, однако в отличие от *de re* прочтения предложенная синтаксическая структура не предполагает утверждения существования (в мире говорящего) какого-то конкретного дорогого платья, ибо интерпретируемая вне сферы модального глагола кванторная группа обозначает здесь лишь множество свойств, каждое из которых присуще тому или иному дорогому платью в мире говорящего, но при этом не постулирует существования какого-то конкретного платья. Синтаксическое дерево, соответствующее структуре (5'''), может быть представлено так:

¹ См.: Heim I., Kratzer A. Op. cit.

Итак, в предложенной схеме кванторная группа «дорогое платье», имея изначально позицию сестры глагольной группы «покупает», поднимается в свою конечную позицию посредством двух перемещений: первое – подъем стандартным методом подъема квантора (кванторная группа остается при этом все еще ниже глагольной группы «хочет» и оставляет след типа e , обозначенный на дереве переменной x), а также (далее) подъем в итоговую позицию с оставлением следа типа $\langle\langle e,t \rangle, t \rangle$ (представленного переменной Q на дереве).

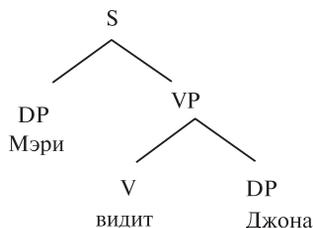
Данный метод анализа сам по себе не является абсолютно новым и упоминается в литературе по проблематике¹. Однако в указанных источниках он либо представлен вкратце, либо подвержен критике, которая представляется несостоятельной. Преимущество данного подхода очевидно: он генерирует нужное прочтение, используя по большому счету стандартный аналитический инструментарий подъема кванторной группы, что в отличие от подъема предиката (как это предполагается в подходе Бономи) не является проблемой для наиболее распространенных формализмов. Мы имеем возможность проинтерпретировать дескриптивное содержание вне сферы действия модального глаго-

¹ См.: Finter K. von, Heim I. Op. cit.; Pomoli J., Sudo Y. Op. cit.

ла, оставляя при этом интерпретацию квантификационной силы, ассоциирующую с указанной кванторной группой, уже внутри сферы действия глагола.

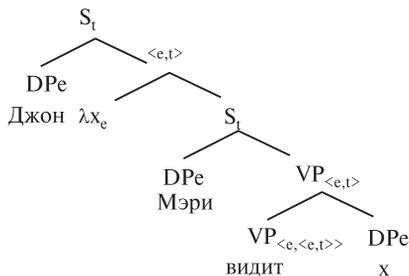
Единственное новшество заключается в том, что здесь кванторная группа поднимается дважды, причем в первый раз стандартно (образуя лямбда-абстракт типа $\langle e, t \rangle$ и след типа e), а во второй раз – не стандартно (образуя лямбда-абстракт типа $\langle \langle \langle e, t \rangle, t \rangle, t \rangle$ и след типа $\langle \langle \langle e, t \rangle, t \rangle$). Такой подъем квантора действительно не столько привычный (которому соответствует правило квантификации (*quantifying-in*) в семантике Монтегю¹), сколько, как уже было сказано, лямбда-абстракция над квантором, т.е. подъем квантора, составляющего след того же типа, что и квантор. Однако кажется, что это не является проблемой ни с точки зрения семантики, ни с точки зрения синтаксиса: с точки зрения семантики мы имеем здесь пример стандартной процедуры лямбда-абстракции, а с точки зрения синтаксиса случаи подъема, когда поднимаемая группа и оставляемый ею след имеют один и тот же семантический тип, уже известны – это так называемое *res-передвижение* (*res-movement*). Речь идет о случаях, когда поднимается выражение, имеющее тип e (т.е. обозначающее индивидуальный объект). Такой подъем также оставляет след с типом e , а поднятая именная группа становится аргументом возникающего в результате ее подъема предикатного абстракта. Простой иллюстрацией может стать предложение

(7) Мэри видит Джона,
анализируемое стандартно как

и получающее в результате *res-передвижения* следующую синтаксическую структуру:

¹ См.: *Montague R.* Op. cit.; *Герасимова И.А.* Формальная грамматика и интенциональная логика. М., 2000.

Две приведенные структуры эквивалентны. В этом простом примере res-передвижение оказывается избыточным, однако существует много случаев, где анализ подобного рода оказывается необходимым.

9. Экспортирование кванторной группы и умозаключение говорящего

Изложенный подход к анализу третьего прочтения для предложений с интенциональным глаголом дает возможность показать и то, каким образом становится возможным само третье прочтение. Иными словами, какую именно операцию осуществляет говорящий, когда корректно сообщает о том, что Ольга хочет купить платье от Версаче, говоря, что она хочет купить дорогое платье. Согласно предлагаемому подходу, говорящий осуществляет умозаключение, в котором исходное предложение является одной из посылок, а произносимое сообщение – заключением. В общем виде данное умозаключение может быть представлено так:

(8)

- Ольга хочет купить платье от Версаче.
- Платье от Версаче – это дорогое платье.
- Следовательно, Ольга хочет купить дорогое платье.

Формально исходя из рассмотренного выше семантического анализа интенциональных глаголов посредством семантики возможных миров предложения в данном умозаключении можно представить так:

$$(8.1) \forall w'(w' \text{ СОВМЕСТИМ С ТЕМ, ЧЕГО ОЛЬГА ХОЧЕТ В } w \rightarrow \rightarrow [\lambda P_{\langle e,t \rangle} . \exists y(\text{ПЛАТЬЕ ОТ ВЕРСАЧЕ В } w(y) \ \& \ P(y))] (\lambda z . \text{ПРО КУПИТЬ В } w' z) = 1);$$

(8.2) $[\lambda P_{\langle et \rangle} . \exists y(\text{ПЛАТЬЕ ОТ ВЕРСАЧЕ В } W(y) \ \& \ P(y))] (\lambda z . \text{PRO}$
 КУПИТЬ $W' z) = 1] \rightarrow$
 $\rightarrow [\lambda P_{\langle et \rangle} . \exists y(\text{ДОРОГОЕ ПЛАТЬЕ В } W(y) \ \& \ P(y))] (\lambda z . \text{PRO}$
 КУПИТЬ $W' z) = 1]$.

Следовательно,

(8.3) $\forall w'(w' \text{СОВМЕСТИМ С ТЕМ, ЧЕГО ОЛЬГА ХОЧЕТ В } W \rightarrow$
 $\rightarrow [\lambda P_{\langle et \rangle} . \exists y(\text{ДОРОГОЕ ПЛАТЬЕ В } W(y) \ \& \ P(y))] (\lambda z . \text{PRO}$
 КУПИТЬ В $W' z) = 1]$).

Исходная посылка, описывающая желание Ольги, сообщает о том, что она хочет купить какое-то платье, являющееся платьем от Версаче в мире говорящего, однако при этом не имеет в виду какое-то конкретное платье (остается неспецифичной). В предложенной ситуации платья от Версаче суть одни и те же объекты как для Ольги, так и для говорящего. Однако в (8.2) в мире говорящего, но уже не в мирах Ольги купить платье от Версаче означает купить дорогое платье. Иными словами, в мире говорящего множество множеств, обозначаемое кванторным выражением «платье от Версаче», является подмножеством множества множеств, обозначаемого кванторным выражением «дорогое платье». Соответственно импликация в (8.2) обоснованна в той же мере, в какой обоснованна импликация $([Q_1 \ni NP] \wedge [Q_1 \subseteq Q_2]) \rightarrow [Q_2 \ni NP]$, где Q_1 и Q_2 суть обозначения множества множеств, а NP обозначает множество. Исходя из посылок (8.1) и (8.2) говорящий (но уже никак не Ольга, ибо она может и не принять (8.2)) делает заключение (8.3), которое одновременно и является его сообщением.

10. Экспортирование кванторной группы: новые преимущества

Существует особый вид сообщений о веровании, которые можно объяснить методом экспортирования кванторной группы, но не методом расщепленной квантификации. Речь идет о случаях сообщений о веровании, в которых присутствует именная группа с иным детерминатором, чем та, что изначально предполагается в самом веровании.

Рассмотрим следующую ситуацию. На вечеринке присутствует только один человек, являющийся врачом. Его зовут Иван. Соседка

Надя, не знаящая, сколько на вечеринке врачей, так как она только краем уха слышала обсуждение медицинских вопросов, обращается к хозяину вечеринки со словами: «Я бы хотела поговорить с врачом». Хозяин сообщает о ее веровании своей жене: «Надя хочет поговорить с Иваном», а также своему другу Андрею, который не знает Ивана, но может его опознать среди всех гостей, ибо Иван единственный пьет ананасовый сок: «Она хочет поговорить с человеком, пьющим ананасовый сок».

В отличие от метода расщепленной квантификации метод экспортирования квантора предлагает наглядное объяснение того, как возможно такое сообщение. Если мы проинтерпретируем именные группы «Надя» и «человек, пьющий ананасовый сок» не как выражения, обозначающие индивидов, а как обобщенные кванторы¹, то сообщения хозяина можно представить как заключения от следующих выводов:

Надя хочет поговорить с врачом в w .

[врач в w] \subseteq [Иван]

Следовательно, Надя хочет поговорить с Иваном

и

Надя хочет поговорить с врачом в w .

[врач в w] \subseteq [человек, пьющий ананасовый сок в w]

Следовательно, Надя хочет поговорить с человеком, пьющим ананасовый сок в w .

11. Третье прочтение в контексте других проблем интенциональной семантики

Третье прочтение не исчерпывает все возможные прочтения, которыми могут обладать предложения с интенциональными глаголами. Существует и так называемое четвертое прочтение, в котором вместо прозрачного неспецифического (т.е. *de dicto*) прочтения генерируется, наоборот, непрозрачное специфическое (т.е. *de re* прочтение). Иллюстрацией того, что счита-

¹ См.: Barwise J., Cooper R. Generalized Quantifiers and Natural Language // *Linguistics and Philosophy*. 1981. № 4. P. 159–219; Partee B.H. Noun Phrase Interpretation and Type-Shifting Principles // *Studies in Discourse Representation Theory and the Theory of Generalized Quantifiers*; eds. J. Groenendijk, D. de Jongh and M. Stokhof. 1986. 115–143. Dordrecht : Foris. Reprinted in Portner and Partee, eds., 2002, 357–381.

ется таким прочтением, может быть упомянутое выше предложение

(6) Иван ищет единорога,

понятое следующим образом: Иван ищет некоторого определенно-го единорога (скажем, единственного, обладающего золотой гривой). Хоть говорящий и не верит в существование каких-либо единорогов, Иван вполне специфичен, т.е. хочет найти ни какого-нибудь единорога, а именно некоторого конкретного. Однако неверие говорящего в существование единорогов обязывает нас в рамках стандартной теории квантификации интерпретировать (6) как сообщение *de dicto*, но в таком случае мы, как это было продемонстрировано ранее, будем приписывать Ивану неспецифическое желание, что явно не соответствует ситуации. Специфические непрозрачные прочтения представляют важное направление в современной формальной семантике¹. В связи с ними возникает ряд вопросов: существуют ли такие прочтения в предложениях указанного типа, если да, то как они должны генерироваться и какие следствия это имеет для исследовательской области в целом. В данном сборнике они обсуждаются в работах А.В. Миглы и Д.Б. Тискина.

Другой пример философских проблем, связанных с предложениями, обладающими третьим прочтением, связан со случаями использования в них пустых терминов. Рассмотрим предложение, заимствованное из статьи М. Швагер²: «Маша хочет купить здание высотой 164 этажа». Это предложение является сообщением о желании Маши, которое она выразила, сказав, что ей хочется купить здание на один этаж выше, чем Бурдж Халифа (самое высокое здание в мире, имеющее 163 этажа), при этом не зная, сколько реально этажей в здании. Оценка квантора «здание на один этаж выше, чем Бурдж Халифа», в мире говорящего даст пустое множество множеств, однако вместо него можно в указанное сообщение подставить кванторную группу «здание высотой 164 этажа», а «единорога с золотой гривой» нельзя, хотя оба выражения обозначают пустое множество мно-

¹ См.: *Gamut L.T.F. Logic, Language, and Meaning. Vol. II. Chicago, 1991; Szabó Z.G. Specific, Yet Opaque // Logic, Language and Meaning Lecture Notes in Computer Science. 2010. Vol. 6042. P. 32–41.*

² См.: *Schwager M. Speaking of Qualities // Proceedings of SALT. 2009. Vol. 19. P. 395–412. — <http://elanguage.net/journals/salt/article/view/19.23>.*

жеств¹. Более того, кванторная группа может обозначать и непустое множество в мире говорящего, однако проблемы с выводом все равно могут возникнуть. Применительно к предложению (5) выдвигаются аргументы о том, что оно может быть истинно, даже если Ольга, желающая купить платье от Версаче, одновременно с этим отвергла все реально существующие платья от Версаче (но все равно продолжает хотеть купить такое платье)².

На сегодня остается открытым вопрос о том, в какой мере приведенные примеры являются контрпримерами для существующих теорий, объясняющих третье прочтение и подобных той, что представлена в настоящей работе. Можно ли объяснить их с помощью уже имеющихся теорий или следует разработать новые (подобные той, что представила Швагер)? Это только предстоит исследовать. Хотелось бы надеяться, что вскоре появятся работы, проливающие свет на данные вопросы.

Наконец, последняя группа примеров, изначально происходящая из сферы семантики индексных выражений, также предлагает новую перспективу для знакомых проблем интенциональной семантики. Данные примеры перечислены, а объясняющие их концепции рассмотрены в работе К.Й. Сэбо³. Наиболее показательным является следующий пример. Сообщение из газеты: «Большой черный медведь ворвался в один из частных домов Анкориджа... Хозяева спали, когда залаял их ротвейлер... Супружеская пара слышала, что снаружи вещи с грохотом перебрасывались. В полиции сообщили, что изначально хозяева решили, что медведь был грабителем». Проблема данного примера заключается, согласно Сэбо, в том, что последнее предложение приведенного пассажа является сообщением *de dicto*, ибо хозяева не имели специфической установки относительно того, кто именно был ночным гостем, перебрасывавшим вещи во дворе, и кого именно они посчитали грабителем. Возникает вопрос о том, что обуславливает корректность сообщения, представленного последним предложением отрывка.

¹ См.: *Tuskin D.B.* Третье прочтение и проблемы референциальной непрозрачности // Тезисы доклада на семинаре «Логика и философия языка». М.: ИФ РАН, 2013. — <http://www.academia.edu/4821470/>.

² См.: *Shwager M.* Op. cit.; *Tuskin D.B.* Указ. соч.

³ *Sæbo K.J.* Lessons from Descriptive Indexicals // *Semantics and Philosophy in Europe*. — <http://spe6conference.files.wordpress.com/2013/07/saeboe.pdf>.

Представляют ли подобные примеры проблему для теорий, объясняющих третье прочтение, и если да, в чем их специфика и что необходимо сделать для отыскания решений тех проблем, которые с ними связаны? Вопросы подобного рода также не имеют однозначного решения и являются объектом целого ряда текущих исследований¹.

¹ По-русски один взгляд на данную проблему вкратце представлен в: *Куслий П.С.* Проблема «третьего прочтения» в семантике сообщений о верованиях. Презентация доклада. — http://www.academia.edu/4926396/2013_06_19_Kusliy_3rd_Reading.

Д.Б. Тискин

Имена, сфера действия и модальные контексты¹

В статье исследуется возможность применения понятия сферы действия к анализу собственных имен естественных языков. Рассматриваются подходы Я. Хинтикки, предложившего в рамках теоретико-игровой семантики рассматривать индивидуальные термы как обладающие сферой действия, и сторонников предикативизма относительно имен. Показано, что анализ имен в терминах дескрипций и кванторов, дополненный средствами IF-логики (логики, дружественной к независимости), позволяет пролить свет на некоторые проблемы именования: неспецифические чтения для имен, в которых имеется в виду любой возможный носитель данного имени, задачу Крипке о Падеревском и одну из проблем субъективного значения.

Введение

Понятие *сферы действия* (СД) знакомо всем, кто занимается логикой или использует ее аппарат, поскольку оно является одним из основополагающих при описании поведения кванторов в языках первого порядка. Этим, однако, не исчерпывается круг явлений, связанных с СД. Кроме кванторов говорят о сфере действия различных модальных операторов (традиционно описываемых как кванторы по возможным мирам или ситуациям), отрицания, связывающих операторов и номиналов в гибридных логиках. Вообще, хотя СД часто определяется синтаксически, говорить о ней имеет смысл, когда присутствие оператора оказывает то или иное влияние на интерпретацию следующих за ним выражений, а особенно тогда, когда этот эффект наблюдается лишь в некоторых случаях, которые и объясняются как нахождение выражения в пределах СД оператора.

Иногда у одного и того же оператора насчитывают более одной сферы действия. Так, Я. Хинтикка² выделяет у квантора *приори-*

¹ Автор выражает благодарность П.С. Куслию и Г.К. Ольховикову за ценные замечания к ранним версиям статьи, а также наставникам и коллегам с кафедры логики СПбГУ и аудитории конференции «Investigating Semantics» (Бохум, Германия, 2013). Статья подготовлена при поддержке РФНФ, проект № 11-03-00608а.

² См.: *Hintikka J. The Principles of Mathematics Revisited*. Cambridge University Press, 1998. P. 54.

тетную (priority score) и связывающую (binding score) сферы действия: первая связана с тем, в каком порядке применяются семантические клаузы для кванторов, вторая — с тем, какие вхождения переменных ими затрагиваются. В логике первого порядка эти СД совпадают, но они расходятся в более выразительном языке IF-логики, речь о которой пойдет ниже.

Имена собственные обычно не попадают в круг выражений, которым приписывается СД: трудно подобрать «минимальную пару», один член которой демонстрировал бы влияние индивидуальной константы на последующий контекст, отсутствующее в другом (как $\forall x [P(x) \wedge Q(x)]$ и $\forall x [P(x)] \wedge Q(x)$). Тем не менее, как мы покажем, собственные имена естественных языков, аналогами которых часто¹ считают индивидуальные константы, проявляют свойства, анализировать которые удобно как раз с помощью понятия СД. В обоснование этой точки зрения мы приведем аргументы как эпистемического, так и семантического свойства.

Широкая сфера действия

Оригинальный аргумент, следствием из которого является признание за именами (точнее, за сингулярными терминами вообще) широкой СД, предложил Хинтикка². Он обратил внимание на тот факт, что если нам необходимо на формализованном языке сформулировать для сингулярного термина b определение, общая форма которого

$$\forall x (x = b \leftrightarrow \varphi[x]), \quad (1)$$

то во избежание круга в определении *definiens*, $\varphi[x]$, не должен содержать ни самого b , ни каких-либо выражений, интерпретация которых зависит от b . Такими выражениями с точки зрения теоретико-игровой семантики, одним из основателей которой является Хинтикка, выступают кванторы, соответствующие в ней актам выбора, осуществляемым игроками. По умолчанию игроку на любом ходе доступна информация о предшествующих ходах, своих и оппонента; соответствующее обогащение синтаксиса (за счет знака «\» после вхождения переменной при кванторе, после которого перечисляются элементы, зависимость от которых исключается) по-

¹ См.: Мендельсон Э. Введение в математическую логику. М.: Наука, 1971.

² См.: Hintikka J. IF logic, Definitions and the Vicious Circle Principle // Journal of Philosophical Logic. 2012. Vol. 41. № 2. P. 505–517.

зволяет построить семантику, основанную на играх с несовершенной информацией (imperfect recall). Полученная логика называется дружественной к независимости (independence-friendly logic), или IF-логикой¹; квантор исключается из приоритетной СД тех операторов, которые перечислены у него после знака «\». Итак, чтобы избежать круга, надо добиться независимости кванторов, входящих в $\varphi[x]$, от значения b . Не претендуя здесь на критический анализ рассуждений Хинтикки, отметим лишь одно обстоятельство: хотя с семантической точки зрения допустимо не обращать внимания на сферу действия термина и попросту потребовать, чтобы ассоциированный с квантором ход был информационно независим от значения b , для синтаксиса это означало бы, что возможны формулы, в которых b вообще не встречается, но независимость от его значения указана (как в $(\exists x \setminus b) P(x)$). Чтобы это исключить, следует потребовать, чтобы независимость указывалась только от термов, в сфере действия которых находится квантор. Впрочем, в случае IF-логики, как и для традиционной первопорядковой логики, значение константы на протяжении формулы неизменно, так что СД константы является вся формула, если только данная константа вообще входит в рассматриваемую формулу. Тем не менее речь здесь идет как раз об одном из эффектов, свидетельствующих о целесообразности описывать константы как обладающие сферой действия².

Узкая сфера действия

В другой своей работе³ тот же Хинтикка фактически высказался за придание константам в некоторых случаях узкой СД. С точки зрения Хинтикки, знание $de\ re$ не существует как некоторый ни к чему не сводимый вид знания. Так, получить высказывание о зна-

¹ Подробным и авторитетным введением в IF-логику и теоретико-игровую семантику может служить монография А. Манна, Г. Санду и М. Севенстера (См.: *Mann A.L., Sandu G., Sevenster M. Independence-Friendly Logic: A Game-Theoretic Approach* (No. 386). Cambridge University Press, 2011).

² Сказанное проясняется, если учесть наблюдение Хинтикки о том, что (*) эквивалентно (**):

$\exists x \varphi[x, b]$ (*)

$\exists y (y = b \wedge (\exists x \setminus \exists y) \varphi[x, y])$ (**)

Здесь широкая СД показана более традиционным способом: она принадлежит квантору.

³ См.: *Hintikka J. Socratic Epistemology: Explorations of Knowledge-Seeking by Questioning*. Cambridge University Press, 2007.

нии *de re* (2) можно, обеспечив независимость квантора существования от эпистемического оператора в (3):

$$K_i \exists x P(x); \quad (2)$$

$$K_i (\exists x \setminus K_i) P(x). \quad (3)$$

В случае сингулярных терминов обозначение независимости выбора, например в

$$K_i P((b \setminus K_i)), \quad (4)$$

имеет смысл, только если интерпретацию констант не считать данной заранее, до начала семантической игры, а предоставить выбору верификатора в ходе этой игры¹. Тогда ничто не мешает этому выбору быть (не)зависимым от тех или иных предыдущих выборов, что и означает узкую сферу действия; но тогда и последующие выборы, если они есть в игре для данной формулы, могут быть (не)зависимы от данного. В соответствии с последним соображением во избежание неоправданного ослабления выразительных возможностей языка следовало бы сделать индивидные константы полноценными операторами, связывающими переменные. Тогда они могли бы получать как узкую, так и широкую или промежуточную (при наличии нескольких операторов) СД. На таком модифицированном языке (4) можно было бы записать как

$$K_i [bx \setminus K_i] P(x). \quad (5)$$

Итак, мысль Хинтикки подводит нас к случаям, когда имя (индивидная константа) получает при анализе переменную сферу действия. Мы, однако, задолжали читателю объяснение того, какие именно явления в естественных языках — кроме высказываний о знании *de re*, о котором пока также сказано недостаточно, — нуждаются в столь непривычном анализе.

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к статье М. Ребуски и Т. Туленхеймо². Ее авторы уточняют позицию Хинтикки относительно установок *de re*: как и он, они не признают жесткую десигнацию базовым понятием и стремятся показать, какие различия в ло-

¹ Не следует смешивать случай (4) с проблемой, обсуждавшейся выше в связи с (1): в (4) указывается не независимость чего-либо от значения *b*, а независимость выбора значения самой *b* от предшествующего выбора возможного мира, ассоциированного с эпистемическим оператором K_i . См.: *Hintikka J. Socratic Epistemology*. P. 78.

² См.: *Rebuschi M., Tulenheimo T. Between de dicto and de re: de objecto Attitudes // The Philosophical Quarterly*. 2011. 61 (245). P. 828–838.

гической форме ответственны за оппозицию *de dicto*—*de re*. Значение их работы¹ состоит в том, что они переместили акцент с эпистемической модальности на докстастическую: вместо контекстов знания рассматриваются контексты убеждения (*belief*). Как известно, модальность убеждения (обозначим ее как B_i) в отличие от знания не обладает свойством достоверности (*veridicality*): $\Box \phi \rightarrow \phi$. Семантически это означает, что отношение достижимости не обязательно рефлексивно, т.е. действительный мир не обязательно совместим с убеждениями агента. Соответственно если квантор существования находится в сфере действия докстастического оператора (случай установок *de dicto*), то существование индивида требуется только в достижимых для агента мирах, но не в действительном мире; в обратном случае (*de re*) существование требуется в действительном мире. Даже если сделать ассоциированный с квантором существования выбор независимым от докстастического оператора, эффект отсутствия «онтологических обязательств» относительно действительного мира сохранится. В этом причина того, что для установок, не обладающих свойством достоверности, *чтение с независимым квантором не эквивалентно чтению de re*, вопреки заверению Хинтикки. Таким образом, мы получаем тройное противопоставление: наряду с *de re* $B_i \exists x \Box [x]$ и *de dicto* $(\exists x B_i \phi[x])$ существует чтение, названное авторами *de objecto*: $B_i (\exists x \setminus B_i) \phi[x]$. Название *de objecto* связано с тем, что высказывания такого рода истинны, когда во всех достижимых для агента мирах *один и тот же объект* выполняет $\phi[x]$, в то время как для истинности *de dicto* не имеет значения, один это объект или разные.

Согласно Ребуски и Туленхеймо, их предложение годится для анализа установок по отношению к «интенциональным» (определенным, но лишь мыслимым) объектам. Они даже распространяют свой анализ на случай собственных имен, но их специфический взгляд на проблему жесткой десигнации приводит к тому, что имена несуществующих объектов интерпретируются как определенные дескрипции. Это, однако, не уменьшает важности того обстоятельства², что

¹ Ряд важных идей, высказанных затем в этой работе, можно найти в статье В. Штернефельда (см.: *Sternefeld W. Wide Scope in situ // Language and Logos. Festschrift for Peter Staudacher on his 70th Birthday*; T. Hanneforth, G. Fanselow (eds.). Berlin: Akademie Verlag, 2010. P. 237–254).

² См.: *Rebuschi M., Tulenheimo T. Op. cit.* P. 835.

для таких дескрипций широкая сфера действия признается невозможной.

Ваня думает, что Дед Мороз получил его письмо. (6)

В самом деле, если в действительном мире нет индивида, обладающего свойствами Деда Мороза, дескрипция является пустой. Аналогичное рассуждение, но уже без оттенка предикативизма, принадлежит Бо Чэню¹. Он исходит из того, что существует всего один действительный мир и именно о его «обитателях» можно высказываться контрафактически. Понятие жесткого десигнатора у Крипке не учитывает этого обстоятельства, а между тем десигнатором можно быть, только обозначая некоторый объект. В связи с этим Чэнь предлагает заменить жесткую десигнацию широкой сферой действия, если речь идет о реальных индивидах, так что предложение (7) анализируется как (8):

Аристотель мог не быть философом. (7)

$[a] \diamond \neg P(a)$. (8)

В случае же вымышленных индивидов, имена которых не имеют референтов в нашем мире, широкая сфера действия относительно модального оператора сменяется узкой:

Гамлет мог не быть датчанином. (9)

$\diamond [g] \neg D(g)$. (10)

Здесь СД имени показана так же, как Б. Рассел показывал СД определенной дескрипции. Мы же могли бы использовать предложенный выше способ, при котором аналоги имен являются связывающими переменную операторами, так что (8) и (10) можно записать соответственно в виде

$[ax] \diamond \neg P(x)$; (11)

$\diamond [gx] \neg D(x)$. (12)

Как Ребуски и Туленхеймо, так и Чэнь замечают, что в случаях, когда доподлинно не известно, существует ли упоминаемый индивид, именно чтение с узкой СД должно быть дефолтным. Однако раз возможна и широкая СД, говорить о том, что эта характеристика вообще не применима к сингулярным терминам, не приходится. Более того, можно связать одним оператором-константой несколь-

¹ См.: *Chen Bo*. A Descriptivist Refutation of Kripke's Modal Argument and of Soames's Defence. *Theoria* 78 (3). 2012. P. 225–260.

ко вхождений переменных в разных подформулах, в которые входят кванторы, например:

$$\diamond [bx] (P(x) \wedge \forall y Q(x, y)). \quad (13)$$

Строго говоря, аргументация Чэня не лишена изъятий; так, в случае высказываний о вымышленных индивидах, не содержащих эксплицитного модального оператора, ему приходится постулировать такого рода оператор, чтобы сингулярные термины получили значение. Тем не менее, как мы вскоре увидим, подход Чэня переключается с другими идеями, высказывавшимися относительно поведения имен в модальных контекстах.

Обратимся теперь к взглядам приверженцев *предикативизма* относительно имен. *Металингвистический* предикативизм утверждает, что имя собственное α является предикатом и означает «объект, носящий имя α ». Кроме металингвистического существуют другие разновидности предикативизма: можно считать имя синонимичным некоторой конъюнкции обычных предикатов (например: Аристотель = уроженец Стагира и учитель Александра. Эту позицию раскритиковал С. Крипке¹) или же семантически нередуцируемым предикатом².

Дискуссия о возможности анализировать имена как предикаты или включающие их дескрипции широко известна. Ключевые роли в ней сыграли работы Б. Рассела³, предложившего способ элиминации дескрипций и анализ имен как дескрипций, У. Куайна⁴, С. Крипке⁵, раскритиковавшего дескриптивизм с модальной точки зрения, и М. Даммита⁶, искавшего выход в признании за именами-дескрипциями постоянно широкой сферы действия.

Если Чэнь в обосновании узкой СД для имен исходил из возможности несуществования референта, то К. Бах — сторонник *металингвистического предикативизма* относительно имен — предложил при-

¹ См.: *Kripke S.* Naming and Necessity. Cambridge : Harvard University Press, 1980.

² См.: *Burge T.* Reference and Proper Names. The Journal of Philosophy. 1973. Vol. 70, № 14. P. 425–439.

³ См.: *Russell B.* On Denoting // Mind. 1905. 14 (56). P. 479–493; *Russell B.* The Philosophy of Logical Atomism. Routledge, 2010 [1918].

⁴ См.: *Quine W.* From a Logical Point of View. Harvard University Press, 1953; *Quine W.* Philosophy of Logic. Harvard University Press, 1986.

⁵ См.: *Kripke S.* Op. cit.

⁶ *Dummett M.* Frege: Philosophy of Language. 2nd ed. Harvard University Press, 1993; *Geurts B.* Op. cit.

мер, в котором референция имени неспецифическая¹. Предположим, что вместо голосования выборы президента осуществляются путем составления алфавитного списка претендентов. В таком случае

Аарон Аардворк мог бы быть президентом. (14)

Речь в (14) не идет о каком-либо определенном индивиде (а возможно, хотя и не необходимо, что и о несуществующем); говорящий сообщает, что человек с таким именем, как Аарон Аардворк, мог бы добиться успеха при описанной процедуре выборов². Строго говоря, у нас нет оснований считать, что существует не более чем один человек с таким именем, поэтому, если мы симпатизируем предикативизму, в нашей формализации для (14) должен присутствовать квантор существования

$\exists x . \text{AaronAardvark}(x)$,

а не определенная дескрипция

$\iota x . \text{AaronAardvark}(x)$.

Аналогичный пример предложил и Б. Гёртс³:

Если окрестить ребенка именем «Бэмби», студия Дисней подаст на родителей Бэмби в суд. (15)

Здесь второе вхождение имени Бэмби функционирует как связанная переменная и при этом находится в СД условного оператора; для истинности (15) необязательны ни существование человека по имени Бэмби в действительном мире, ни определенность референта имени во всех достижимых мирах.

Модальные контексты и переменная сфера действия

К. Файн в своей книге⁴ вводит понятие *координации* — отношения семантической идентичности (полной синонимии), которое в естественном языке, в отличие от (большинства) формализован-

¹ См.: *Bach K. Thought and Reference. Oxford : Clarendon Press, 1987. P. 146–147.*

² Данный аргумент основан на том, что Аарон Аардворк считается именем собственным, не претерпевшим транспозиции и не превратившимся в имя нарицательное. Гёртс говорит, что для признания (14) и (15) девиантными потребовалось бы показать, что не только сами примеры, но и значения имен в них отличаются от стандартных (см.: *Geurts B. Good News about the Description Theory of Names // Journal of Semantics. 1997. Vol. 14, № 4. P. 324.*)

³ См.: *Geurts B. Op. cit. P. 321.*

⁴ См.: *Fine K. Semantic Relationism. Blackwell, 2007.*

ных языков логики, совсем не обязательно имеет место между выражениями одинаковой формы¹. В связи с этим Файн разбирает задачу Крипке об убеждениях².

Существо задачи состоит в следующем. Эпистемический агент Питер знает, что Падеревский был знаменитым польским пианистом. Когда он впоследствии узнает, что был политический деятель с той же фамилией, он решает, что это другой человек. Музыкальные способности пианиста Падеревского очевидны, однако относительно Падеревского-политика Питер, считающий, что все политики немзыкальны, настроен скептически. Таким образом, в одном случае Питер согласится с высказыванием «Падеревский музыкален», в другом — с высказыванием «Падеревский немзыкален». Выводимо ли из его убеждений противоречие? Сам Питер так не считает; он может даже быть прекрасным логиком и не заподозрить, что его убеждения несовместимы.

Файн предлагает считать, что, произнося

Питер считает, что Падеревский музыкален
и что Падеревский не музыкален, (16)

мы координируем два вхождения имени «Падеревский» (что ведет к приписыванию Питеру противоречия в убеждениях, которого он, согласно Крипке, не мог бы обнаружить, будь он даже выдающимся логиком), в то время как сам Питер, вероятно, вовсе не имел этого в виду. Он мог бы произнести

а. Падеревский музыкален. б. Падеревский не музыкален. (17)

по отдельности, но его паттерн координации имен не совпадает с нашим³.

На наш взгляд, эта точка зрения сводится к тому нехитрому положению, что можно, не впадая в противоречие, придерживаться убеждений

(Некоторый) Падеревский музыкален и (Некоторый) Падеревский не музыкален,

¹ Не вполне ясно, насколько решительно можно оторвать семантическое тождество или различие от синтаксического. Так, Э. Циммерманн предлагает считать, что носители естественных языков по умолчанию предполагают, что никакие два различных имени не могут обозначать один и тот же объект (См.: *Zimmermann T.E. What's in Two Names? // Journal of Semantics. 2005. Vol. 22, № 1. P. 53–96*), так что, усваивая новые имена α и β , они склонны думать, что $\alpha \neq \beta$, пока им не сообщат обратное. В формализованных языках это требование обычно не вводится, хотя оно предполагается для метаязыка, на котором описывается модель.

² *Kripke S. A Puzzle about Belief // Meaning and Use. Reidel, 1979. P. 239–283.*

³ См.: *Fine K. Op. cit. P. 91.*

с тем, однако, дополнением, что «синхронизация» выборов индивидов, соответствующих этим кванторам, регулируется внешними по отношению к синтаксической форме факторами.

Названная проблема не является совершенно новой. Если предположить, что требуется обеспечить отсутствие координации между вхождениями не имени, а переменной, решение будет тривиальным: следует связать два вхождения, пусть даже одноименной переменной, разными кванторами. Очевидно, что при большем числе вхождений возможны многочисленные противопоставления по СД кванторов. Можно ли предложить сходное решение для проблемы, о которой говорит Файн? Такого рода квантификация легко формализуема, если считать собственные имена предикатами. Поскольку в эпистемически возможных для Питера мирах более чем один индивид носит фамилию Падеревский, определенная дескрипция $\iota x . \text{Paderevski}(x)$ в них ничего не обозначает, так что формализация (16) не использует ее:

$$\text{V}_p([\exists x (\text{Paderevski}(x) \wedge \text{Mus}(x))] \wedge [\exists x (\text{Paderevski}(x) \wedge \neg \text{Mus}(x))]). \quad (18)$$

Таким образом, в убеждениях Питера нет противоречия; оно возникло бы, если бы он узнал, что был только один Падеревский — музыкант и политик.

Добавим, что само по себе наличие нескольких индивидов с одним именем не является аргументом против жесткой десигнации (хотя предложения типа «У нас в группе три Саши» могут быть аргументом¹): можно говорить об омонимичных именах, каждое из которых соответствует определением жесткого десигнатора².

Различия в использовании имен и предикативизм

Рассмотрим следующую речевую ситуацию. Иван и Маша говорят о политической ситуации в Восточной Азии. В какой-то момент Иван вопрошает:

$$\text{О чем же думает правительство в Киото?} \quad (19)$$

Впоследствии Маша, рассказывая знакомым о невежестве Ивана, сообщает:

$$\text{Иван думает, что Киото — столица Японии.} \quad (20)$$

¹ Ср.: *Burge T.* Op. cit. P. 429.

² См.: *Chen Bo.* Op. cit.

Разумеется, (19) выдает то или иное заблуждение Ивана, поскольку никакого правительства (не считая местной администрации) в Киото нет; неясно, однако, какое именно. С одной стороны, (а) Иван может быть знаком с Киото (и даже с Токио) не понаслышке, но тем не менее заблуждаться насчет их административного статуса. В таком случае (20) абсолютно приемлемо, а анализ убеждений Ивана должен учитывать, что во всех его доксистических альтернативах объект, известный нам как Киото, входит в объем предиката «столица Японии». С другой стороны, (б) Иван мог никогда не бывать в Японии, а просто услышать от кого-то, кому он доверяет, высказывание «Киото — столица Японии». Тогда было бы безосновательно предполагать у Ивана какое-либо убеждение относительно того, какой именно объект носит название «Киото». Классический анализ в терминах возможных миров поместит в различные доксистические альтернативы Ивана разные объекты, носящие в них это имя. Сторонник предикативизма скажет, что объем предиката «Киото» в доксистически возможных для Ивана мирах не является постоянным, — этот случай напоминает пример (14) с Аароном Аардворком; приверженец альтернативной теории будет вынужден заявить, что термин «Киото» не является в этом случае жестким десигнатором — возможно, потому, что это имя Ивану как следует не известно. (В то же время Чх. Шань, используя аппарат многомерной семантики, предложил считать¹, что агент *a* знает значение термина *a*, если для любых возможных для этого агента миров w_1, w_2, w_3 верно, что $[[\alpha\text{-}w_1]](w_2, a) = [[\alpha\text{-}w_1]](w_3, a)$. Это определение не затрагивает вопроса о жесткой десигнации: здесь требуется только, чтобы значение *a* не зависело от мира, в котором *a* произносится.)

Приверженец жесткой десигнации может предложить свой вариант анализа для (20) (мы не касаемся вопроса о соответствии конкурирующих вариантов поверхностной синтаксической структуре (20)):

$$\exists x (x = \text{Токио} \wedge \forall_i (x = \text{Киото} \wedge \text{Capital-of-Japan}(x))). \quad (21)$$

Этот вариант потребовал бы семантики, при которой необходимость тождества $x = y \rightarrow \Box(x = y)$ не является тавтологией (см., например, семантику с «двойниками»²).

¹ *Shan C. C.* The Character of Quotation // *Linguistics and Philosophy*. 2010. Vol. 33, № 5. P. 441.

² *Fitting M.* First-Order Intensional Logic // *Annals of Pure and Applied Logic*. 2004. Vol. 127, № 1. P. 171–193.

Возможен, по-видимому, и третий случай: (с) Иван знаком с Токио и знает *de re*, что этот город является столицей, но неверно полагает, что он называется Киото. Интуиции относительно высказывания (20) здесь могут расходиться. В случае если (20) истинно, оно не может быть *de re* по отношению к термину «Киото», поскольку речь идет не о Киото – городе, который Маша и мы называем «Киото». Предикативист должен будет анализировать (20) как (22):

$$B_i [(ix \setminus B_j) \text{Kyoto}(x)] (\text{Capital-of-Japan}(x)), \quad (22)$$

где $[(ix \setminus B_j) \text{Kyoto}(x)]$ – сокращение для $(\exists x \setminus B_j) [\text{Kyoto}(x) \wedge \forall y (\text{Kyoto}(y) \rightarrow x = y)]$, т.е. определенная дескрипция *de objecto*. Заметим, что (22) ничего не сообщает о том, что за объект, по мнению Ивана, называется Киото: сказать, что такой объект один и он, опять-таки по мнению Ивана, выполняет столичные функции, недостаточно, чтобы решить вопрос о том, имеем мы дело с (а) или (с). Ни тот ни другой случай не исключается в (22), и это оправданно, поскольку (19) дает недостаточно сведений, чтобы определить, с каким из сценариев мы имеем дело.

Нам могут возразить, что Маша, если она вообще имела право утверждать (20), процитировала слова Ивана, т.е. произнесла что-то наподобие:

$$\text{Иван думает, что Киото – столица Японии.} \quad (23)$$

Если это предположение верно, в (23) мы имеем дело со *смешанной цитатой* (mixed quotation) или, по выражению К. Файна¹, со случаем *de dicto* в смысле внимания говорящего к тому, как сам агент высказал бы свое убеждение. Характерно, что, согласно недавнему предложению Э. Майера², в случае смешанной цитаты говорящий может высказать то, что имел в виду автор цитируемого фрагмента, даже если сам говорящий не знает, что имелось в виду³:

¹ См.: *Fine K. Op. cit. P. 92.*

² *Maier E. Mixed Quotation: The Grammar of Apparently Transparent Opacity // Semantics and Pragmatics. – <http://semanticsarchive.net/Archive/DQ1MDFiM/em-mixed-quotation-REV2-SandP-sept2013.pdf>.*

³ Руководствуясь сходными соображениями о наследовании значения, Шань объявил (см.: *Shan C. C. Causal Reference and Inverse Scope as Mixed Quotation // Proceedings of the 16th Amsterdam colloquium. 2007. P. 199–204*) смешанную цитату одним из механизмов, обеспечивающих формирование каузальных цепей коммуникации в смысле Крипке (см.: *Kripke S. Naming and Necessity*), обеспечивающих преемственность референции.

« σ » обозначает определенную дескрипцию $\iota X . E(x, [\sigma], X)$ – «то значение X , которое агент x выразил, произнеся σ ». Тем не менее можно предложить другой пример речевой ситуации, в котором говорить о цитировании (по крайней мере, о цитировании Ивана), как кажется, не имеет смысла.

Пусть Иван и Маша, находясь в России, слушают радио. В выпуске новостей упоминается Киото, и Иван, вспоминая их недавние споры о политике, восклицает:

Ничего себе тамошнее правительство придумало! (24)

После этого Маша опять-таки сообщает знакомым (20). Если (20) вообще уместно в этой ситуации, «цитируется» не какое-либо высказывание Ивана или фрагмент такового, а то, что Иван мог бы произнести, если бы его спросили. Если даже это и соответствует характеристике Файна, называть это смешанной цитатой – значит расширять значение термина.

Таким образом, не только проблема несуществования референта имени и проблема его неспецифичности, но и индивидуальные особенности использования имен могут быть более или менее успешно решены с позиций предикативизма, если использовать выразительные средства IF-логик.

Заключение

На протяжении статьи нашей задачей было поколебать распространённое убеждение, состоящее в том, что собственные имена в естественных языках синтаксически (и семантически) просты, не оказывают влияния на другие элементы высказывания и сами испытывают влияние контекста лишь ограниченно. Такой точке зрения соответствует традиционный анализ имен, при котором с ними сопоставляются индивидуальные константы языка логики предикатов. В свете упомянутых проблем такая аппроксимация представляется чрезмерно грубой: одному вхождению имени может соответствовать целый фрагмент формулы (квантор с рестриктором); примеры типа (4) и (18) заставляют думать, что ассоциированный с именем выбор индивида может иметь значение для других ходов семантической игры, связанной с формулой; наконец, индивидуальные особенности использования имен, продемонстрированные на примере (20), могут быть отражены только при

условии, что наличие внешнего оператора V_1 оказывает влияние на интерпретацию имени.

Рассмотренные нами подходы различны по используемому инструментарию, объектам и целям исследования: некоторые из них (у Хинтикки) эпистемологически ориентированы, другие (у Ребуски и Туленхеймо, Чэня) представляют семантику естественно-языковых выражений, но весьма абстрактно, а Гёртс, Майер и др. заинтересованы в создании полноценных семантических теорий для отдельных языковых явлений. Из названных авторов те, кто работает в сфере лингвистической семантики, выступают с позиций предикативизма относительно имен; другие не затрагивают этого вопроса. Тем не менее их объединяет несогласие с анализом, который мы назвали «традиционным»; по-видимому, за страницами учебников логики этот подход потерял свое значение.

А.В. Мигла

Подходы к истолкованию пустых терминов в предложениях с интенциональными глаголами¹

В статье анализируются подходы к интерпретации пустых имен в предложениях с интенциональными глаголами. Автор выделяет два возможных прочтения такого рода предложений, анализирует способ их представления в рамках пропозиционализма, а также альтернативных ему подходов. Наиболее удачной интерпретацией интенциональных глаголов, позволяющей избежать онтологических обязательств в отношении пустых имен, по мнению автора статьи, является их представление в качестве отношений между индивидами и интенционалами свойств.

Введение

Употребление так называемых пустых имен, т.е. имен, относящихся к заведомо несуществующим объектам, ставит перед философами ряд проблем. Основные из них формулируются следующим образом: что обозначают такие имена; какое истинностное значение могут иметь предложения с ними; каким образом можно избежать нарушения предложениями с языковыми выражениями данного типа принципов логики; как можно формализовать высказывания с такими именами.

Хотелось бы остановиться на том, какой вид принимают эти проблемы, когда мы употребляем «пустые» имена в так называемых интенциональных контекстах, и какие подходы сегодня существуют к решению этих проблем.

Интенциональным называется контекст, в котором термин не всегда может быть заменен на выражение, обозначающее тот же самый объект, без изменения истинностного значения предложения. При этом в отличие, например, от контекстов цитирования, в интенциональном контексте допускается замена термина на выражение, имеющее тот же интенционал, что и исходный термин. Существует несколько разновидностей интенциональных контекстов, в частности модальные, косвенные, контексты, описывающие ин-

¹ Подготовлено при поддержке РГНФ, проект № 11-03-00608а.

тенциональные акты. В данной статье будет рассмотрена проблема употребления пустых имен в контекстах, описывающих интенциональные акты, которые возникают при использовании в языке таких глаголов, как «думать», «бояться», «верить», «восхищаться», «поклоняться», «искать» и т.п.

Выделяют по крайней мере три свойства интенциональных контекстов:

- 1) в предложении с интенциональным контекстом не всегда возможно заменить выражение на ко-референтное ему;
- 2) экзистенциальное обобщение относительно объекта интенционального глагола не всегда может выполняться в таких контекстах;
- 3) предложения с интенциональными глаголами имеют специфическое и неспецифическое прочтение¹.

О том, что означают п. 2 и 3, будет отдельно сказано ниже. Пока охарактеризуем, какие проблемы могут вставать в связи с использованием «пустых» терминов в интенциональных контекстах. Когда мы произносим предложение «Я ищу X» или «Я думаю о X», кажется, что это предполагает наличие некоторого объекта, на который направлены наш поиск или наша мысль. Однако в действительности мы можем искать нечто или думать о чем-то, что не существует в реальности. Таким образом, несмотря на то что объект нашего интенционального акта может не существовать в реальности, предложение о самом интенциональном акте вполне может соответствовать действительности и быть истинным.

Для того чтобы предложение могло считаться истинным, мы можем либо допустить некоторый несуществующий объект, на который направлена наша мысль и который будет являться референтом «пустого» термина, либо найти такую интерпретацию для предложений с именами несуществующего, которая позволила бы нам считать высказывания истинными без наличия реального объекта интенционального акта.

По всей видимости, стоит признать, что способ решения этого затруднения в большой степени зависит от интенции субъекта. Например, Хуан Понсе де Леон искал вполне конкретный объект, поэтому мы не можем считать, что референтом имени «источник вечной молодости» в предложении «Хуан Понсе де Леон искал источ-

¹ В данной статье термины «специфическое/неспецифическое» и «de re/de dicto» понимаются как синонимичные. Прочтение de re трактуется классическим образом — как специфическое прозрачное прочтение.

ник вечной молодости» будет некий абстрактный объект. В то же время в предложении «Я думаю о единороге» моя мысль может быть направлена на некоторый объект культуры, о характеристиках которого я размышляю. Тогда мы можем интерпретировать это предложение как говорящее о некотором абстрактном объекте (или множестве объектов), каким бы образом этот объект (или объекты) ни существовал. По всей видимости, стоит признать, что термин может быть пустым или непустым при различных его вхождениях, причем то, будет ли он в рассматриваемом случае пустым или нет, зависит от интенции говорящего, а именно от того, употребляет ли он данный термин для указания на некоторый конкретный объект или, напротив, говорит о некоей абстрактной сущности, и того, насколько его представления об объекте соответствуют действительности. Например, когда говорящий употребляет термин для указания на конкретный предмет, которого не существует, но который он по ошибке считает существующим, термин будет являться пустым. Если же он говорит об этом объекте как о некоторой реальности культуры, можно считать, что термин будет обозначать абстрактный объект.

Оставив в стороне возможность допущения абстрактных объектов, сосредоточимся на анализе подходов, при которых предполагается, что объект интенционального акта говорящего не существует и соответственно термин, обозначающий этот объект, является пустым и ничего не обозначает.

Итак, рассмотрим предложение «Джон ищет единорога». Предположим, что оно отражает реальное положение дел. Несмотря на то что объект поиска отсутствует в реальном мире, предложение о том, что Джон ищет единорога, будет истинным. У этого предложения, как было упомянуто в п. 3, может быть два возможных прочтения. Согласно первому прочтению, Джон ищет определенного единорога (прочтение *de re*), т.е. обязательно предполагается отношение индивида к конкретному объекту. Согласно второму, Джона устроит любой найденный им единорог (прочтение *de dicto*). Таким образом, второе прочтение отношения к конкретному объекту не предполагает. Если мы представим первое прочтение предложения, используя язык логики предикатов первого порядка, то эта интерпретация будет включать в себя утверждение о существовании единорога. Таким образом, данное предложение будет ложно относительно нашего мира:

$\exists x$ (Единорог(x) & ищет (Джон, x)).

Однако интерпретация, в рамках которой предложение «Джон ищет единорога» оказывается ложным, является адекватной только для первого прочтения, поскольку в реальном мире действительно не существует единорогов. Если же мы употребляем предложение «Джон ищет единорога» во втором его понимании, то оно может быть истинным. Но в таком случае экзистенциальное обобщение относительно единорога оказывается лишним, так как делает предложение ложным. Таким образом, представленная выше интерпретация непригодна для второго прочтения. Необходимо найти интерпретацию, которая позволила бы избежать онтологических обязательств по отношению ко второму прочтению предложения «Джон ищет единорога».

Пропозиционализм и его трудности

Один из подходов к решению данной проблемы восходит к работам У. Куайна¹. Согласно позиции Куайна, для того чтобы избежать онтологических обязательств для прочтения *de dicto* предложений с интенциональными глаголами, необходимо переформулировать их с использованием пропозиционального отношения. В частности, для предложения «Иван ищет единорога» это будет формулировка, содержащая пропозициональное отношение «пытается найти единорога». В таком случае мы имеем отношение не к объекту, а к содержанию языкового выражения, которое не влечет существования единорога. Согласно Куайну, данное предложение можно формализовать следующим образом:

Джон пытается, чтобы ($\exists x$) (x является единорогом и Джон нашел x).

Такая интерпретация позволяет ограничить область квантификации, которая в этом случае распространяется лишь на область пропозиционального отношения. Итак, согласно Куайну, если бы мы могли переформулировать все предложения с интенциональными глаголами в предложения с пропозициональным отношением, проблема нежелательных экзистенциальных следствий для выра-

¹ См.: Куайн У. Кванторы и пропозициональные установки // Эпистемология и философия науки. 2012. № 3. С. 213–225.

жения, которое обозначает объект интенционального глагола, была бы решена.

Такой подход, в котором для перефразирования предложений с интенциональными глаголами используются пропозициональные отношения, получил название пропозиционализма¹. Вслед за Куйаном в лингвистике закрепились точка зрения, согласно которой интенциональные глаголы не могут считаться неделимой лексической единицей, а глагол «искать» (*seek*) может быть представлен как сложное выражение «пытается найти» (*tries to find*), т.е. может быть разложен (*decomposed*) на составляющие. Отсюда и название этого способа представления — декомпозиционный анализ (*decomposition analysis*). Эту идею обосновал с точки зрения лингвистики Э. Бах², затем она стала общепринятой в рамках генеративной семантики. В пользу этого подхода говорит тот факт, что глаголы «нуждаться», «хотеть», «просить», «настаивать», «ожидать» могут употребляться и как транзитивные, и как глаголы с дополнением. Предложения с этими глаголами всегда можно перефразировать, используя тот же глагол и добавляя к нему дополнение, так что сам транзитивный глагол будет пониматься как полученный в результате устранения конструкции с дополнением. Например, предложение «Я хочу пальто» можно переформулировать как «Я хочу иметь пальто».

Однако для ряда глаголов, в частности для глагола «искать», нельзя привести подходящую интерпретацию с использованием того же глагола с дополнением. В таких случаях для каждого из подобных глаголов строится отдельная интерпретация, отражающая их смысл. Например, «искать» можно заменить на «пытается найти», «Х охотится» можно заменить на «Х пытается, чтобы Х застрелил льва» и т.д.

При описании данного подхода Т.Э. Циммерманн добавляет квантификацию по возможным мирам³. В качестве примера он приводит предложение «Кэрлайн ищет ржущего единорога». Ис-

¹ См.: *Forbes G.* Intensional Transitive Verbs. 2010. — <http://plato.stanford.edu/entries/intensional-trans-verbs/>.

² См.: *Bach E.* Nouns and Noun Phrases // *Universals in Linguistic Theory*; E. Bach, R. Harms (eds.). N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1968.

³ См.: *Zimmerman T.E.* On the Proper Treatment of Opacity in Certain Verbs // *Natural Language Semantics*. 1993. № 1. P. 149–179.

пользуя пропозициональное отношение «пытаться сделать истинным», мы получаем высказывание

$$\Pi_i(K, [\lambda j(\exists y)[E_j(y) \& P_j(y) \& H_j(K,y)]]),$$

которое прочитывается как «Кэролайн пытается в мире i сделать истинной пропозицию, которая является истинной в мире j , если и только если существует у такой, что у является единорогом в j и у ржет в j и Кэролайн находит у в j ». Как мы видим, область действия квантора существования распространяется лишь на то, что находится внутри пропозиционального отношения, поэтому нам удается избежать экзистенциальных следствий предложения. Если мы хотим использовать *de re* интерпретацию, то мы можем расширить область действия квантора, выйдя за границы пропозиционального отношения. В таком случае получим следующее высказывание:

$$\exists y (E_i(y) \& P_i(y) \& \Pi_i(K, [\lambda j H_j(K,y)])).$$

Оно будет означать, что существует y , такой? что он является единорогом в i и ржет в i , и Кэролайн старается в мире i сделать истинной пропозицию, которая является истинной в мире j , если и только если Кэролайн находит у в j . При такой интерпретации интенциональные глаголы понимаются как отношения между индивидами и интенционалами обобщенных кванторов, имеющих тип $\langle s, \langle \langle e, t \rangle, t \rangle \rangle$. Например, интерпретация глагола «искать» будет выглядеть следующим образом:

$$\lambda Q \lambda x \Pi_i(x, [\lambda j Q_j(\lambda k \lambda y H_k(x,y))]).$$

Тот факт, что в интерпретации задействованы интенционалы, а не экстенционалы, позволяет нам рассматривать квантификацию как квантификацию по возможным мирам, что дает возможность избежать экзистенциальных следствий.

По мнению некоторых философов и лингвистов¹, такое представление сталкивается с рядом трудностей. Рассмотрим наиболее значимые из них.

Во-первых, это неточность декомпозиционного анализа. Если мы принимаем, что интенциональные транзитивные глаголы не являются неделимой лексической единицей и разлагаются на глагол с дополнением, то каждый из этих глаголов должен иметь однознач-

¹ См.: Partee B. *Opacity and Scope* // *Semantics and Philosophy*; M. Munitz, P. Unger (eds.). N.Y. : NYU Press, 1974. P. 81–101; Zimmerman T.E. *Op. cit.*; Sainsbury R.M. *Fiction and Fictionalism*. N.Y., 2010.

ную интерпретацию. Те глаголы, которые не могут быть представлены как сочетание этих же глаголов с дополнением, должны обладать уникальной формой декомпозиции. Однако оказывается, что для очень большого числа глаголов их разложение на элементы будет включать в себя одну и ту же языковую конструкцию. Например, такие глаголы, как «искать», «разыскивать», «охотиться», включают «пытается найти» в качестве элемента их значения. Сомнительно, что одно и то же выражение может быть использовано для интерпретации всех этих глаголов одинаково успешно. Как отмечает Б. Парти, если мы не можем найти точного перефразирования для каждого из этих глаголов, то декомпозиционный анализ вынужден вводить искусственные лексические единицы, которых не существует в естественном языке, например «пытаться найти — разыскивая», «пытаться найти — охотясь» и т.п. При этом, утверждает Парти, мы не имеем ни семантических, ни синтаксических оснований для введения таких абстрактных элементов.

Во-вторых, еще одна трудность, на которую обращает внимание Парти, связана с синтаксическими особенностями предложения. В частности, предложение, содержащее глагол с дополнением, не всегда отражает все характеристики исходного предложения с транзитивным глаголом. Зачастую перефразированное предложение может быть двусмысленным, а исходное этой двусмысленности не имеет и т.п.¹ Неспособность предложения, содержащего пропозициональное отношение, передать синтаксические особенности исходного является важным аргументом против декомпозиционного анализа.

Третья трудность заключается в том, что для некоторых глаголов подобрать подходящую формулировку, содержащую пропозициональные отношения, сложно или невозможно. В частности, к ним относятся предложения с глаголами «думать о», «бояться», «поклоняться», «восхищаться».

Альтернативы пропозиционализму

Ввиду этих трудностей философами и лингвистами были предложены различные подходы, как семантические, так и прагматические, которым, по их мнению, удавалось избежать проблем, встающих перед пропозиционализмом.

¹ См. *Partee B.* Op. cit. P. 98–101.

Р.М. Сэинсбери предлагает подход, в котором используется отношение следования между совокупностью предложений, не имеющих нежелательных онтологических следствий, и предложениями с интенциональными глаголами. Если предложение следует из одного или группы предложений, оно не должно нуждаться в более богатой онтологии для установления его истинности, чем те предложения, из которых оно следует. Данный подход также может использоваться как стратегия замены. Встречаясь с проблемным предложением, мы заменяем его на одно или совокупность предложений, из которых оно следует. Для данного подхода в отличие от декомпозиционного анализа не является необходимым нахождение единственной и уникальной интерпретации для каждого интенционального глагола. Предложение может следовать из любой совокупности предложений, из которых, во-первых, действительно следует анализируемое нами предложение и которые, во-вторых, не имеют нежелательных для нас онтологических следствий. При использовании данного подхода также не требуется, чтобы совокупность предложений, из которых мы выводим проблемное предложение, каким-то образом передавала его синтаксические характеристики, поскольку мы не рассматриваем эту совокупность предложений как эквивалентную ему, а лишь используем ее для того, чтобы продемонстрировать, что проблемное предложение не нуждается в допущении несуществующих сущностей для установления своего истинностного значения.

Конкретизируем то, каким образом этот подход применяется на практике. Итак, здесь имеется две посылки:

- ◇ предложения с интенциональными глаголами следуют из совокупности предложений с глаголами и дополнением (в терминологии Сэинсбери, интенциональными операторами);
- ◇ следовательно, для установления истинности предложений с интенциональными глаголами не требуется более богатой онтологии, чем онтология предложений с интенциональными операторами.

В частности, из предложения «Леверье считал, что Вулкан является планетой» следует предложение «Леверье думал о Вулкане». Для установления истинности первого предложения не требуется существования такого объекта, как Вулкан. Следовательно, делает вывод Сэинсбери, существование этого объекта не требуется и для установления истинности второго предложения.

С точки зрения Сэинсбери, к предложениям с глаголом «думать о» всегда можно подобрать соответствующее предложение или совокупность предложений, из которых оно следует, используя при этом отношение к пропозициональному содержанию. Для Ла Верье думать о Вулкане будет означать верить, быть убежденным в пропозиции, что Вулкан планета, что его орбита обладает определенными характеристиками и т.п. Таким образом, «думать» интерпретируется как быть в определенном отношении к пропозиции. Данная интерпретация предполагает, что мы не можем думать об объекте самом по себе, но всегда думаем о нем в связи с теми или иными его характеристиками.

Этот подход хорош тем, что в предложении с интенциональным оператором вовсе не обязательно использовать ключевой по смыслу глагол из соответствующего предложения с интенциональным глаголом. Например, предложение «Джон боится привидений» не следует из группы предложений «Джон боится, что привидения причинят ему вред», «Джон боится, что он увидит привидения» ввиду того, что страх Джона может быть и беспредметным, т.е. он не боится определенных конкретных действий привидений по отношению к нему или конкретных событий, связанных с привидениями, а боится привидений в принципе. Совокупность предложений, из которых следует конечное предложение «Джон боится привидений», не обязательно должна содержать предложения с «бояться, что». Это может быть совершенно произвольный набор предложений, из которых бы следовало, что «Джон боится привидений». Например, по мнению Сэинсбери, это может быть следующая совокупность предложений «Джон избегает перспективы проводить ночь в доме, населенном привидениями»; «Если он не может избежать этого, то он оставляет свет включенным на всю ночь». Как мы видим, данные предложения не нуждаются в существовании таких объектов, как привидения, для установления своей истинности, поэтому, с точки зрения Сэинсбери, предложение «Джон боится привидений» также не нуждается в более богатой онтологии для установления своей истинности, чем совокупность предложений, из которых оно следует. Аналогичные совокупности «предложений-антецедентов» можно сформулировать для всех предложений с интенциональными глаголами.

Другое преимущество данного подхода заключается в том, что, по словам Сэинсбери, мы можем подобрать совокупность «предло-

жений-антецедентов» для предложений, содержащих любые интенциональные глаголы, в том числе те, которые нельзя разложить на составляющие при помощи декомпозиционного анализа.

Однако, на мой взгляд, предлагаемый подход все же не является удачным. Во-первых, он не дает нам простого и ясного способа формализации предложений с интенциональными глаголами. Встречая предложение с интенциональным глаголом, мы вынуждены подбирать одно или совокупность предложений, из которых оно следует, но которые не предполагают нежелательных онтологических следствий. При этом мы не всегда можем ограничиться одним-единственным предложением, содержащим интенциональные операторы. Зачастую, как в последнем примере, мы вынуждены подбирать для проблемного предложения совокупность высказываний, что делает интерпретацию предложений с интенциональными глаголами чрезмерно сложной, особенно если мы будем осуществлять замену проблемного предложения на совокупность высказываний, из которых оно следует.

Во-вторых, даже если отбросить первое соображение, вызывает сомнение то, что для каждого предложения удастся подобрать такую совокупность предложений, из которых оно бы следовало во всех возможных мирах. А ведь именно о необходимом следовании, выполняющемся во всех возможных мирах, и идет речь у Эйнсбери: «Понятие следования, к которому я здесь прибегаю, является необходимым следованием: p влечет q тогда и только тогда, когда в каждом мире, в котором истинно p , q также является истинным»¹. Однако в разбираемом им примере с привидениями можно представить себе возможный мир, где из совокупности предложений «Джон избегает перспективы проводить ночь в доме, населенном привидениями»; «Если он не может избежать этого, то он оставляет свет включенным на всю ночь» не будет следовать предложение «Джон боится привидений». Предположим, в данном мире Джон считает, что вместе с привидениями всегда появляются сущности X , и Джон боится именно этих сущностей, в то время как не боится самих привидений. Таким образом, в рассматриваемом примере следование не является необходимым следованием, выполняющимся во всех возможных мирах. Кажется, что аналогичные контрпримеры можно привести для любой подобной совокупности предложений.

¹ *Sainsbury R.M.* Op. cit. P. 140.

Рассмотрим еще один подход, предлагаемый для анализа предложений с интенциональными глаголами. Многие философы полагают, что употребление пустых имен можно объяснить при помощи прагматических аспектов использования языка, не строя при этом семантической интерпретаций этих имен. Такой подход предлагается и для интерпретации предложений с интенциональными глаголами. В нем задействовано широко используемое в прагматике понятие пресуппозиции.

В самом общем смысле пресуппозиция представляет собой подразумеваемое содержание, которое представляется само собой разумеющимся при произнесении того или иного высказывания. Например, мы утверждаем «Иван перестал курить». В основе этого предложения лежит пресуппозиция, что ранее Иван курил. Выделяют различные виды пресуппозиций, однако для интерпретации предложений с пустыми терминами используется экзистенциальная пресуппозиция, а именно пресуппозиция существования. Сэинсбери предлагает использовать пресуппозиции для интерпретации высказываний с «пустыми» именами вообще и для интерпретации предложений с интенциональными глаголами. Он утверждает, что мы можем высказывать утверждения о несуществующих предметах (вымышленных героях, объектах интенциональных актов, объектах религиозного культа и мифов), при этом не считая пресуппозицию их существования истинной и принимая это допущение для целей коммуникации. То есть мы принимаем, что эти высказывания истинны в том случае, если пресуппозиция существования объектов, о которых в них идет речь, оказывается истинной. Тогда предложение «Греки поклонялись Зевсу» можно считать ложным в буквальном смысле, но истинным в рамках пресуппозиции о существовании Зевса. Это позволяет нам осуществлять эффективную коммуникацию, обмениваться мнениями о несуществующих предметах различного рода. Такой подход дает философу возможность избежать онтологии несуществующих объектов и считать высказывания о таких объектах относительно истинными.

Подход с использованием пресуппозиций действительно может объяснить на прагматическом уровне, почему в коммуникации мы считаем предложения с пустыми именами истинными. Однако он не позволяет показать, каким образом предложения с такими терминами могут иметь семантическое значение и считаться истинными, несмотря на пустоту входящих в них имен.

Объекты интенциональных глаголов как интенционалы свойств. Наиболее удачная попытка дать семантическую интерпретацию предложениям с интенциональными глаголами, на мой взгляд, была предпринята Циммерманном. Он предложил свою интерпретацию как альтернативу подходам, в которых интенциональные глаголы понимаются как отношения между индивидами и интенционалами обобщенных кванторов. Стоит отметить, что не все подходы, в которых интенциональные глаголы понимались таким образом, предполагали лексическую декомпозицию этих глаголов. В частности, Р. Монтегю также считал, что интенциональные глаголы представляют собой отношения между индивидами и интенционалами обобщенных кванторов. Однако при этом он полагал, что такие глаголы не являются лингвистически сложными выражениями, разложимыми на компоненты¹. Он лишь вводил постулат значения, в котором глагол «искать» (seek) определялся как «пытаться найти» (try to find), при этом не рассматривая эту интерпретацию как разложение глагола «искать» на составные элементы. Критика Циммерманна направлена на все подходы, в которых интенциональные глаголы интерпретируются как отношения с обобщенными кванторами.

Помимо уже перечисленных проблем, встающих перед пропозиционализмом, Циммерманн обращает внимание на трудность, связанную с представлением интенциональных глаголов как отношений, в которых задействованы обобщенные кванторы. По его мнению, порою использование кванторов не является оправданным при интерпретации предложений с интенциональными глаголами.

Рассмотрим предложение «Лошадь Тома напоминает единорога». Мы не можем перефразировать его таким же образом, как предложения с глаголом «искать». Если же мы постараемся интерпретировать это предложение, не прибегая к декомпозиционному анализу, то можно переформулировать его следующим образом: «Лошадь Тома обладает определенными признаками, которыми обладают особи вида единорогов». В данном случае, отмечает Циммерманн, речь идет о том, что некоторые свойства лошади Тома и типичных представителей вида единорогов совпадают, т.е. лошадь Тома находится в отношении к свойству быть единорогом, но не к кванторно-

¹ См.: *Montague R. The Proper Treatment of Quantification in Ordinary English // Approaches to Natural Language. N.Y., 1973.*

му выражению «a unicorn». Ввиду того что остается неясным, какую именно роль играет квантор в установлении условий истинности данного предложения, Циммерманн заключает, что кванторное выражение не является необходимым элементом интерпретации всех предложений с интенциональными глаголами.

Исходя из этих соображений, он предлагает другой подход к анализу предложений с интенциональными глаголами, который способен охватить все случаи их употребления. Циммерманн предлагает не использовать кванторы при интерпретации интенциональных глаголов, а вместо этого рассматривать их как операторы свойств. В таком случае предложение «Ричард ищет единорога» будет интерпретироваться как

$$\lambda x [x = P \ \& \ \text{ищет}_i(x, \lambda i E_i)].$$

E (Единорог) в данном случае заменяет собой выражение $\lambda x[E(x)]$. Таким образом, все выражение будет прочитываться как Ричард в мире i ищет свойство быть единорогом. В данной интерпретации интенциональные глаголы понимаются как отношения между индивидами и интенционалами свойств.

Таким образом, благодаря тому что значением свойства оказывается множество объектов, обладающих этим свойством, мы получаем интерпретацию, которая отражает реальное положение дел в действительности — Ричард в мире i ищет те предметы, которые обладают свойством быть единорогом. В то же время интерпретация данного предложения посредством обращения к свойствам позволяет нам избежать следствий существования для единорогов. Прочтение *de re*, согласно данному подходу, будет выглядеть следующим образом:

$\lambda y \lambda x [x = P \ \& \ E_i(y) \ \& \ \text{ищет}_i(x, \lambda j \lambda z [z = y])]$ (Существует единорог такой, что Ричард ищет свойство быть этим единорогом).

Неоспоримое преимущество точки зрения Циммерманна заключается в том, что она подходит для всех типов интенциональных глаголов, а также в том случае, когда интенциональный глагол относится не к одному, а к множеству предметов и ряда других случаев. В частности, она может успешно применяться к интерпретации предложений с глаголом «напоминать». Предложение «Лошадь Тома напоминает единорога» будет иметь следующую интерпретацию:

$$\lambda x [x = ЛТ \ \& \ \text{напоминает}_i(x, \lambda i E_i)]$$

и будет прочитываться как «Лошадь Тома в мире i состоит в отношении напоминания к свойству быть единорогом». А так как свойство обозначает множество предметов, которые в мире i обладают свойством быть единорогом, то лошадь Тома напоминает совокупность предметов, являющихся единорогами в мире i .

Представляется, что на данный момент подход Циммерманна является наиболее удачным, так как предлагает универсальную и простую интерпретацию предложений с интенциональными глаголами, которая при этом позволяет избежать нежелательных онтологических следствий предложений, содержащих пустые термины.

В.А. Ладов

Проблема языка интенциональных контекстов в рамках дискуссии реализма и антиреализма¹

В статье обсуждается возможность построения языка, ориентированного исключительно на выражение интенциональных контекстов. В качестве примера предполагаемого языка подобного рода рассматривается язык феноменологии Э. Гуссерля. Обсуждаются вопросы о выразительных возможностях данного языка и его логической непротиворечивости. На основании логико-лингвистического анализа Г. Фреге утверждается, что нацеленность на выражение экстенциональных контекстов является неотъемлемым свойством естественного языка, что делает осуществление феноменологической редукции на лингвистическом уровне крайне затруднительным. Однако данное обстоятельство автор статьи трактует не как недостаток, а, напротив, как достоинство естественного языка, поскольку язык, ориентированный исключительно на выражение интенциональных контекстов, является логически противоречивым, что становится ясным при применении к теории языка интенциональных контекстов аргумента от автореферентности. Таким образом, автор приходит к заключению, что по своему сущностному строю язык предназначен для выражения реалистской онтологии, и любые формы антиреализма будут блокироваться выразительными средствами языка.

Введение

То, что интенциональные контексты могут быть представлены в языке, не вызывает сомнений. Мы ежедневно конструируем сами и воспринимаем в

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 12-06-00078-а), РГНФ (проект № 11-03-00039-а), ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (мероприятие 1.2.1, заявка № 2012-1.2.1-12-000-3003-029), а также в рамках государственного задания Минобрнауки РФ на проведение научных исследований (тематический план НИР Национального исследовательского Томского государственного университета) № 6.4832.2011.

речи других предложения, в которых даны подобного рода контексты. По-настоящему значимая эпистемологическая проблема в философии языка состоит в другом: возможен ли язык, ориентированный *исключительно* на выражение интенциональных контекстов? Данную проблему можно разделить в свою очередь на два частных вопроса: о выразительных возможностях языка интенциональных контекстов и о логической непротиворечивости языка интенциональных контекстов. Далее остановимся на каждом из вопросов и в завершение исследования сделаем выводы общего характера.

Вопрос о выразительных возможностях языка интенциональных контекстов

Для прояснения данного вопроса представляется уместным обратиться к анализу языка феноменологии. Операция феноменологической редукции является определяющей для феноменологии. Она осуществляет важнейший методологический сдвиг с натуралистической установки познания на трансцендентальную установку. Мы должны отказаться от полагания объективного бытия окружающего мира и принимать его только в качестве смысловых коррелятов актов сознания познающего субъекта. На лингвистическом уровне это как раз и означает переход с языка экстенциональных контекстов, где речь идет о вещах и явлениях объективного мира, на язык интенциональных контекстов, где выражаются смысловые конфигурации сознания субъекта, познающего объективный мир. Можно сказать, что требование феноменологической редукции в его лингвистическом измерении должно означать запрет на экстенциональный язык. Языком феноменологии должен быть исключительно язык интенциональных контекстов. Мыслим ли такой язык? Какими выразительными возможностями он должен обладать? Эти вопросы коррелятивны вопросам о возможности осуществления феноменологической редукции на лингвистическом уровне.

Для более тщательного исследования вопроса о выразительных возможностях языка интенциональных контекстов будет полезным обратиться к сравнению тезисов эпистемологической концепции Э. Гуссерля и семантической концепции Г. Фреге. Именно фрегевская семантика представляет собой, так сказать, лингвистическое зеркало феноменологии, каждый элемент которой является ото-

бражением соответствующего элемента гуссерлевской эпистемологической концепции. Но если коррелятивны сами теоретические конструкции, что мы сейчас покажем более подробно, то вполне можно допустить применение техники и результатов анализа, полученных в одной системе, к другой. Именно это мы и сделаем, указав на важнейшее по отношению к феноменологии лингвистическое открытие Фреге.

Основой корреляции выступает понятие интенциональной сущности, рассматриваемое Э. Гуссерлем¹, и понятие смысла языкового выражения, которое Г. Фреге анализирует в своих работах². Оба автора в качестве результатов своих исследований представляют специфические трехчленные структуры. Гуссерль говорит об интенциональном акте – идеальном содержании мысли (“Sinn”, “Wesen”) – интендированном предмете, а Фреге об определенном знаковом комплексе – смысле знаков (“Sinn”, “Gedanke”) – значении знаков. При этом под значением (Bedeutung) Фреге понимал коррелятивно Гуссерлю предмет в самом широком смысле (т.е. и отделенный материальный объект, и связь объектов в некотором положении дел, и определенный процесс).

Отчетливую схожесть обнаруживают медиальные элементы (интенциональная сущность, смысл) в этих структурах. И Гуссерль, и Фреге приписывают данным медиальным элементам статус идеального бытия, и оба утверждают возможность непосредственного схватывания данного элемента в особом интеллектуальном опыте. Идеальное бытие отличает эти элементы от интендируемых предметов (значений знаков), обладающих реальным бытием в рамках объективных пространственно-временных отношений.

Медиальные элементы также получают характеристику внесубъективности. В этом Гуссерль и Фреге противостоят психологизму, отличая схватывание идеального содержания от сопутствующих ментальных образов, имеющих психологически субъективный характер.

Оба автора похоже понимают отношения медиального элемента к последнему элементу структуры – реальному предмету. Смысл или интенциональная сущность представляет собой способ темати-

¹ См.: Гуссерль Э. Логические исследования // Собр. соч. М. : Гносис ; Дом интеллектуальной книги, 2001.

² См.: Фреге Г. Смысл и значение // Г. Фреге. Избранные работы. М. : ДИК, 1997. С. 25–49; *Он же*. Мысль: логическое исследование // Г. Фреге. Логические исследования. Томск : Водолей, 1997. С. 22–49.

зации обсуждаемого предмета, т.е. принятие во внимание предмета каким-либо особым образом. Самый простой пример здесь приводит Фреге. Выражения «утренняя звезда» и «вечерняя звезда» обозначают один и тот же предмет – тот, который обозначается собственным именем «Венера». Однако по смыслу эти два выражения различны – предмет принимается во внимание в разных аспектах. Подобные пассажи можно найти и у Гуссерля.

Пожалуй, самый главный для настоящего рассмотрения момент корреляции обнаруживается в наделении медиального смысла характеристикой индифферентности. Смысл индифферентен по отношению к решению вопроса о реальном существовании или несуществовании принятых посредством него во внимание предметов. Как для Гуссерля смысл усматривается с очевидностью вне зависимости от того, что он репрезентирует: реально существующий предмет или галлюцинацию, так и для Фреге сам смысл знакового комплекса не может быть описан как истинный или ложный, он также рассматривается как нейтральная данность.

Поскольку характеристика индифферентности смысла оказывается наиболее важной для нас сейчас, уместно провести здесь более тонкие корреляции.

В томе II «Логических исследований» Гуссерль, выстраивая иерархию качественных форм интенциональных актов, вводит следующие различия. основополагающей формой любого интенционального акта признается та, которая имеет качественную характеристику простого представления [*blosse Vorstellung*]. На этом уровне интендирования происходит схватывание чистого номатического содержания (или «материи» интенциональной сущности, как высказывался Гуссерль в «Логических исследованиях»). Какое-либо положение дел [*Sachverhalt*] просто принимается во внимание и обдумывается. Это уровень непосредственного усмотрения феномена, данного в эйдетической интуиции. Вплотную к этой структуре примыкает другая качественная форма, которую Гуссерль называет полагающим актом. Предназначение полагающего акта сводится к тому, чтобы решать вопрос о бытийной значимости того положения дел, которое мыслится в фундирующем акте простого представления. Решение вопроса о бытийной значимости состоит либо в придании мыслимому положению дел статуса автономного существования, либо в отказе ему в этом: «Среди номинативных актов мы различаем полагающие (*setzen*) и не полагающие.

Первые подразумевают в определенной степени существование (*sind gewissermaßen Seinsmeinungen*) — будь это чувственные восприятия, будь это восприятия в более широком смысле схватываний предполагаемого существования вообще, будь это прочие акты, которые, даже не предполагая схватить “сам” предмет (живо или вообще наглядно), имеют его в виду все же как *существующий*. Другие акты оставляют открытым вопрос о существовании своего предмета; предмет может, объективно рассматривая, существовать, однако в самих актах он не подразумевается в модусе существования, или он *не имеет силы* действительного предмета, он скорее “просто представлен”¹.

Подобные дистинкции обнаруживаются и у Фреге. Он также различает схватывание мысли [*Fassen*], т.е. принятие во внимание некоторого мыслимого положения дел без решения вопроса об истинности последнего, и суждение [*Urteil*] как признание истинности мысли: «Итак, мы будем различать: 1) схватывание мысли — мышление; 2) признание истинности мысли — суждение; 3) демонстрация этого суждения — утверждение»². При этом Фреге упоминает, что он использует термин «суждение» не в привычном логическом смысле, т.е. как предикацию, а именно как утверждение истинности, что как раз и соответствует гуссерлевскому полагающему акту. Предназначение обеих этих структур заключается в том, чтобы продуцировать утверждение о существовании мыслимого положения дел.

Несмотря на то что феноменологическая редукция как таковая еще не является темой ранней феноменологии, нам представляется возможным описать эту методическую операцию в терминах «Логических исследований». По сути здесь Гуссерль, уже различив акты, ответственные за формирование как натуралистической, так и трансцендентальной установки, просто еще настаивал на запрете натуралистической установки сознания в соответствии с требованием феноменологической редукции. Редукция, если пользоваться терминами ранней феноменологии, должна принимать во внимание как раз отношение между индифферентным простым представлением и полагающим актом, а именно: редукция «заключает в скобки» полагающий акт. Описание данной методической операции в терминах «Логических исследований» актуально для нашего

¹ Гуссерль Э. Указ. соч. С. 445–446.

² Фреге Г. Мысль: логическое исследование. С. 28.

настоящего сравнения исследовательских стратегий Гуссерля и Фреге, подобие между которыми наиболее четко можно зафиксировать именно в контексте ранней феноменологии.

К сожалению, гуссерлевский образ заключения в скобки так и остался недостаточно проясненным. Сам Гуссерль говорит об этой операции, имея в виду то торможение (приостановку) полагающих актов, то рефлексию над ними. Это можно увидеть в «Идеях...»¹: «Переходя же к феноменологической установке, мы с принципиальной всеобщностью *пресекаем совершение* любых подобных когнитивных полаганий [речь идет как раз о бытийных полаганиях, т.е. о полагающих актах. — В.Л.], а это значит: “мы заключаем в скобки” прежде произведенные, что же касается дальнейших исследований, то мы не соучаствуем в подобных полаганиях; *вместо того* чтобы жить в них, *совершать их*, мы совершаем направленные *на них* акты *рефлексии* [курсив мой. — В.Л.]». Если отказаться от продуцирования этих актов, то как можно совершать над ними акты рефлексии? Та же двусмысленность проступает и в «Картезианских размышлениях»²: «Я, философски размышляя, не придаю более значимости естественной уверенности в бытии мира, свойственной опыту, *не осуществляю полагания* этого бытия, между тем как *оно* все еще *присутствует* среди прочего и схватывается внимательным взглядом [курсив мой. — В.Л.]».

Думается, что предпочтение все же следует отдать рефлексии. Под запретом совершения Гуссерль скорее понимал запрет на навязное, латентное совершение этих актов, действительно характерное для естественной установки. Редукция не препятствует бытийному полаганию, она лишь делает его явным, признавая тезис о бытии мира только в качестве результата активности сознания, продуцирующего полагающие акты.

На лингвистическом уровне обсуждаемая методическая операция будет выглядеть как «заключение в скобки» суждения об истинности или ложности той мысли, которая выражена в предложении языка, т.е. как рефлексия, а значит, как лингвистическая фиксация акта, утверждающего логическую валентность пропозиции. Говоря в терминологии, которая имеет непосредственное отношение к теме настоящей статьи, на лингвистическом уровне редукция должна

¹ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. М.: ДИК, 1999. С. 111.

² Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука: Ювента, 1998. С. 346.

представать как фиксация перехода от языка интенциональных контекстов, где речь идет о мыслимом положении дел, к языку экстенциональных контекстов, где речь идет об объективном существовании фактов.

Важный результат логико-лингвистического анализа Фреге состоял в том, что описанная выше лингвистическая фиксация в естественном языке, который использует Гуссерль для экспликации своих исследований, невозможна. Суждения-утверждения, т.е. признание истинности мысли, имеет в языке всецело латентный характер. Невозможно обнаружить специальный знак, который характеризовал бы наличие такого суждения, это суждение-утверждение осуществляется самой формой утвердительного предложения: «Мне представляется, что до сих пор мысль и суждение отчетливо не различались. Возможно, язык сам потворствует этому. Действительно, в утвердительном предложении нет специального компонента, соответствующего утверждению»¹. Утвердительное предложение естественного языка выражает всегда одновременно и без какой-либо дифференциации саму мысль и экзистенциальное полагание мыслимого: «Признание истинности мысли мы выражаем в форме утвердительного предложения. При этом нам не требуется слово “истинный”. И даже если мы употребляем это слово, собственно утверждающая сила принадлежит не ему, а форме утвердительного предложения»².

Данный результат логико-лингвистического анализа Фреге представляет собой серьезное препятствие на пути осуществления процедуры феноменологической редукции. Гуссерль не заметил, что произвести рефлексию над актами бытийного полагания не позволяют выразительные возможности того языка, который он использовал в феноменологии. Произнося «На улице идет дождь», феноменолог оказывается неспособным четко различить и зафиксировать в рефлексии мысль, выражаемую этим предложением, и суждение об истинности этой мысли. Это значит, что язык неминуемо затягивает феноменолога в сферу естественной установки, не позволяя отличить мысль о факте от утверждения объективного существования данного факта, т.е. не позволяя отличить интенциональный контекст от экстенционального.

¹ Фреге Г. Мысль: логическое исследование. С. 28.

² Там же.

Руководствуясь сказанным выше, сделаем следующие промежуточные выводы. Язык интенциональных контекстов должен быть достаточно богат по своим выразительным возможностям, чтобы быть способным фиксировать различие между мыслимым положением дел как коррелятом субъективного акта сознания и объективным положением дел, независимым от субъективности. Такой язык должен четко отделять интенциональный контекст от экстенционального. Однако на основании проведенного анализа можно констатировать, что по крайней мере естественный язык не обладает такими выразительными возможностями.

Для нас важен вопрос: должны ли мы расценивать данное свойство естественного языка как его недостаток, как некоторую ущербность? Оставим вопрос на время открытым и вернемся к нему в конце статьи.

Вопрос о логической непротиворечивости языка интенциональных контекстов

Анализ языка феноменологии может оказаться продуктивным и при обсуждении второго вопроса, обозначенного во введении. Мы сказали, что феноменология должна мыслиться как теория языка интенциональных контекстов. Данная эпистемологическая концепция утверждает, что радикально рефлексивный научный (известно, что Гуссерль подразумевал под феноменологией проект философии как строгой науки) язык должен быть ориентирован исключительно на выражение интенциональных контекстов.

Однако, как только мы зададимся вопросом, в каком именно дискурсе продуцируется подобное утверждение и каковы характерные черты этого дискурса, мы тут же увидим, что гуссерлевская концепция не сможет устоять перед доводами так называемого аргумента от автореферентности, в рамках которого содержание гуссерлевского тезиса о тотальности языка интенциональных контекстов будет противопоставляться ему самому в процессе его утверждения. Мы увидим, что гуссерлевская эпистемологическая концепция содержит в себе противоречие.

Гуссерль разворачивает феноменологическое исследование в рамках научного дискурса, ориентируясь на построение научной теории. Но цель любой научной теории состоит в поиске ответов на вопросы об истинности или ложности предложений. Ради чего еще

существует наука? Только ради того, чтобы формулировать *истины* о мире. Гуссерль, декларативно заявляя о редукции подобных целей, сам полностью отдает себя в руки такого дискурса. Феноменология как теория тоже провозглашает истины, на сей раз истины о сознании. В этой теории все обстоит так, что будто бы существует сознание как регион абсолютного бытия. Но ведь это откровенная натурализация, с которой сама же феноменология и должна бороться. Гуссерлевский эпистемологический императив “*ego cogito cogitatum*” противоречит себе. Он призван указать на приоритет интенциональных контекстов, но вместе с тем имеет статус суждения с четкой истинностной оценкой. “*Ego cogito cogitatum*” – так обстоит дело *на самом деле*, говорит феноменология как научная теория. «Я мыслю мыслимое», т.е. я всегда должен принимать тот или иной предмет во внимание только как феномен, имеющий корреляцию с субъективными актами сознания, и вместе с тем я как феноменолог должен утверждать саму тотальность таких интенциональных контекстов как нечто безусловно истинное, я должен выражать эту тотальность экстенционально.

Не стоит думать, будто бы изложенная выше проблема порождена исключительно феноменологической теорией познания. Она касается не только феноменологии, и даже не только концепций о языке интенциональных контекстов в целом. Эти теоретические проекты – и феноменология, и интенционализм в философии языка сами являются только разновидностями общей релятивистской эпистемологической установки, в рамках которой утверждается невозможность продуцирования безусловно истинных высказываний о реальности. Истинность любого высказывания является относительной, локальной, ограниченной возможностями познавательного аппарата субъекта. Именно эта общая эпистемологическая установка порождает противоречие при применении к ней аргумента от автореферентности.

Но имеет ли теоретическую значимость сам аргумент от автореферентности, который мы использовали при обсуждении вопроса о непротиворечивости языка интенциональных контекстов? Можно ли его преодолеть, указав на несостоятельность подобного хода рассуждения?

В XX в. в процессе решения задачи преодоления теоретико-множественных и семантических парадоксов в философии, математике и логике были разработаны две хорошо известные кон-

цепции, критикующие идею автореферентности, поскольку именно она объявлялась основанием возникающих парадоксов. Это была семантическая теория А. Тарского¹ и теория типов Б. Рассела² (с определенными допущениями, которые мы фиксируем ниже).

С точки зрения различения языка и метаязыка, проведенного Тарским в его семантической концепции, логические парадоксы типа «Лжец», а мы могли бы добавить, что и эпистемологический парадокс релятивиста, разновидностью которого является парадокс языка интенциональных контекстов в нашей интерпретации, возникают из-за неправомерного логико-лингвистического смешения в рассуждении, возникающего как раз на основании явления автореферентности. Неправомерной оказывается не позиция релятивиста, в которой утверждается, что истинность каких бы то ни было теоретических суждений релятивизируется относительно субъективных/интерсубъективных факторов познания (культурных, лингвистических, психических, биологических и т.д.), а как раз обвинение этой позиции в противоречивости. Считать высказывание «Все высказывания относительны» самопротиворечивым можно только исходя из ошибочного смешения различных уровней языка. На деле само это высказывание относится уже не к языку, который в данном случае предстает объектом, о котором что-то говорится, а к метаязыку, поэтому никакой противоречивости в утверждении релятивиста нет. Его высказывание «Все высказывания относительны» вполне может быть абсолютным, и это не приводит нас к некоему мыслительному коллапсу, если только мы не забываем всякий раз проводить различия в уровнях языка, не допуская автореферентного дискурса.

С помощью теории типов Рассела также может быть высказана критика в адрес тех, кто пытается уличить эпистемологические воззрения релятивизма в противоречивости. Подобно тем выводам, которые были сделаны из семантической концепции Тарского, можно сказать, что формулировка логического затруднения данных скептических воззрений основывается на смешении высказываний разных типов. Приведенное выше высказывание попадает в логический тип более высокого порядка, нежели те высказывания,

¹ *Tarski A. The Concept of Truth in Formalized Languages // Logic, Semantics, Metamathematics. Oxford: Oxford University Press, 1956. P. 152–278.*

² *Уайтхед А., Рассел Б. Основания математики. В 3 т. Т. I. Самара: Самарский университет, 2005.*

о которых в нем идет речь. Видимость противоречия возникает из-за неоправданного смешения данных логических типов, т.е. из-за формулировки автореферентных высказываний.

Однако указанные концепции, в которых устанавливается запрет на построение автореферентных высказываний, а значит, и аннулируется критический по отношению к теории языка интенциональных контекстов аргумент от автореферентности, нам не представляются состоятельными. Дело в том, что иерархический подход Рассела—Тарского уже на протяжении достаточно длительного времени подвергается критике в логико-философской литературе с различных сторон. Укажем на некоторые важные пункты этих критических исследований.

Во-первых, иерархический подход к решению парадоксов порождает так называемые реванш-проблемы¹, т.е. сам попадает в те же логические ловушки, которые пытается преодолеть.

В отношении семантической концепции Тарского хорошо известна критическая аргументация Х. Патнема, в которой используется метафора так называемого языка красных чернил². Если красными чернилами записываются правила для всех возможных языков, высказывания которых записаны чернилами всех иных известных цветов, то каким цветом будут записываться правила для языка красных чернил? Если красным, то сам этот язык оказывается замкнутым на самом себе, т.е. автореферентным. Если же мы должны предположить существование чернил иного, неизвестного нам цвета, то правила языка красных чернил не будут распространяться на этот новый метаязык, и высказывания, записанные новым цветом, могут регулироваться иными правилами, отличными от разработанной семантической концепции.

Критика исследовательской стратегии Б. Рассела осложняется тем, что в «Principia Mathematica» причиной парадоксов объявляется не явление автореферентности как таковое, а принцип порочного круга: «Анализ парадоксов, которых необходимо избежать, показывает, что все они проистекают из порочного круга некоторого ви-

¹ В литературе по семантическим парадоксам реванш-проблемами (revenge problems) называют ситуации, при которых те или иные предлагаемые решения парадоксов сами оказываются парадоксальными. См., например: Field H. A Revenge-Immune Solution to the Semantic Paradoxes // Journal of Philosophical Logic. 2003. № 32. P. 139–177.

² Патнем Х. Реализм с человеческим лицом // Аналитическая философия: становление и развитие. М. : ДИК, 1998. С. 466–494.

да. Порочные круги возникают при предположении, что некоторое собрание объектов может содержать элементы, которые могут быть определены лишь посредством этого собрания как единой совокупности¹. Соответственно встает вопрос о соотношении понятий автореферентности и порочного круга.

Рассел впервые столкнулся с проблемой парадоксов при анализе логицистской программы обоснования математики Г. Фреге. В своем известном письме к Г. Фреге в 1902 г. Рассел сформулировал так называемый парадокс класса всех стандартных классов: «Вы утверждаете, что функция может быть неопределяемым элементом. Я тоже так считал, но теперь этот взгляд кажется мне сомнительным из-за следующего противоречия. Пусть w будет предикатом “быть предикатом, не приложимым к самому себе”. Приложим ли w к самому себе? Из любого ответа вытекает противоречие. Стало быть, мы должны заключить, что w не является предикатом. Также не существует класса (как целого) тех классов, которые как целое не являются членами самих себя. Отсюда я заключаю, что при определенных обстоятельствах определяемое множество не образует целого»². Класс всех классов, не являющихся членами самих себя (стандартный класс), оказывается противоречивым в том смысле, что по отношению к нему мы с одинаковой претензией на истинность можем употребить два противоречащих друг другу суждения. Истинным является как суждение «Класс всех стандартных классов есть стандартный класс», так и противоречащее ему «Класс всех стандартных классов есть нестандартный класс». Если мы допустим, что класс всех стандартных классов стандартен, то он должен стать членом самого себя, ведь это класс, включающий в себя все возможные стандартные классы. Но в таком случае мы приходим к выводу, что этот класс является нестандартным. Если мы допустим, что класс всех стандартных классов является нестандартным, то мы должны рассмотреть его в качестве члена себя самого. Но членами данного класса являются только стандартные классы, поэтому мы приходим к выводу, что данный класс тоже является стандартным.

Тем не менее этот парадокс еще не характеризует в полной мере явление порочного круга, представленное в «Principia Mathematica» как общее основание парадоксальности. Парадокс класса всех

¹ Уайтхед А., Рассел Б. Указ соч. С. 110.

² Frege G. *Philosophical and Mathematical Correspondence*. Oxford: Basil Blackwell, 1980. P. 130–131.

стандартных классов, известный также как парадокс Рассела, сам возникает по другой причине, а именно на том основании, которое Г. фон Вригт назвал явлением существенной отрицательности¹. Поэтому непосредственно парадокс Рассела в настоящем рассмотрении следует оставить в стороне.

Нам представляется, что явление порочного круга, по крайней мере в изложении авторов «Principia Mathematica», характеризует логические затруднения, связанные с понятием множества всех множеств, которое является более общим, нежели парадоксальный класс всех стандартных классов в парадоксе Рассела. Явление автореферентности в свою очередь характеризует семантические парадоксы, подобные парадоксу «Лжец». Различие между этими двумя явлениями состоит в принципиальной важности понятия единой совокупности для образования теоретико-множественного порочного круга, тогда как в случае семантической автореферентности речь о единой совокупности не идет. Затруднение порочного круга состоит в том, что одним из элементов множества, мыслимого как единая совокупность своих элементов, оказывается оно само в качестве своего частного элемента, и поэтому с построением такого множества возникает проблема: чтобы его построить, оно уже должно существовать. В случае же семантической автореферентности высказываний, например в классическом античном парадоксе «Лжеца», который в формулировке У. Куайна выглядит следующим образом: «Критянин Эпименид говорит, что все критяне лгут; следовательно, его высказывание должно в случае истинности быть ложным»², мы не сталкиваемся с вопросом о единой совокупности.

Проблема Эпименида не в том, что он в своем высказывании «Все критяне лгут» должен сделать предметом рассмотрения каждое конкретное высказывание каждого конкретного жителя острова Крит, а также совокупность этих высказываний, взятых как единое целое. Дело не в том, что Эпименид в принципе не может продуцировать высказывание «Все критяне лгут», потому что должен включить в его предметную область свое собственное высказыва-

¹ Вригт Г.Х. фон. Гетерологический парадокс // Г.Х. фон Вригт. Логико-философские исследования : избранные труды. М. : Прогресс, 1986. Подробнее см.: Ладов В.А., Эннс И.А. Аналитическое определение числа, парадокс Рассела и теория типов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 2. С. 13–20.

² Куайн У. Заметки по теории референции // У.В.О. Куайн. С точки зрения логики. М. : Канон+, 2010. С. 191–192.

ние и затем еще рассмотреть все эти высказывания как единое целое. Речь здесь не идет ни о какой совокупности, рассматриваемой как отдельный элемент предметной области. Проблема заключается в попытке задать характеристику еще одному *конкретному* высказыванию наряду с другими конкретными высказываниями жителей острова Крит, а именно высказыванию самого Эпименида «Все критяне лгут». В данном случае мы не говорим, что у нас возникает затруднение в продуцировании этого высказывания. Скорее у нас возникает затруднение в его оценке.

Однако для целей настоящего исследования такими тонкими различиями между основаниями теоретико-множественных и семантических парадоксов можно пренебречь, тем более что теория типов Рассела часто находит применение не только при обсуждении теоретико-множественной проблематики, но и при логико-семантическом анализе высказываний: «Истинностная оценка должна релятивизироваться относительно типа высказанных утверждений. Любое утверждение о высказываниях n -го типа само будет относиться к $n+1$ -му типу и не должно включаться в класс оцениваемых высказываний»¹. Если принять расселовскую теорию типов в этом семантическом измерении и рассматривать ее не только как запрет на образование порочных кругов теоретико-множественного типа, но и как запрет на образование автореферентных высказываний, то по отношению к ней вполне может быть высказана критика, аналогичная критике теории иерархии языков Тарского.

Так, теория типов Рассела по сути устанавливает запрет на универсалистский дискурс вообще. Нельзя говорить обо всем сразу, всегда следует помнить, что какое бы то ни было высказывание может касаться только ограниченной предметной области. Следовательно, и истинностная оценка этого высказывания также не может быть универсальной, она всегда должна релятивизироваться относительно того определенного круга предметов, который охватывается в высказывании. Но как быть с самой формулировкой теории типов? Относится ли она сама только к определенному типу высказываний, охватывающих определенную, ограниченную предметную область, или все же представляет собой пример высказываний того самого универсального характера, запрет на которые она как раз и пытается установить? Если верно первое, то данная теория не

¹ Суровцев В.А. Автономия логики. Томск : Изд-во Томского университета, 2001. С. 60.

охватывает собой все возможные типы высказываний и, значит, допускает существование высказываний таких типов, которые будут руководствоваться иными принципами, отличными от принципа теории типов. Таким образом, данная теория в самом своем утверждении должна допустить собственное отрицание. Если же верно второе, то форма утверждения данной теории вступает в противоречие с ее содержанием: тезис об отсутствии универсальных высказываний формулируется в высказывании, претендующем на статус универсального. В итоге теория типов сама оказывается в логическом тупике. На подобные трудности в обосновании данной теории уже вскоре после ее появления указал П. Вайсс¹, представивший подробные критические аргументы по отношению к ней.

Во-вторых, некоторые исследователи замечают, что иерархический подход Рассела–Тарского ставит некоторые нежелательные пределы развитию математических теорий. Например, Ф. Фитч указывает: «Проблема состоит в том, чтобы найти теорию типов, которая бы элиминировала “порочные” виды автореферентности, ведущие к математическим и семантическим парадоксам, но не те виды, которые представляют важную часть философской логики или требуются для развития теории натуральных чисел»².

Крипке считает, что при формулировке знаменитых теорем К. Геделя определенным образом задействуется автореферентность, и потому ее полное отрицание также наносит урон важным математическим достижениям³.

В-третьих, указывается на то, что определенные виды автореферентности не необходимо, а только лишь случайно парадоксальны. Такие исследователи, как Дж. Бэрвайс и Дж. Этчемэнди, в своей книге «Лжец. Эссе об истине и циркулярности»⁴ снова ссылаются в данном случае на работу Крипке «Очерк теории истины». Смит может высказывать огромное число содержательных предложений о том, что Джонс говорит об Уотергейте, подтверждая это тем, что данные предложения истинны, в том числе продуцируя и общее формальное алетическое высказывание «Все, что говорит Джонс об

¹ Weiss P. The Theory of Types // Mind. 1928. Vol. 37. № 147. P. 338–348.

² Fitch F. Self-Reference in Philosophy // Mind. 1946. Vol. 55. № 217. P. 71–72.

³ Крипке С. Очерк теории истины // Язык, истина, существование. Томск : Изд-во Томского университета, 2002. С. 151–183.

⁴ Barwise J., Etchemendy J. The Liar. An Essay on Truth and Circularity. N.Y. ; Oxford : Oxford University Press, 1987.

Уотергейте, истинно». Ни одно из этих высказываний не будет логически ущербным. И только лишь при том случайном обстоятельстве, если Смит выскажется обо всех высказываниях Джонса об Уотергейте как об истинных, а Джонс в свою очередь выскажется обо всех высказываниях Смита об Уотергейте как о ложных, возникнет проблема. В то время как, если руководствоваться семантической теорией Тарского, мы должны были бы сразу запретить формулировку формальных алетических предложений общего характера типа «Все, что Джонс говорит об Уотергейте, истинно», поскольку истинностная оценка должна фиксироваться на метаязыке, а не смешиваться с предложением объектного языка.

В-четвертых, некоторые из автореферентных высказываний *очевидно* непарадоксальны, при их построении вообще не возникает каких-либо проблем. А. Гупта приводит в пример закон недопущения противоречия: «Существует множество предложений, которые включают в себя автореферентность, но при этом, очевидно, не являются каким-то образом проблематичными. Например, среди этого множества закон: “Ни одно предложение не является истинным и ложным”. Естественнее всего считать, что оно говорит о любом предложении, включая самое себя, что ни одно не может быть вместе истинным и ложным. Интуитивно это предложение осмысленно и в самом деле истинно»¹.

В пример можно привести также рассуждение, которое мы ранее уже использовали как основной принцип формального реализма²: случай, при котором Эпименид говорит, что все жители острова Крит говорят правду. Очевидно, что это высказывание является автореферентным и непарадоксальным. Дж. Билл описывает такую ситуацию термином «truth-teller»³, что дословно можно перевести как «правдец» в противовес «лжецу» или более благозвучно по-русски как «правдолюбец». Т. Боландер в связи с высказыванием «Я сейчас говорю правду» использует понятие «невинная автореферентность» (innocuous self-reference)⁴.

Последний из аргументов против иерархического подхода Рассела—Тарского только укрепляет нас во мнении, что те средства,

¹ Gupta A. Truth and Paradox // Journal of Philosophical Logic. 1982. № 11. P. 1.

² Ладов В.А. Формальный реализм // Логос. 2009. № 2 (70). С. 11–23.

³ Beall J. A Neglected Deflationist Approach to the Liar // Analysis. 2001. 61.2, April. P. 126–129.

⁴ Bolander T. Essay: Self-reference and Logic // ФNEWS. 2002. № 1. April. P. 9–43.

которые предложили эти знаменитые логики XX в. для преодоления парадоксов, по сути основывались на неверной диагностике проблемы и были неоправданно радикальными. Метафорически иерархический подход можно сравнить с методом удаления занозы из пальца пациента путем ампутации целой конечности. В итоге данный метод, по-видимому, выглядит приемлемым: проведено лечение, направленное на устранение той жалобы, с которой пациент обратился к доктору. Остается только один вопрос: какой ценой это было сделано?

Наконец, в-пятых, иерархический подход Рассела–Тарского не может охватить все возникающие парадоксы и поэтому не может претендовать на универсальное решение логико-семантических противоречий.

На возражение, которое высказали Бэрвайс и Этчемэнди, опираясь на работу Крипке, что парадоксальность оказывается лишь эмпирически случайной, что Смит мог продуцировать сколь угодно много высказываний в адрес того, что говорит об Уотергейте Джонс, и что только один-единственный случай в данных высказываниях приводил бы к парадоксу, можно было бы ответить аргументом А. Якуба, который в своей книге «Лжец говорит правду. В защиту ревизионной теории истины» формулирует так называемого строгого кроссreferенциального «Лжеца»: «Предположим, что Смит написал во время t *единственное* предложение: “Предложение, которое напишет Джонс во время t_1 , истинно”, а затем, во время t_1 Джонс написал *только* это предложение “Предложение, которое написал Смит во время t , не является истинным”»¹. Данное рассуждение действительно представляет собой строгий парадокс, в котором нет места какой-либо эмпирической случайности, причем парадоксальность возникает при любой начальной посылке. Если предложение Смита истинно, то Джонс высказал истину о том, что Смит лжет. Следовательно, если предложение Смита истинно, то оно ложно. Если предложение Смита ложно, то Джонс лжет, что Смит лжет, значит, Смит говорит истину. Следовательно, если предложение Смита ложно, то оно истинно. Если предложение Джонса истинно, то предложение Смита, в котором говорится об истинности предложения Джонса, ложно, а значит, предложение Джонса ложно. Следовательно, если предложение Джонса истин-

¹ *Yaqub A. The Liar Speaks the Truth. A Defense of the Revision Theory of Truth.* N.Y. ; Oxford : Oxford University Press, 1993. P. 31.

но, то оно ложно. Если предложение Джонса ложно, то предложение Смита, в котором говорится об истинности предложения Джонса, истинно, а значит, предложение Джонса истинно. Следовательно, если предложение Джонса ложно, то оно истинно.

Однако вся эта изощренная аргументация ни в коей мере не может служить в поддержку иерархического подхода Рассела–Тарского. В исследовательской литературе недостаточно внимания было уделено тому моменту, что проблема кроссreferенциального «Лжеца», которую Крипке сформулировал в своем знаменитом «Очерке о теории истины», даже не столько в указании на случайный, эмпирический характер данного парадокса (аргумент, который, казалось бы, купируется за счет строгого кроссreferенциального «Лжеца» Якуба), а прежде всего в том, что кроссreferенциального «Лжеца» в любой из его формулировок в принципе нельзя разрешить при помощи иерархического подхода.

В самом деле, если Смит говорит об истинности предложений Джонса на одном логическом уровне, то Джонс, следуя иерархическому подходу, уже не должен давать истинностную оценку высказываниям Смита, ибо высказывания Джонса находятся на языке низшего уровня по сравнению с языком Смита. Джонс же в случае кроссreferенциального «Лжеца» делает обратное: он начинает выдавать истинностную оценку высказываниям того уровня, на которых выдавалась истинностная оценка его собственным высказываниям. Таким образом, за счет подобной кроссreferенциальности иерархию логических уровней воссоздать не удастся.

Наконец, нельзя не упомянуть его один «нашумевший» в последние десятилетия парадокс, без обсуждения которого на сегодняшний момент уже не обходится ни одно более или менее объемное исследование по проблеме логических парадоксов. Имеется в виду парадокс «Лжеца» без автореферентности, сформулированный С. Ябло. В своей небольшой статье Ябло заявляет: «Часто можно услышать, что самый уверенный способ удержать язык свободным от парадоксов состоит в том, чтобы наложить абсолютный запрет на всю автореферентность»¹. И далее: «Я заключаю, что автореферентность не является ни необходимым, ни достаточным условием парадокса “Лжеца” и подобных ему парадоксов»².

¹ *Yablo S. Paradox without Self-reference // Analysis. 1993. Vol. 53. P. 251.*

² *Ibid. P. 252.*

В свободном переложении суть парадокса Ябло сводится к следующему. Предположим существование Вселенной с несколькими эпистемическими субъектами: А, В, С, D. А произносит: «Высказывание S, которое продуцируют В, С и D, ложно». В произносит: «Высказывание S, которое продуцируют С и D, ложно».

Нас волнует дискурс А, проанализируем его. На основании того, что он сказал, мы делаем вывод, что В лжет, в частности относительно высказывания С. С произносит: «Высказывание S, которое продуцирует D, ложно». Поскольку В сказал неправду о том, что С лжет, следовательно, мы должны сделать вывод, что высказывание С истинно. Причем этот вывод следует именно из первоначального высказывания А о высказывании В. Однако из этого же первоначального высказывания А мы знаем, что высказывание С ложно. Таким образом, высказыванию С на основании высказывания А мы должны приписать одновременно и истину, и ложь, что противоречиво. Вывод: высказывание А приводит к противоречию, хотя оно ничего не говорит о самом себе, а только о других высказываниях.

То, что представленные в XX в. логико-семантические проекты Рассела и Тарского не смогли аннулировать значимость аргументации, опирающейся на идею автореферентности, представляется крайне важным. На наш взгляд, идея автореферентности вообще является одной из определяющих для философии, фиксирующей сущность данного вида рациональной деятельности. В отличие от конкретных наук, которые ограничивают свои исследования определенным регионом сущего, философия всегда претендовала на то, чтобы быть универсальным знанием о сущем в целом. Собственно, в этом и состоит цель построения онтологической системы в философии — представить знание о сущем в целом на максимально высоком уровне общности. Выражение такого знания возможно именно в семантически замкнутом автореферентном языке, ибо только такой язык способен говорить обо всем, что есть, в том числе и о себе самом как определенном виде сущего. Эту специфику философского мышления подчеркивает Фитч: «Характерная черта философии состоит в том, чтобы дотянуться до этого максимально-го уровня и быть способной использовать автореферентные виды рассуждения, которые возможны на этом уровне»¹.

¹ Fitch F. Op. cit. P. 69.

Автореферентность имеет важнейшее значение и для эпистемологии. Любая эпистемологическая концепция есть теоретическое построение о сущности, способах, границах, нормах и идеалах познания. При этом само построение той или иной конкретной эпистемологической концепции есть проявление познавательных возможностей рационального субъекта. Для того чтобы предметная область исследования любой конкретной эпистемологической концепции была полной, она должна включать и построение самой этой концепции как один из вариантов проявления познавательных процессов. Только при исследовании полной предметной области можно говорить о допущении всеобщего и необходимого знания, знания как такового, отличного от мнения, которое всегда характеризуется ограниченностью. Установить полный запрет на автореферентность — значит отказаться от концепта знания как такового в качестве регулятивной идеи познавательной деятельности.

Итак, если аргумент от автореферентности признавать валидным для оценки философского исследования как в области онтологии, так и в области эпистемологии, то на основании проведенного выше анализа можно заключить, что концептуальное построение, утверждающее тотальность языка интенциональных контекстов, оказывается логически противоречивым и в силу этого теоретически нереализуемым.

Выводы

Мы обратились к обсуждению языка интенциональных контекстов. Значимую эпистемологическую проблему в отношении этого языка мы сформулировали следующим образом: возможен ли язык, ориентированный исключительно на выражение интенциональных контекстов? Для решения данной проблемы мы рассмотрели два частных вопроса: о выразительных возможностях языка интенциональных контекстов и о логической непротиворечивости языка интенциональных контекстов.

Исследование второго из сформулированных выше вопросов позволило представить однозначное решение общей проблемы: язык, ориентированный исключительно на выражение интенциональных контекстов, невозможен как последовательная и непротиворечивая знаковая система. Эта предполагаемая система всегда будет заключать в себе противоречие автореферентного свойства: утверждение о позиционировании исключительно интенциональ-

ных контекстов в таком языке будет производиться за счет предложения, отсылающего к экстенциональному контексту. Экстенциональный контекст будет составлять фундамент данного языка, что противоречит первоначально заданному условию.

Сформулированный выше вывод является, бесспорно, важным, но не оригинальным. По сути он представляет собой распространение на область проблем современной философии языка классического аргумента о противоречивости релятивизма, дополненного анализом дискуссии о природе противоречий в логике XX в.

Возможно, более интересным и оригинальным в ходе данного обсуждения может предстать другой вывод, который мы вправе сделать на основании исследования первого из сформулированных вопросов, а именно вопроса о выразительных возможностях языка интенциональных контекстов при условии, что мы уже держим в уме ответ на второй вопрос.

В опоре на логико-лингвистический анализ Фреге мы установили, что выразительные возможности естественного языка не позволяют провести четкую дистинкцию между интенциональным и экстенциональным контекстами. Экстенциональные контексты имплицитно всегда вплетены в дискурс, ориентированный на выражение интенциональных контекстов. Вопрос, решение которого мы отложили на более поздний срок, состоял в следующем: является ли эта, выявленная Фреге, характеристика естественного языка его недостатком? По отношению к дискурсу гуссерлевской феноменологии мы, казалось бы, без колебаний должны дать положительный ответ на этот вопрос. Если феноменологическая редукция как центральная методологическая операция феноменологии на лингвистическом уровне предполагает ограничить употребление языковых выражений только интенциональными контекстами, то естественный язык, который скрывает различие интенционального и экстенционального контекстов, должен быть признан непригодным для целей феноменологии и отсутствие возможности четкой фиксации указанного выше различия должно быть признано существенным недостатком естественного языка. Однако в свете того вывода, который мы сделали при обсуждении вопроса о логической непротиворечивости языка интенциональных контекстов, нам следует изменить свою позицию на противоположную. Тот факт, что естественный язык не позволяет удержать себя в среде интенцио-

нальных контекстов и всегда ускользает в область экстенциональных контекстов, является не недостатком, а, напротив, достоинством этого языка, своеобразной мудростью языка, который самой своей структурой блокирует возможность дискурсов, приводящих к логическим противоречиям. Естественный язык всегда выражает реалистскую онтоэпистемологическую установку и блокирует любой радикальный антиреалистский дискурс, пытающийся установить запрет на выражение экстенциональных реалистских контекстов. Своим функционированием естественный язык демонстрирует, что он в принципе ориентирован на описание того, что есть, а не того, что мнится.

А.З. Черняк

Содержание утверждения в двухмерной перспективе¹

В статье рассматривается проблема зависимости значений предложений в контексте утверждения от убеждений участников коммуникации. Можно ли вывести из убеждений коммуникаторов, независимо от степени их согласия между собой, единственное непротиворечивое содержание конкретного утверждения или, по крайней мере, единственный принцип приписывания ему значения? В центре анализа – влиятельная концепция двухмерного значения утверждения Р. Сталнейкера, согласно которой у предложения в конкретном акте утверждения есть единственные условия истинности и их нахождение подчинено единому принципу. В статье разбирается основательность обеих позиций и делается скептический вывод, поддерживающий более релятивистский взгляд на семантику утверждений.

Значения, истинность и убеждения

Настоящая статья посвящена исследованию вопроса о том, какую информацию сообщает предложение в коммуникативном акте утверждения. Можно выделить разные виды информации: информация о самом предложении как лингвистической структуре обеспечивается знанием грамматики; другая информация, которую можно извлечь из его восприятия, характеризует его как физический объект; предложение может также сообщать эстетическую информацию – восприниматься как нечто красивое, например. Философов языка интересует в основном семантическая информация – значение предложения. Под влиянием работ Г. Фреге² принято различать два уровня значения языкового выражения: то, что оно обозначает (денотат или экстенционал), и та информация, которая представляет пользователям языка денотат (смысл или интенционал³). Дено-

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 11-03-00608а.

² См.: *Frege G. On Sense and Meaning* // P.T. Geach and M. Black (ed.). *Translations from the Philosophical Writings of Gottlob Frege*. Oxford : Blackwell, 1980.

³ В связи с этим различием слово «значение» и его английский аналог (*meaning*) по-разному используется разными авторами – иногда для обозначения денотатов, иногда – смыслов. Деление на экстенционал и интенционал ввел Р. Карнап. (См.: *Carnap R. Meaning and Necessity*. Chicago, IL : University of Chicago Press, 1947.)

тат предложения обычно (также под влиянием Фреге) отождествляют с истинностным значением, а его смысл — с информацией, позволяющей тем, кто воспринимает и старается понять предложение, приписывать ему истинностное значение, т.е. с условиями истинности. Истинностное значение приписывается относительно фактов, т.е. того, как обстоят дела; соответственно условия истинности предложения должны включать информацию о релевантных фактах.

Иногда предложение включает такие выражения, которые делают его значение зависимым от обстоятельств использования (контекста), например местоимения. Но и другие выражения естественных языков¹ демонстрируют семантическую неоднозначность: так, собственные имена, хотя грамматически они должны обозначать каждого одного определенного индивида, могут, тем не менее, обозначать разных индивидов в разных обстоятельствах. Кто-то может назвать Аристотелем любимую собачку и приучить своих друзей и родных применять имя великого философа еще и к этой собачке: тогда в разговорах между этими людьми имя «Аристотель» будет иметь по меньшей мере два значения. Существуют теории, согласно которым значения любых выражений естественных языков чувствительны к контекстам, т.е. могут меняться вместе с обстоятельствами их использования². Теория, отождествляющая разные типы высказываний с разными действиями, характеризующими каждое определенной целью или интенцией произнесения выражения, была разработана Д. Остином³ и модифицирована Дж. Сёрлом⁴ и П. Грайсом⁵.

Утверждение как коммуникативное действие⁶ задает определенный способ приписывания значения, а именно такой, при котором истинностное значение предложения, а не какая-то иная ин-

¹ Тех, которые не были специально созданы для решения определенных коммуникативных задач в определенных ситуациях, а сформировались независимо от желаний и намерений людей, которые пользуются ими в этих ситуациях.

² Самая известная из них, задавшая целое направление исследований, принадлежит Л. Витгенштейну, согласно которому значение языкового выражения есть функция от способов его употребления. (См.: *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985. С. 79–128.)

³ *Austin J.* How to Do Things with Words. Oxford, 1962.

⁴ *Searle J.* Meaning and Speech Acts // *Philosophical Review*. 1962.

⁵ *Grice P.* Studies in the Way of Words. Harvard University Press, 1989.

⁶ *Austin J.* Op. cit.

формация определяет, что сказано в данном утверждении. Но это порождает определенную двусмысленность. С одной стороны, условия истинности предложения могут не зависеть от того, частью какого утверждения оно является — кем, где, когда, для чего произнесено. С другой стороны, такие обстоятельства утверждения, как коммуникативное намерение или цель, связывают сказанное с убеждениями и диспозициями субъекта. Убеждения, на которых основывается утверждение, могут представлять в качестве релевантных не только те факты, которые описывают условия истинности утверждаемого предложения. Так, утверждение «Снег белый» основано на принятии гипотезы, что снег существует в качестве факта, тогда как соответствующее предложение, согласно стандартной экспозиции его условий истинности, истинно тогда и только тогда, когда имеет место факт, состоящий из снега, белизны и определенного отношения между ними¹. Следует ли считать, что существование снега в лучшем случае подразумевается говорящим, но не входит непосредственно в содержание сказанного и таким образом не влияет на его значение, или этот факт тоже имеет влияние на истинностное значение предложения в данном контексте? В конце концов, если бы снега не существовало, такое утверждение не было бы истинным — по крайней мере как утверждение о действительном снеге, а не о чем-то воображаемом. Но есть и случаи предложений, явно некорректных с точки зрения цели конкретного высказывания. Таковы, например, многие оговорки. Например, если кто-то говорит «Если бы я бы был султаном...», то правдоподобная интерпретация такой ситуации состоит в том, что одно из двух «бы» ничего существенного не добавляет к сказанному в утверждении и использовано по ошибке или случайно. В этом отношении и не все, что заключено непосредственно в содержании высказанного предложения, может иметь существенное влияние на его истинностное значение в контексте.

Подход, ставящий в зависимость сказанное предложением в контексте от подразумеваемого агентом в утверждении и, шире, от его убеждений, будет в фокусе моего внимания в данной статье. Зависимость такого рода, однако, может быть широкой или узкой. Широкая зависимость сказанного от подразумеваемого состоит в

¹ Источником этой идеи условий истинности является концепция А. Тарского. (См.: *Tarski A. The Semantic Conception of Truth, and the Foundations of Semantics, Philosophy and Phenomenological Research, 1944. Vol. 4, № 3. P. 341–376.*)

признании зависимости значения сказанного от всех релевантных убеждений агента. В противоположность этому можно утверждать полную независимость или минимальную зависимость первого от второго. Сравнительно правдоподобной выглядит версия узкой зависимости, согласно которой под сказанным следует понимать только то содержание, которое непосредственно детерминировано содержаниями использованных в высказывании выражений, за вычетом того, что в произнесенном строго противоречит подразумеваемому.

Понятие подразумевания, однако, неоднозначно: предложение, к примеру, может логически имплицировать другое предложение, и субъект утверждения первого, будучи членом популяции, признающей руководящую роль логики, должен, утверждая соответствующее предложение, подразумевать все то, что оно логически имплицировует. Однако не каждый реальный коммуникатор понимает и, тем более, сознательно подразумевает в каждом акте утверждения все то, что логически имплицировует утверждаемое предложение. Не спасает положение и идея, согласно которой подразумеваться может только то, в чем субъект действительно убежден или что является содержанием его пропозициональных установок¹. Проблема в том, что нет также единого способа приписывать убеждения. Так, логик может требовать, чтобы рациональный субъект имел дедуктивно замкнутую систему убеждений, и в этом случае ему необходимо будет приписывать в качестве потенциально подразумеваемого все тривиальные следствия его фактических убеждений. В то же время убеждения могут быть актуальные, т.е. такие, которые непосредственно влияют на высказывание, и скрытые, о которых агент не помнит, к которым временно не обращается и которые может даже не считать своими убеждениями до тех пор, пока не окажется в ситуации, в которой он о них вспомнит или будет на них бессознательно основываться, что можно трактовать как их актуализацию². Таким образом, мы получаем как минимум две идеи психологического подразумевания, отображающие на значение сказанного содержания только актуальных убеждений или всех убеждений агента соответственно.

¹ То есть таких, содержание которых имеет определенную логическую структуру и которые можно выразить с помощью предложений.

² Это можно трактовать и иначе, например как новое обретение данного убеждения, но предложенная здесь трактовка все же выглядит более адекватной для ряда случаев.

Двухмерный семантический анализ утверждения по Р. Сталнейкеру

Одна из наиболее разработанных концепций зависимости контекстных значений предложений от содержаний убеждений агентов коммуникации сформулирована Р. Сталнейкером¹. Он отстаивает идею детерминированности сказанного в утверждении прагматической *предсуппозицией*, на основании которой оно сделано.

Это определение пропозиции предложил Р. Карнап (см.: *Carnap R. Op. cit.*). Оно несколько тенденциозно, поскольку предполагает существование возможных миров; онтологически это понятие не простое. Альтернативные предложения заменяют возможные миры на ситуации. Некоторые считают понятия возможных миров и ситуаций эквивалентными; насколько это так — отдельный вопрос, но в любом случае коль скоро Сталнейкер имеет в виду отношение чего-то гипотетического к истинностному значению предложения в рамках этой гипотезы, можно здесь не придавать особого значения онтологическим проблемам, связанным с использованием тех или иных способов описания возможного.

Сталнейкер трактует утверждение как действие, в котором выражение пропозиции — чего-то, что представляет мир как существующий определенным образом, — подчинено определенной коммуникативной рациональности. Пропозицию он определяет как функцию от возможных миров к истинностным значениям (см.: *Stalnaker R. Op. cit. P. 79*). Наряду с этим он дает и другое определение пропозиции, согласно которому пропозиция — это правило для определения истинностного значения как функции от существующих положений дел, для которых пропозиция принимает значение «истинно». Как содержание утверждения пропозиция детерминирует множество возможных миров, совместимых с ней. Любые два утверждения репрезентируют мир как существующий одним и тем же образом, т.е. выражают одну и ту же пропозицию, если и только если они истинны в одних и тех же возможных мирах и только в них (*Ibid. P. 79*).

Содержание утверждения иногда зависит от контекста, т.е. от ситуации, включающей говорящего с *ego* определенными убежде-

¹ *Stalnaker R. Context and Content: Essays on Intentionality in Speech and Thought. Oxford University Press, 1999.*

ниями и интенциями, и тех, к кому это утверждение обращено, с их убеждениями и интенциями¹. Эту зависимость Сталнейкер описывает с помощью матрицы.

Пример. Он считает, что в ситуации, когда агент говорит «Ты дурак» в присутствии двух человек – Олири и Дэниэлза, подразумевая, что Олири дурак, притом что Олири не считает, что он дурак, и понимает, что высказывание относится к нему, а Дэниэлз верит, что Олири дурак, но думает, что высказывание относится к нему, матрица отражает оба вида несогласия слушающих с говорящим: несогласие Олири по поводу фактов, и несогласие Дэниэлза по поводу выраженной пропозиции.

	ii	j	k
i	T	F	T
j	T	F	T
k	F	T	F

Столбцы матрицы представляют возможные миры как контексты, детерминирующие пропозициональные содержания утверждаемого предложения, а строки представляют то, *что говорит* утверждение данного предложения в соответствующих возможных мирах.

Две первые горизонтальные линии совпадают. Это отражает тот факт, что говорящий и Олири согласны относительно высказанной пропозиции. А то, что первый и последний столбцы совпадают, отражает тот факт, что говорящий и Дэниэлз согласны по поводу истинностных значений как выраженной говорящим пропозиции, так и пропозиции, которую Дэниэлз считает выражаемой говорящим.

¹ Обычно контекст в той традиции, из которой черпает свое вдохновение Сталнейкер, определяют достаточно широко – просто как случай использования выражений, или, по-другому, токен (см.: *Kaplan D. Demonstratives // Themes from Kaplan ; J. Almog, J. Perry, H. Wettstein (eds.). Oxford University Press, 1989. P. 526*). Д. Перри (см.: *Perry J. Indexicals // Contexts and Unarticulated Constituents ; A. Aliseda, R. van Glabbeek, D. Westerstahl (eds.). Computing Natural Language. CSLI Publications, 1998*) различает три вида контекстов, организуя это различие в зависимости от того, какая сущность берется в качестве носителя изменяемых вследствие влияния контекста свойств. Тогда понятие контекста, используемое Сталнейкером, недостаточно определенное, так как можно получить разные множества релевантных контекстов. Это связано с тем, какие типы фиксируемых или предполагаемых свойств участников коммуникации выбираются в качестве существенных или определяющих их вклад в утверждение.

Матрица представляет *пропозициональный концепт* — функцию от возможных миров к пропозициям или, иначе, от упорядоченных пар возможных миров к истинностным значениям. Его частью является *диагональная пропозиция* — функция от возможных миров к истинностным значениям, расположенным по диагонали матрицы с верхнего левого угла к нижнему правому; она истинна в i для любого i , если и только если то, что выражено в утверждении i , истинно в i . Таким образом, в приведенном примере говорящий говорит нечто истинное в мире i и ложное в мирах j и k , несмотря на то что ни в одном из этих миров он не выражает пропозицию, истинную в i и ложную в j и k (Ibid. P. 79).

Важная особенность концепции Сталнейкера заключается в том, что в основе каждого утверждения лежит *пресуппозиция*, представляющая собой то, что подразумевается говорящим как данность, принимаемая всеми участниками разговора. Пропозиция предполагается, если говорящий расположен действовать так, как будто он принимает или верит, что пропозиция истинная, и как будто он принимает, что его аудитория также это принимает или в это верит. По-другому, пресуппозиция есть множество возможных миров, совместимых с тем, что подразумевается. Пропозиция подразумевается, если и только если она истинна во всех этих возможных мирах (P. 84–85).

Говорящий не обязан верить в то, что подразумевает его утверждение, но он должен быть готов поверить, что его аудитория примет ее вместе с ним. Сталнейкер считает, однако, что большинство контекстов утверждения такие, что то, что говорящий считает общим знанием участников, им является; остальные он характеризует как дефективные (P. 85).

С точки зрения пресуппозиции каждый участник представлен в разговоре своим множеством возможных контекстов, которые совпадают для недефективных контекстов утверждения и не совпадают для дефективных. Целью утверждения, по Сталнейкеру, является изменение установок участников конкретного разговора, которое он отождествляет с изменением контекста. У каждого участника коммуникации есть мотив сохранить свои пресуппозиции неизменными. В недефективном контексте это обеспечивает сохранение равновесия, а дефективные контексты стремятся к равновесию, характеризующему недефективные, потому что в ходе разговора появляется много ключей для расшифровки того, что сказа-

но, и участники обычно способны сказать, что их пресуппозиции различаются, когда это так. Основной способ, каким утверждение меняет контекст, — изменение пресуппозиций участников разговора посредством *добавления того, что утверждается, к тому, что подразумевается*. Этот эффект не достигается, только если утверждение отвергнуто. Сделать утверждение значит редуцировать множество контекстов таким образом, чтобы устранить все возможные ситуации, несовместимые с тем, что сказано, если нет возражений от других участников разговора (Р. 85).

Если дефективные контексты стремятся к сближению с недефективными, то нормальное развитие разговора можно считать, как предлагает Сталнейкер, игрой¹, разыгрываемой на множестве общих для всех контекстов и нацеленной на равновесие между пресуппозициями разных участников разговора; ходами в этой игре являются попытки редуцировать определенным образом размер множества всех контекстов или отрицания таких шагов другими. Участники имеют общий интерес редуцировать размер множества, но в вопросе о том, как это делать, их интересы могут расходиться (Р. 88).

Изменению контекста утверждением в модели Сталнейкера соответствует преобразование одного пропозиционального концепта в другой посредством двухмерного модального оператора. Один такой оператор — † — приписывает в каждом контексте утверждению выражение диагональной пропозиции. Примененный к концепту из примера оператор † дает концепт, описываемый матрицей, которую можно в общем виде расшифровать как «Сказанное в произнесении субъектом S “Ты дурак” истинно», где определенная дескрипция «Сказанное в произнесении субъектом S “Ты дурак”» может указывать на разные пропозиции в разных мирах. Но † всегда выражает одну и ту же пропозицию в каждом контексте (Р. 82). Двухмерный модальный оператор «возвращает» диагональную пропозицию как значение того, что сказано в мире контекста, трактуемом как действительный из этого контекста; он показывает, какие контексты и миры следует исключить. Для каждого контекста † утверждает, что сказанное агентом здесь и теперь истинно.

Согласно Сталнейкеру, исключение альтернатив и утверждение пропозиции подчиняется следующим принципам: 1) утверждаемая во множестве контекстов пропозиция всегда истинна в некоторых, но не во всех возможных мирах; 2) любое утвердительное

¹ В теоретико-игровом смысле.

высказывание должно выражать пропозицию в отношении любого возможного мира во множестве контекстов, и эта пропозиция должна иметь условия истинности в каждом возможном мире в этом множестве; 3) одна и та же пропозиция выражена относительно каждого возможного мира во множестве контекстов (Р. 88).

Насколько адекватна такая картина сказанного в утверждении? В частности, насколько уместно трактовать разговор как равновесие между пресуппозициями, а утверждение — как ход в игре, решением которой является равновесие такого рода? Что именно добавляет утверждение к пресуппозициям, что именно в нем высказано? Насколько уместно считать содержанием утверждения диагональную пропозицию? Говорит ли утверждение в примере, разобранном таким образом, в контексте говорящего строго, что Олири дурак, а не что дурак тот, относительно которого все согласны, что на него указывает говорящий и что он дурак?

Многообразие пропозиционального содержания

Прежде всего идея детерминированности сказанного подразумеваемым не дает непротиворечивой модели такого содержания, коль скоро подразумеваемое должно отображать на это содержание убеждения агента. Если альтернативные возможности, составляющие пропозициональный концепт утверждения, отвлекаются от убеждений и установок участников разговора, то эти убеждения и установки должны обеспечивать выводимость единственного пропозиционального концепта для каждого утверждения, инспирированного ими. Однако это условие, на мой взгляд, выполняется далеко не всегда и ничто не гарантирует его выполнение в каждом конкретном случае.

Убеждения коммуникаторов, особенно оцениваемые с разных теоретических позиций, часто совместимы с разными пропозициями. Так, двое из участников коммуникации в примере могут трактоваться как носители убеждения представленного пропозицией «Олири дурак», и это — то, что они подразумевают в связи с утверждением «Ты дурак». Но их понимание сказанного может строго или нестрого зависеть от этого убеждения. Если зависимость строгая, коммуникатор должен трактовать сказанное как относящееся к Олири и говорящее о нем и только о нем, что он дурак. Но если зависимость нестрогая, сказанное может, оставаясь мотивированным данным убеждением, трактоваться как относящееся, напри-

мер, скорее всего к Олири, но с некоторой вероятностью к Дэниэлзу. Альтернативно это различие можно представить и как различие между убеждениями: например, убеждением, что высказывание относится к Олири, и убеждением, что высказывание относится или к Олири, или к Дэниэлзу с соответствующими вероятностями. Тогда можно сказать, что нарушаются условия примера. Но субъект, например Олири, может быть убежден, что высказывание относится к нему и ни к кому другому в том смысле его убеждения, который применим только к данному контексту, но при этом имеет предрасположенность поставить это убеждение под сомнение в контексте, частью которого обычно являются его интерпретации подобных высказываний. То есть его текущее убеждение может быть *эпистемически неустойчивым* — таким, что достаточно незначительной рефлексии или внимания к релевантным данным, чтобы его изменить.

Например, находясь в данной коммуникативной ситуации¹ на своей лучшей эпистемической позиции, т.е. применив по максимуму свои когнитивные способности к максимальному доступному множеству релевантных данных с минимальным для себя риском ошибки без существенных изменений своей природы и окружающего мира, говорящий мог бы заметить, что у него недостаточно оснований считать объект указания, как он представлен здесь и теперь, идентичным *Олири и только ему*² (предположим, у Олири есть брат-близнец и это может быть Дэниэлз). Таким образом, строгая зависимость будет предполагать зависимость только от эпистемически устойчивых убеждений, тогда как нестрогая будет включать зависимость также от эпистемически неустойчивых.

Обе интерпретации разграничения между строгой и нестрогой зависимостями содержаний сказанного от убеждений участников коммуникации ведут к одному и тому же: выбор пропозиционального концепта утверждения и, как следствие, высказываемой в нем пропозиции теоретически обусловлен заранее заданным, но не эксплицированным объемом понятия «пресуппозиция», который может выбирать в качестве источников подразумеваемого агентом как минимум те убеждения, которыми он мотивирован строго, или те, которыми он мотивирован нестрого. Когда речь идет о соотношении возможных миров или ситуаций и убеждений, обычно испол-

¹ Имеется в виду тип обстоятельств, а не их конкретное появление, разумеется.

² То есть удовлетворяющим некоему достаточному условию бытия Олири.

зуют критерий логической совместимости: убеждения такого-то представляют совокупность миров (ситуаций), совместимых с его убеждениями¹. Но возможности, зафиксированные в терминах миров или ситуаций, точно так же могут быть строго или нестрого совместимы с индивидуальными убеждениями или, по-другому, совместимы только с его эпистемически устойчивыми убеждениями или со всеми независимо от их эпистемической устойчивости и других релевантных различий.

Пусть в пресуппозицию входит только то, что соответствует расположенности агента действовать так, как будто он принимает пропозицию. Это не более четкий критерий, чем соответствие убеждениям. Я могу быть расположен действовать так, как будто мы с аудиторией принимаем, что «абракадабра» — имя кого-то из участников разговора, не потому что я сам так думаю, а потому что на меня что-то нашло или я не отдаю себе отчет в своих действиях. Тем не менее мое влияние на аудиторию может быть таково, что «абракадабра» в данном появлении поймут именно так, как я как будто подразумеваю. Тогда пропозицию *«абракадабра есть один из людей, находящихся здесь и теперь»* надо считать частью пресуппозиции соответствующего утверждения. Но с точки зрения здравого смысла есть разница между диспозициями, которые мы формируем под воздействием случайных факторов и которые мы предпочли бы не иметь или не реализовывать в соответствующей ситуации, если бы могли контролировать события, и нормальными диспозициями². Можно отнести все подобные случаи к дефективным контекстам, но это не объяснит их коммуникативную аномальность: ведь достаточно ясно, что согласие с приведенной пропозицией некорректно считать оптимальным решением коммуникативной ситуации, порожденной соответствующим утверждением; интуитивно оптимальным будет то, которое избавит говорящего от наваждения.

Попытаемся сделать теорию более эмпирической. Прошрое поведение субъекта может демонстрировать, что в оценке результатов восприятия высказываний он склонен отдавать предпочтение результатам, получаемым на более критической позиции по сравнению с той, на которой был получен оцениваемый результат: интуитивно это обычно зависит помимо темперамента от опытности «иг-

¹ См.: Hintikka J. Semantics for Propositional Attitudes // Philosophical logic ; J.W. Davis, D.J. Hockney, W.K. Wilson (eds.). Dordrecht : Reidel, 1969. P. 21–45.

² То есть сохраняемыми на лучшей доступной эпистемической позиции.

рока». Его участие в интерпретации утверждения тогда, вероятно, должно моделироваться таким образом, чтобы приоритет в конструировании соответствующей части пропозиционального концепта отдавался тем его релевантным убеждениям, которые строго мотивируют его поведение. Для других игроков более адекватным может быть противоположный выбор. Правда, многие ведут себя как опытные игроки в одних ситуациях и как неопытные в других. Но проблема не в том, что применение двухмерного анализа к реальным утверждениям тогда будет требовать обладания куда более значительным объемом психологической информации, чем хотелось бы.

Можно принять такое понятие пресуппозиции, которое будет варьировать свой объем в зависимости от соответствующей психологической информации о субъекте — в одних случаях охватывать только миры, совместимые со строго мотивирующими убеждениями, в других — также миры, совместимые с нестрогим мотивирующими убеждениями, в третьих — совместимые с какой-то комбинацией тех и других. Но если в примере Олири убежден, что утверждение относится только к нему, но известно, что он достаточно критичен, чтобы приписывать ему в его нормальном когнитивном состоянии мотивированность только эпистемически устойчивыми убеждениями, и есть основания, доступные ему и ставящие под сомнение его текущее убеждение, этого слишком мало, чтобы сказать, какова его пресуппозиция. Для этого надо знать, относится данное его убеждение к его эпистемически устойчивым убеждениям или нет, а это знание требует наблюдения его будущего поведения. В любом случае считать критичность или какие-то иные характеристики субъекта, потенциально влияющие на состав его текущих убеждений, релевантными оценке значения конкретного утверждения обстоятельством или нет — дело теоретического выбора, а не эмпирических обобщений. Но я полагаю, что эти характеристики по крайней мере некорректно игнорировать как потенциально влияющие на интересующие нас результаты. Однако ближайший результат их непредвзятого (т.е. не инкорпорирующего их строго определенным нормативным образом в теорию) учета — двусмысленность пропозиционального концепта и, как следствие, пропозиционального содержания практически любого сравнительно информативного утверждения.

То же самое относится и к разночтениям по поводу предикатных компонентов высказываемых предложений. Предположим, Дэниэлз в примере строго подразумевает, что Олири дурак, но использует понятие бытия дураком, отличающееся от аналогичного понятия, использованного в пресуппозиции говорящего, и ни он, ни говорящий не подозревают о данном концептуальном расхождении между ними. Например, для Дэниэлза, но не для говорящего «дурак» в предложениях, приписывающих это свойство кому-то, заменимо при их высказывании на «ведешь себя как дурак» без потери основного содержания (примем для простоты, что между Олири и говорящим нет никаких концептуальных расхождений). Тогда мир Дэниэлза корректнее описывать как представленный фактом, что Олири дурак^Д, и исключаящим факт, что Олири дурак^Г, а мир говорящего соответственно — как включающий второй факт, но исключаящий первый, где «Г» и «Д» указывают на заменимость двумя нетождественными множествами дескрипций в одних и тех же случаях. Но если это расхождение никак не отражено в тех убеждениях участников, из которых они непосредственно исходят, интерпретируя утверждение, пропозициональный концепт утверждения также будет противоречивым. Если агенты могут иметь доступ к указанному расхождению на своих лучших эпистемических позициях, пропозициональный концепт может включать контексты *Олири дурак^Г* для говорящего и *Олири дурак^Д* для Дэниэлза или контекст *Олири дурак* для обоих¹. В первом случае утверждаемое с точки зрения говорящего не будет истинным в мире Дэниэлза.

Предположим, что для описанной ситуации пропозициональный контекст может просто включать два контекста для каждого игрока с такой раздвоенной позицией и соответственно два мира оценки; некоторые могут совпадать или не совпадать с какими-то из уже отображенных в матрице контекстов и миров. Но это может быть незаконной операцией над мирами, если их конструирование подчиняется принципу сохранения непротиворечивости убеждений. Пусть Дэниэлз убежден, что если Олири дурак^Д, то Олири не дурак^Г, и он не верит строго, что Олири дурак^Д, а допускает некоторую вероятность, что Олири дурак^Г. Тогда расщепление мира Дэниэлза представит его противоречивым субъектом, придерживаю-

¹ Эти пропозиции нельзя объединить в дизъюнкции, например «*Олири дурак^Д или Олири дурак*», так как никто из участников не приписывает утверждению такое содержание, согласно которому Олири дурак в одном или в другом смысле.

шимся одновременно двух противоположных точек зрения, не смотря на то что отраженное в его убеждениях различие в вероятностях вполне обычно для непротиворечивых субъектов. И если даже можно согласиться с тем, что реальные коммуникаторы не всегда непротиворечивы, куда контринтуитивнее признавать, что нормальные коммуникаторы в нормальных ситуациях страдают такой раздвоенностью сознания. Правдоподобнее предположить, что коль скоро «Олири дурак^Г» куда менее вероятная гипотеза для Дэниэлза, чем «Олири дурак^Д», ее лучше расположить внутри мира, факты которого поддерживают вторую гипотезу как его специфическую часть.

Еще один источник многозначности утверждений при двухмерном анализе — соединения требования подчинения сказанного убеждениям агентов с требованиями формального анализа значений языковых выражений. Если убеждения представляют миры и утверждение может оцениваться не только относительно мира контекста, но и относительно других миров, это делает возможным, так сказать, несанкционированное умножение значений. Так, «Олири» в утверждении, оцениваемом в мире Дэниэлза, может выбирать в качестве денотата как Олири мира говорящего, так и Олири мира Дэниэлза, которые в случае, когда идентифицирующие признаки Олири для говорящего и Дэниэлза не совпадают и относительно имен не принимается теоретическая презумпция жесткой десигнации¹, не будут тождественны. Но пресуппозиции реальных коммуникаторов обычно не включают указаний на то, какой выбор денотатов для возможных миров должен определять пропозицию, приписываемую утверждению с их точки зрения.

Равновесие пресуппозиций как парадигма анализа значения

Если высказывание трактуется как утверждение, правдоподобно, что нормальный коммуникатор привычно старается приписывать ему то значение, которое сделает его истинным в действительности (или в том мире, о котором это утверждение), и если это не удастся, отвергает его. Но это согласие по поводу принципа приписывания значения не тождественно согласию, выражающему рав-

¹ Согласно которой собственные имена обозначают одних и тех же индивидов во всех возможных мирах.

новесие пресуппозиций. Во-первых, разговор должен быть достаточно содержательный и, как следствие, достаточно длительный, чтобы давать участникам «ключи» к установлению равновесия пресуппозиций. Это не всегда выполняется. Во-вторых, выбор содержания сказанного агентом может быть строго подчинен его исходным убеждениям.

Представим себе простую ситуацию короткого разговора между Петей и Васей. Петя, стоя перед зеркалом, говорит «Ты дурак», обращаясь к Васе; чтобы Васе было понятно, к кому относится высказывание, он поворачивается к нему во время произнесения предложения, но Вася на секунду отвлекся и не заметил этого. Поэтому возникает двусмысленность: пресуппозиция Пети такова, что в его утверждении выражена пропозиция, что Вася дурак, тогда как пресуппозиция Васи, который видит, что Петя говорит, стоя перед зеркалом, приписывает утверждению пропозицию, что Петя дурак. Пусть для каждого определяющей коммуникацию ценностью является правильное понимание сказанного. Даже в этом случае правильность понимания не обязательно соответствует пониманию в согласии с интенцией или пресуппозицией говорящего. Например, если Вася исходит из того, что Петя не имеет достаточных знаний и опыта, чтобы судить о том, кто дурак, а кто нет, он может не рассматривать факты, каковы они с точки зрения Пети как имеющие отношение к оценке значения утверждения. Иначе говоря, он может исходить в своей трактовке сказанного из презумпции, что если это — осмысленное утверждение, то его содержание лучше приписывать относительно убеждений кого-то более компетентного, чем Петя. В данном случае это Вася; и он затем сможет объяснить Пете, почему он, возможно, прав, несмотря на то что ничего не смыслит в дуракологии.

При равновесии ни один игрок не имеет мотива изменить свою стратегию (в данном случае состоящую из устраниений контекстов, отказов принимать утверждение или комбинации того и другого) в одиночку. Поскольку каждый из двух участников разговора верит, что оба подразумевают то, что подразумевает он, ни один не имеет мотива выбирать другую интерпретацию, так как в этом случае он, с его точки зрения, удаляется от понимания сказанного. Если условием пресуппозиции является такое представление других как приписывающих утверждению ту пропозицию, которую приписывает ему агент, при котором они в его представлении делают это в том же

контексте, в котором сделано утверждение, то иметь такую пресуппозицию фактически означает не иметь мотивации изменить ее в одиночку. Но если пресуппозиции участников строго противоположны, их совместное изменение просто даст альтернативный вариант разногласия. Говорящий вообще обычно не имеет мотива менять свою пресуппозицию, если только он не понимает, что оговорился или высказал явную глупость.

Стремление к равновесию пресуппозиций легко представить подчиненным следующему правилу коммуникативной рациональности: *приписывай ту пропозицию, которую приписывают другие участники разговора*. Для предложений, включающих указания на конкретных индивидов, это, однако, означает, что приоритетным должно быть приписывание утверждению той пропозиции, которая включает индивида, на которого указывают все; таким образом, выбор объекта указания с помощью имени или местоимения, являющегося компонентом интерпретируемого предложения, осуществляется по *de dicto* принципу, т.е. индивид выбирается не жестко, как при *de re* интерпретации, а согласно тому, насколько он отвечает некоему условию. Но тем самым субъекту приписывается и *de dicto* интерпретация соответствующих единичных выражений, используемых в утверждении, даже в тех случаях, когда их интуитивно очевидное прочтение должно быть *de re*. Так, в примере «Олири», очевидно, означает определенного индивида для каждого участника, а не любого из трех, на кого имеют в виду указать все (в ситуации равновесия пресуппозиций).

Но предположим, Вася переспросил Петю, кого тот имеет в виду, и получил исчерпывающее разъяснение. Следует ли из того, что он отбросил свою первоначальную пресуппозицию в отношении исходного утверждения в пользу пресуппозиции говорящего, что то, что говорящий сказал в момент утверждения, было не что иное, как пропозиция, соответствующая его собственной пресуппозиции, и первоначальное убеждение Васи не имеет значения? Мне кажется, что это чисто нормативное допущение. Его источником является убеждение, что утверждение должно быть нацелено на соответствие тому, каковы факты в мире или ситуации высказывания. Это правдоподобно, хотя не универсально — например, утверждения о вымышленных вещах явно имеют другую направленность (быть истинными в вымышленном мире), а утверждения о будущем могут трактоваться как нацеленные или на истинность в мире ут-

верждения, или на истинность в мире, где соответствующее будущее — настоящее.

Утверждение «Все лебеди белые», сказанное до открытия Австралии, выражает нечто ложное в мире контекста, даже не будучи никем отвергнуто. Если бы кто-то из знающих, как обстоят дела в этой части мира в нашем настоящем, переместился в прошлое и стал слушателем этого высказывания, должен ли был он приписать ему стандартное содержание, при котором «лебеди» охватывает всех птиц соответствующего вида (в нашем мире), или специфическое содержание, предусматривающее для «лебеди» более узкий охват — только те птицы соответствующего вида, которые не живут в Австралии или наблюдались до ее открытия? С одной стороны, говорящий скорее всего имел в виду всех лебедей, но с другой — его понятие лебедя скорее всего было сформировано на основании образцов только лебедей, наблюдавшихся до открытия Австралии и живших в других местах. Так что его содержание могло бы быть и более узким, чем он сам предполагал. Обе интерпретации в принципе законны и, зная, что «все» не делает слово, которое стоит за ним, автоматически охватывающим все вещи данного вида, а только все те вещи, которые входят в его фактический объем, мы могли бы даже согласиться с тем, что для такого гипотетического слушателя не будет неразумно заключить, что говорящий сказал нечто истинное, но выразил не ту пропозицию, которую предполагал высказать. Сказанное в утверждении с момента утверждения и далее уже не принадлежит только говорящему, и его убеждения не обязательно должны быть определяющими значение того, что сказано, после того как, это сказано.

Другим примером того, что обычные контексты утверждений не обязательно отражают согласие между пресуппозициями всех участников или стремятся к нему, может служить ситуация, когда говорящий делает утверждение, зная, что пропозиция, из которой он исходит, не является истинной для всех участников, но интенционально действуя так, как будто он не представляет себе, как можно не считать истинным нечто столь очевидное. Обычно такие утверждения делаются в воспитательных или обучающих целях, когда само восприятие отношения к подразумеваемому говорящим как очевидному, истинному для всех хотя и чуждо воспринимающим, может свидетельствовать для них, что они не правы в этом отношении. Несмотря на то что данная ситуация включает элемент

игры или блефа, она тем не менее вполне отвечает фундаментальной цели утверждения: сообщить то, во что ты веришь, как истинное, действительное или заслуживающее доверия.

Еще одна стандартная ситуация утверждения: сообщение новой для аудитории информации. Часто такое сообщение не только несет новую информацию, но и подразумевает нечто нетривиальное с точки зрения воспринимающих: когда, например, детям в школе говорят, что Солнце – желтый карлик, они могут быть еще недостаточно образованы, чтобы знать принятую в науке классификацию типов звезд. Тем не менее они, доверяя учителю, могут извлечь из сказанного информацию, которая прямо не высказывается, но подразумевается: среди звезд есть желтые карлики и желтый карлик не есть низкорослый человек желтого цвета, а что-то другое, когда речь идет о звездах¹. Является ли это изменение следствием добавления высказанного содержания к общему знанию или исходному подразумеванию учеников? Строго говоря, нет, так как подходящим под эту схему результатом должно быть следующее: Солнце – звезда. Желтый карлик – низкорослый человек с желтым цветом кожи или одетый во все желтое (пресуппозиция аудитории) + + Солнце есть желтый карлик (сказанное) = Солнце есть звезда и низкорослый человек, одетый или окрашенный в желтое².

Такое изменение скорее всего было бы отвергнуто большинством тех, кто воспринимает сказанное буквально, а это существенно для его восприятия как утверждения. Разумеется, опытный ученик включает в свою пресуппозицию некое общее убеждение, что если учитель утверждает, что А есть В, где А и В относятся к разным категориям, он не имеет в виду отнести А к категории В, а наоборот – имеет в виду сказать, что есть объекты из категории А, характеризующиеся как тип В. Но неопытный ученик может не исходить из такой презумпции и тем не менее понять утверждение более или менее адекватно с точки зрения говорящего, а именно: что Солнце есть такая звезда, которая чем-то подобна желтому карлику. В этой интерпретации, однако, нет строгого согласия с пресуппозицией говорящего, если он делал утверждение в расчете на опытных учеников.

¹ В ходе обучения такие утверждения делаются часто, так как говорящий обычно исходит из того, что он пояснит то, что первоначально только подразумевается, в процессе дальнейшего обучения.

² Естественно, возможны варианты.

Иногда субъект понимает, что его непосредственная аудитория не способна понять то, что он хочет сказать, и тогда он делает выбор: высказаться более понятно или более точно, но в расчете на другую, более адекватную аудиторию? Если он выбирает понятность, его пресуппозицию можно ограничить только теми предпосылками, которые разделяет по его убеждению его текущая аудитория, но если он выбирает точность, он скорее всего должен оставить расчет на согласие аудитории с его пресуппозицией. Однако это не обязательно соответствует отказу принимать сказанное: аудитория может понять его по-своему, придя к согласию, противоречащему пресуппозиции говорящего. В этой ситуации мы имеем по меньшей мере два кандидата на роль источника пропозиционального содержания утверждения: действительное согласие между слушателями или потенциальное согласие кого-то с говорящим.

Если я слышу по радио фразу «Нунций в Аргентине провел молебен в честь новоизбранного Римского папы, с которым он познакомился, еще когда только прибыл в Аргентину», я понимаю, что пропозиция, которая утверждается в данном случае, скорее всего есть «Нунций в Аргентине провел молебен в честь новоизбранного Римского папы — кардинала Бергольо, с которым нунций познакомился, еще когда только прибыл в Аргентину». Но поскольку за данной фразой стоит мысль, которую пытался выразить составитель новостей, и он мог подразумевать пропозицию или его подразумевание может быть совместимо с пропозицией, что нунций в Аргентине провел молебен в честь новоизбранного Римского папы и с этим Римским папой этот нунций познакомился, когда только прибыл в Аргентину, я не могу полностью исключить, что утверждение утверждает нечто ложное¹. Согласие с пресуппозицией составителя новостей в данном случае не только не является моей целью при выборе интерпретации. Было бы ошибкой выбирать интерпретацию исходя из этой цели в такой ситуации, поскольку мне важно получить из новостей как можно больше информации, которой я могу доверять.

Насколько уместно стремиться к согласию с презумпцией говорящего? Может быть, это не столь однозначно даже с точки зрения самого говорящего. Когда ребенок в ходе игры говорит другому «Я тебя убил», он ведет себя так, как будто он и другие игроки верят

¹ Примем для простоты, что диктор не является подлинным агентом коммуникации в данном случае и что его точка зрения не имеет значения.

в то, что произошедшее есть убийство, но при этом никто из них не верит в это, поскольку другой частью их релевантных убеждений является понимание, что они играют. Никто, строго говоря, не приходит к убеждению, что тот, о ком идет речь, убит. Эту ситуацию можно трактовать так, что утверждаемое в таком случае соответствует пропозиции, что такой-то *как бы убит*, которую все принимают, поскольку следуют правилам игры. Но предположим, данное утверждение делает взрослый другому взрослому, тыкая в него пальцем. Предположительно говорящий в таком случае хочет сказать, что сделал в отношении слушающего что-то, сопоставимое с настоящим убийством, подразумевая, что они не играют. Слушающий, если он не ждет от говорящего никакого зла для себя, точно так же может исходить из гипотезы, что тот подразумевает как бы убийство и предлагает, таким образом, воспринимать дальнейшее как игру. Будет ли рациональным решением для последующего разговора его развитие в направлении редукции контекста слушающего в пользу согласия с пресуппозицией говорящего, зависит в том числе от того, насколько важно для самого говорящего сохранить исходное подразумевание и закрепить его в конечных убеждениях слушающего. А это может определяться тем, насколько основательной является его исходная пресуппозиция относительно его собственной оценки данной ситуации, доступной на его лучшей эпистемической позиции. Если сохранение исходной пресуппозиции эпистемически обоснованно в указанном смысле, то согласие с ней уместно трактовать как рациональное решение для основанного на ней разговора, если нет, то более рациональным решением может быть изменение пресуппозиций в пользу согласия с убеждениями слушающего.

Но обе пресуппозиции могут быть эпистемически не обоснованными в указанном смысле: в этом случае пресуппозиция говорящего может быть рационально модифицирована в направлении согласия с исходной пресуппозицией слушающего, тогда как последняя может в то же время претерпеть противоположное изменение. Тогда рациональное решение ситуации в целом будет скорее соответствовать сохранению разногласия, чем согласию. То же самое относится к случаям, когда исходные пресуппозиции обоих слишком важны для них и эпистемически обоснованны для каждого. Таким образом, если согласие по поводу сказанного достигнуто вследствие сохранения или изменения пресуппозиций, хотя бы од-

но из которых является эпистемически не обоснованным, такое согласие нельзя, на мой взгляд, считать однозначно рациональным шагом коммуникации.

Участники разговора могут не менять своих пресуппозиций, но перейти на основании полученных данных с текущей позиции оценки содержания сказанного на более критическую. Этот переход в свою очередь позволяет в среднем лучше решать задачу правильного понимания сказанного нормальным агентам. Но для его обеспечения может быть критически важно, чтобы субъект на основании полученных в ходе разговора данных, противоречащих его пресуппозиции, не переключался «автоматически» с исходной интерпретации на другую, а использовал эти данные иначе — как основания быть более критичным в данной ситуации. Таким образом, сохранение разногласия может быть более полезным с точки зрения правильного понимания сказанного, чем простой переход от разногласия к согласию. Корректно требовать, чтобы такой переход был как можно более эпистемически обоснованным, а это обычно коррелирует как раз с нахождением в лучшей эпистемической позиции по отношению к текущей, и, как правило, повышение критичности улучшает текущую позицию в указанном направлении.

Часто, когда целью утверждения является согласие с аудиторией, утверждение корректно трактовать как говорящее то, что в нем подразумевает агент, но в других ситуациях это не так. Равновесие не обязательно должно быть синхронным, т.е. приписывающим утверждению одну пропозицию в ситуации равновесия; оно может быть и асинхронным, а именно предписывающим разные интерпретации сказанного игроками в соответствующей ситуации. Так, если Петя и Вася одновременно произносят фразу «Ты дурак», обращенную к собеседнику, равновесие правильного понимания сказанного в этом коллективном утверждении будет более соответствовать разным интерпретациям, чем одной. Это, возможно, слишком экзотическая ситуация; но конфликтная коммуникация, когда каждому по каким-то внешним причинам важно отстоять свое понимание сказанного, куда менее редкое явление. Равновесие в такой «игре» обычно если вообще достижимо, не может состоять в редукции пресуппозиций одних игроков к пресуппозициям других. Если решение в таких ситуациях есть, оно скорее должно иметь вид компромисса, а это, в частности, может предусматривать выбор ко-

нечной интерпретации не в соответствии с одной из исходных пресуппозиций, а исходя из какой-то более сложной комбинации элементов их содержаний.

Детерминированность содержания пресуппозициями и динамика разговора

Даже если все участники разговора согласны в том, что подразумевает сделанное утверждение, я не думаю, что сказанное в этом утверждении детерминировано этой пресуппозицией.

Сталнейкер утверждает, что прагматическое понятие пресуппозиции позволяет объяснить, как утверждение, сделанное от третьего лица, и утверждение, сделанное от первого лица, могут выражать одну и ту же пропозицию. Утверждения «Если бы Гарри узнал, что его жена флиртует, он бы расстроился» и «Если бы я узнал, что моя жена флиртует, я бы расстроился» (высказанное Гарри) имеют разные пресуппозиции, но выражают одну и ту же пропозицию¹. Но чтобы эти случаи можно было так трактовать, надо допустить, что агенты знают или думают о фактах одно и то же: что не является фактом, что жена Гарри флиртует². Однако позиции реальных коммуникаторов могут не совпадать: Джо может исходить из того, что жена Гарри флиртует, а Гарри — что о ней такого, по крайней мере, нельзя сказать. В таком случае разные пресуппозиции будут давать разные пропозициональные содержания, например: «Жена Гарри флиртует, и в ситуации, в которой он обнаруживает это, он расстраивается» и «Возможна ситуация, в которой жена Гарри флиртует, он это обнаруживает и расстраивается». Если же различие между пресуппозициями состоит только в различии между содержаниями выражений «Гарри» и «Я», то на каком основании мы должны заключить, что утверждается одна и та же пропозиция? Пресуппозиция с «Гарри» предполагает, что релевантное множество возможных миров состоит только из тех, где существует денотат данного появления «Гарри», тогда как пресуппозиция с «Я» предполагает в качестве элементов релевантного множества миров только те, в которых существует денотат данного появления «Я». Если говорящий

¹ См.: *Stalnaker R. Op. cit. P. 58.*

² Альтернативное прочтение, согласно которому оба знают, что жена Гарри флиртует, делает соответствующее утверждение от лица Гарри крайне странным.

ошибочно думает, что он — Гарри (т.е. тот самый человек, которого считает говорящим Джо), то его пресуппозиция не будет предписывать утверждению ту же пропозицию, что и пресуппозиция Джо.

Но в обычной ситуации (если Гарри не ошибается на свой счет) очень правдоподобно, что такое утверждение, если оба согласны относительно фактов, должно для обоих утверждать одно и то же. Трактовать это можно в том числе и так: сказанное в утверждении не обязательно детерминировано пресуппозициями участников разговора.

Предположим, говорящий из приведенного ранее примера не верит и не готов поверить, что Олири дурак, в том смысле уверенности и готовности, который для него и его популяции определяет, когда можно, а когда нельзя приписывать веру и готовность в обычных условиях. И он не верит, что другие участники разговора верят, что Олири дурак, в том же смысле. Но он допускает некоторую незначительную вероятность (например, 0,02) как того, что Олири дурак, так и того, что другие так думают. Он может в этих условиях сделать то же самое утверждение «Ты дурак», подразумевая, что Олири наверняка (с максимальной вероятностью) дурак. Его целью может быть исключение вероятности гипотезы, что Олири не дурак, на основании согласия всех или большинства его слушателей¹. Будет ли такое утверждение выражать пропозицию «Олири дурак»?

Ее можно приписать данному утверждению с точки зрения говорящего и относительно задачи, которую он пытается решить данным высказыванием. И если слушатели не допускают даже мысли, что Олири дурак, они скорее всего воспримут такое утверждение как оспаривающее то, что они подразумевают, т.е. как говорящее, что Олири дурак. Под влиянием авторитета говорящего они (включая даже самого Олири) могут изменить свои убеждения и таким образом прийти к согласию. Важно, что из этого согласия строго следует, что утверждение выражает пропозицию «*Олири дурак*». Между тем она не следует из пресуппозиции, что Олири наверняка дурак.

Если сказанному в утверждении можно приписать значение, только принимая во внимание динамику изменения пресуппози-

¹ Это нормальная вторичная цель утверждения, даже если оно как речевой акт строго определено в терминах какой-то другой цели. Такое утверждение не противоречит популярной идее, согласно которой утверждать можно или разумно только то, во что веришь, так как говорящий в данном случае скорее верит в то, что утверждает, чем нет.

ций участников, то это значит, что значение не может быть приписано, если не установлены достаточно четко границы разговора, частью которого является это утверждение. В некоторых случаях это можно сделать, но далеко не всегда. Когда обсуждение какого-то вопроса прервано внезапным событием и возобновлено через какое-то время, в течение которого участники были заняты другими делами, такое событие можно трактовать и как продолжение прерванного разговора, и как новый разговор на старую тему. Соответственно изменения интерпретаций утверждения, сделанного до перерыва, получаемые после перерыва, могут трактоваться как релевантные или как нерелевантные оценке его значения, что, конечно, не делает его понимание более определенным.

Но даже если границы разговора однозначно проведены, можно разными способами выводить содержание утверждения из совокупности его интерпретаций всеми участниками, получаемых в конечном счете. В частности, матрица представляет все стратегии интерпретации, доступные участникам; между тем в действительной коммуникации доступ к некоторым интерпретациям из в принципе доступных в данном разговоре может быть заблокирован его обстоятельствами независимо от вклада такой интерпретации в равновесие пресуппозиций. Например, если утверждение высказывает крайне авторитетный для аудитории человек, все слушатели могут строго придерживаться презумпции, что утверждение, высказанное для них этим человеком, должно быть истинным. Тогда они будут выбирать только те интерпретации (т.е. пары «контекст, мир»), которые делают его истинным. Совокупность таких интерпретаций может быть решением данной коммуникативной ситуации, если сохранение авторитета говорящего является в ней приоритетом, даже несмотря на то что они не соответствуют его собственной пресуппозиции (предположим, он высказал нечто ложное в его мире).

Дэниэлз в примере может так бурно отреагировать на утверждение говорящего, понятое им на первом ходу коммуникативной «игры» как говорящее о нем, что он дурак, притом что он себя дураком не считает, что это может подвигнуть Олири поменять свою первоначальную интерпретацию (или принять в качестве исходной, если он до этого не мог определиться) на ту, которая соединяет контекст Дэниэлза с миром Олири. Если Дэниэлз более авторитетен для Олири, если его реакция повлияла на него больше, чем последующее разъяснение говорящего, то даже если говорящий на своем

втором ходе пояснит, что он имел в виду Олири и сказал о нем, что он дурак, Олири может продолжать считать, что интерпретация Дэниэлза верна, а говорящий просто врёт¹. Такого рода неформальные особенности развития разговора могут иметь и часто имеют большее влияние на то, какие интерпретации выбираются участниками в конечном счете, чем интересы равновесия пресуппозиций. При этом коммуникаторы вовсе не обязаны в таких случаях трактоваться как действующие вразрез с базовым интересом правильного понимания сказанного и, вследствие этого, как действующие иррационально.

Опытный коммуникатор может и часто имеет в виду, что те, к кому он обращается, могут неправильно понять его слова, где неправильность задается предполагаемыми им различиями между его собственными знаниями и убеждениями и знаниями и убеждениями его аудитории, но точный состав этих расхождений ему не известен, так же как и степень обоснованности его предположения. Уместно предположить, что в ситуациях, когда говорящему важно донести свою мысль до тех, к кому он обращается, он, будучи достаточно опытен, склонен выбирать компромиссную стратегию, допускающую отклонение от принципа минимальности искажений выражаемой мысли в ее понимании аудиторией в интересах максимизации ее понятности и приемлемости для слушателей. Такая стратегия может быть строго доминирующей, т.е. форма утверждения выбирается независимо от приписываемых конкретной аудитории знаний и убеждений исходя из образцов, хорошо зарекомендовавших себя в прошлом в качестве реализаторов искомого компромисса. Она может делать говорящего интенционально поддерживающим определенную семантическую неоднозначность своего высказывания. Это также характерно для случаев, когда в качестве адресата высказывания выбирается какой угодно минимально рациональный агент, по стечению обстоятельств ставший его получателем. В таких ситуациях согласие с пресуппозицией говорящего не является решением разговора даже с точки зрения самого говорящего, а содержание сказанного не детерминировано ни одной пресуппозицией, ставящей в соответствие утверждению единственную пропозицию.

¹ Он также может придерживаться этой версии и по независимым от поведения Дэниэлза причинам, а именно потому, что ему не нравится думать, что кто-то может всерьез сказать о нем, что он дурак.

Заключение

Задача учета реальных отношений участников коммуникации к различным релевантным оценкам высказывания фактам при семантическом анализе сказанного в этом высказывании чрезвычайно трудна в силу огромного многообразия коммуникативных практик, стратегий и критериев оценки их успешности. Выбирая решение для какой-либо коммуникативной ситуации, опираясь на одни практики и критерии, мы рискуем упустить из виду роль других. Равновесие пресуппозиций — хороший образец решения многих коммуникативных задач, но не для всех случаев он предполагает согласие, делающее одну из исходных пресуппозиций детерминирующей значение сказанного. К тому же, как я пытался показать, сами пресуппозиции как отвлечения от убеждений и установок агентов не настолько четко определенные детерминанты значений, как это заложено в разбираемой теории.

Если то, что говорит данное предложение в данном утверждении, определяется пресуппозициями, уместно требовать, чтобы оно определялось пропорционально их реальному вкладу в некий конечный результат. И если под результатом не понимается нормативно простое согласие с одной из пресуппозиций, то принцип выведения содержания сказанного из содержаний пресуппозиций будет зависеть от того, что понимается под релевантным результатом. Здесь выбор кандидатов достаточно широк — от просто достижения какого-то понимания сказанного каждым из игроков до определенного вида последствий данного разговора в рамках какой-то более объемлющей интеракции. Так что трудно рассчитывать на выведение какой-то единой формулы такого типа зависимости.

Предположим, кто-то говорит «Шерлок Холмс живет на Бейкер-стрит», имея в виду литературного героя, который живет на этой улице в мире романов Конан Дойля. Но слушающий понял высказывание как утверждение о том, что есть реальный Шерлок Холмс и он живет на Бейкер-стрит. Предположим, что его понимание — последнее в ряду взаимодействий, конституирующих данный разговор. Чья интерпретация сказанного важнее для понимания его содержания, не в последнюю очередь, я думаю, зависит от того, какова цель разговора: если он встроен в проект установления объективной истины, как бы утопичен он ни был, позиция последнего интерпретатора выигрышной в роли детерминанта значения сказанного, поскольку она делает высказывание более определенным и, как следст-

вие, лучше соотносимым с фактами. Согласно ей, утверждение говорит, что есть некий реальный Шерлок Холмс, живущий на реальной Бейкер-стрит, т.е. нечто истинное, если такой человек есть, но ложное относительно литературного героя. Пропозиция же, приписываемая с точки зрения говорящего: «Литературный герой Конан Дойля Шерлок Холмс живет на Бейкер-стрит в романах Конан Дойля», не дает такой определенности, так как совместима с разными условиями истинности в зависимости от того, в каком смысле использовано слово «живет» (в том смысле, в каком реальные люди живут на реальных улицах или в другом) и что является денотатом «Бейкер-стрит» — реальная улица или ее аналог в романах Конан Дойля. Но ситуация, очевидно, изменится, если цель разговора более герменевтическая: если важно установить, какая мысль мотивировала утверждение, несомненно, пресуппозиция говорящего будет иметь приоритетную значимость.

В то же время мне не кажется заведомо неприемлемыми альтернативными гипотезами принятие в качестве решения задачи правильного понимания сказанного: 1) совокупность интерпретаций, выбираемых на последнем ходе разговора каждым из участников независимо от того, насколько они согласуются между собой; 2) выбор такой интерпретации, с которой согласились бы все участники разговора на своих лучших эпистемических позициях независимо от того, насколько она согласуется с фактическими пресуппозициями; 3) выбор той конечной пресуппозиции, которая обеспечивает наибольшую вероятность следствий определенного типа из данного утверждения, например консенсуса в некой расширенной аудитории в следующей «игре», первым ходом в которой будет подобное утверждение.

Сведения об авторах

Вострикова Екатерина Васильевна — кандидат философских наук, научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН. E-mail: katerina-vos@mail.ru.

Куслий Петр Сергеевич — кандидат философских наук, научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН. E-mail: kusliy@yandex.ru.

Ладов Всеволод Адольфович — доктор философских наук, профессор кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Национального исследовательского томского государственного университета, заведующий кафедрой философии Томского научного центра СО РАН. E-mail: ladov@yandex.ru.

Мигла Анастасия Владимировна — кандидат философских наук, научный сотрудник сектора логики Института философии РАН. E-mail: asterel@rambler.ru.

Микиртумов Иван Борисович — доктор философских наук, заведующий кафедрой логики философского факультета СПбГУ. E-mail: mikirtum@mail.ru.

Ольховиков Григорий Константинович — кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания Департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: grigory.olkhovikov@gmail.com.

Татевосов Сергей Георгиевич — кандидат филологических наук, доцент отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: tatevosov@gmail.com.

Тискин Даниил Борисович — аспирант философского факультета СПбГУ. E-mail: tyskin@yandex.ru.

Черняк Алексей Зиновьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. E-mail: abishot2100@yandex.ru.

Научное издание

Философия языка и формальная семантика

Сборник статей

Под редакцией П.С. Куслия

Оформление художника *С.Б. Дьякова*
Художественный редактор *А.В. Антипов*
Компьютерная верстка *О.С. Тониной*
Корректор *Ю.В. Жаркова*

Подписано в печать 25.11.2013.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печ. л. 15,00.
Уч.-изд. л. 15,17. Тираж 300 экз. Заказ №

Издательский Дом «Альфа-М»
Адрес: 127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1
Тел./факс: (495) 363-4270 (573)
E-mail: alfa-m@inbox.ru

ООО «Аполлон принт».
127282, Москва, ул. Полярная, 31В, стр. 1.
www.apolloprint.ru